

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 3 (82) 2022

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 3(82) 2022 год

Учредитель – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (ДОННУ)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук (ДОННУ);

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДОННУ);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДОННУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (ДОННУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДОННУ);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДОННУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, РФ);

Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г.Ростов-на-Дону, РФ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Саржан А.А., д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь, РФ);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Цыганков П.А., д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, г. Москва, РФ)

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г.);

Журнал входит

в перечень рецензируемых научных изданий Донецкой Народной Республики (приказ Министерства образования и науки ДНР от 01.11.2016 г., № 1134)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +38 (062) 302-07-25

e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
07.10.2022 (протокол № 7)*

Выпуск подготовлен в Донецком национальном университете
под редакцией С.В. Беспаловой, ректора университета, д-ра физ.-мат. наук, профессора

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2022. – № 3(82). – 181 с.

ISSN 2079-9152

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.**

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г**

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

© Авторский коллектив выпуска, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Рязанов С.В., Шепко Л.Г., Щипанова А.Г., Козорезов А.А., Ревина Е.И.** Новый памятник раннего железного века на Нижнем Дону..... 8
- Дегерменджи С.М., Пупенко А.И., Манько Н.В.** Опыт применения дистанционного мониторинга в оценке состояния сохранности археологических объектов ДНР. 20

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Колесник А.В.** Проблема культурного членения памятников среднего палеолита Восточной Европы в 60–90-е гг. XX в.: историографический обзор. 38
- Гриб В.К.** Археологическое наследие Хазарского каганата на территории Донецкого кряжа и Северо-Восточного Приазовья: историографический обзор. 52
- Разумный В.В., Майкова М.А.** Изучение истории Персии начала XX века в работах отечественных и зарубежных исследователей. 74

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Скоков А.С.** Проекты наделения землей и преобразования налогов и повинностей крепостных рабочих Южного промышленного региона (вторая половина XIX в.). 82
- Агапов В.Л.** Угольная промышленность Ворошиловградской и Ростовской областей в октябре 1941 г. – июле 1942 г. 91
- Соловей М.А.** Трудоустройство выпускников детских домов Донбасса в 1945 – 1955 гг. 107
- Агаркова М.И.** Становление сравнительно-исторического языкознания в России в парадигме интеллектуальной истории 114
- Ющенко Д.А.** Береговое право в Азовском морском бассейне в XIII-XV вв.: законодательная база и практика в контексте европейского берегового права. 121

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Бредихин А.В., Коваленко Р.Н. Гондурас в условиях Центральноамериканского конфликта. 129

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кулага М.В. Ретроспективный анализ российско-вьетнамского военно-технического и политического сотрудничества. 136

Козловский А.Ю. Политика КНР в отношении конфликта на Донбассе в 2014-2022 гг. 146

ПОЛИТОЛОГИЯ

Пожидаев Е.А. К вопросу о предпосылках геополитического столкновения на Донбассе и Украине. 151

Титова А.Г. Слухи и фейковые новости как фактор дестабилизации социально-политической обстановки: опыт противодействия. 167

Минаев А.И. К вопросу о национальной идее как факторе поступательного развития современного российского общества. 173

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Ryazanov S.V., Shepko L.G., Shchipanova A.G., Kozorezov A.A., Revina E.I.** A new monument of the early Iron Age on the Lower Don..... 8
- Degermendzhi S.M., Pupenko A.I., Manko N.V.** Experience in using remote monitoring in assessing the state of preservation of archaeological sites in the DPR. 20

HISTORIOGRAPHY

- Kolesnik A.V.** The problem of cultural division of Middle Paleolithic sites in Eastern Europe in the 60-90s. XX century: historiographic review. 38
- Grib V.K.** Archaeological heritage of the Khazar Khaganate on the territory of the Donetsk Ridge and the North-Eastern Sea of Azov: historiographic review. 52
- Razumny V.V., Maikova M.A.** Study of the Persia history in early of XX century in investigations of national and foreign explorers. 74

NATIONAL AND REGIONAL HISTORY

- Skokov A.S.** Projects of allotment of land and transformation of taxes and duties of serf workers of the Southern industrial region (second half of the 19th century). 82
- Agapov V.L.** Coal industry of the Voroshilovgrad and Rostov regions in October 1941 - July 1942. 91
- Solovey M.A.** Employment of graduates of orphanages in Donbass in 1945-1955. 107
- Agarkova M.I.** The formation of comparative historical linguistics in Russia in the paradigm of intellectual history. 114
- Yushchenko D.A.** Coastal Law in the Sea of Azov in the 13th-15th Centuries: Legislative Framework and Practice in the Context of European Coastal Law. 121

THE WORLD HISTORY

- Bredikhin A.V., Kovalenko R.N.** Honduras in the context of the Central American conflict. 129

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Kulaga M.V. Retrospective analysis of Russian-Vietnamese military-technical and political cooperation. 136

Kozlovsky A.Yu. China's policy towards the conflict in Donbas in 2014-2022. 146

POLITICAL SCIENCE

Pozhidaev E.A. To the question of the prerequisites for a geopolitical clash in the Donbass and Ukraine. 151

Titova A.G. Rumors and fake news as a factor in the destabilization of the socio-political situation: the experience of counteraction. 167

Minaev A.I. On the question of the national idea as a factor in the progressive development of modern Russian society. 173

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470.61)(638.3)

С.В. Рязанов

кандидат исторических наук,

ООО "Архспецпроект"

e-mail: drawset@yandex.ru

Л.Г. Шепко

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: lsherko@donnu.ru

А.Г. Щипанова

ООО "Ростовское Археологическое Научно-Исследовательское Общество»

e-mail: schipanova.nastia@yandex.ru

А.А. Козорезов

ООО "Дельта-Л"

e-mail: kozorezoff@yandex.ru

Е.И. Ревина

ГБУК РО "Ростовский областной музей краеведения",

e-mail: elena.revina@bk.ru

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА НИЖНЕМ ДОНУ

Аннотация

В статье рассматривается женский погребальный комплекс, открытый в 2021 г. и раскопанный в 2022 г. в Аксайском районе Ростовской области (могильник «Красный Колос IV»). Котел, колчаный набор, ювелирные изделия и ритуальные предметы говорят об особом статусе женщины. Элементы погребального обряда и инвентаря находят аналогии как в скифских, так и сарматских комплексах IV-III вв. до н.э. от Поднепровья до Южного Урала. Материалы захоронения расширяют представление о материальной культуре населения степного Подонья и отражают сложность этнокультурных процессов в данном регионе.

Ключевые слова: *кочевники, ранний железный век, погребальный обряд; предметный комплекс, Нижний Дон*

Summary

This paper examines a female burial complex, discovered in 2022 in the Aksai district of the Rostov region (burial ground «Krasny Kolos IV»). A cauldron, a quiver set, jewelry, and ritual items indicate the special status of the woman. Elements of the funeral rite and inventory correspond to those of both the Scythian and Sarmatian complexes of the 4th-3rd centuries BC from the Dnieper to the Southern Urals.

The burial materials broaden the understanding of the material culture of the Don steppe population and reflect the complexity of ethnocultural processes in this region.

Keywords: *nomads; early Iron Age, funeral rite; artefact complex, Lower Don.*

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР.

Регион Северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья является перекрестком исторических путей – миграционных, торговых, культурных. Сложность и многогранность исторических процессов и взаимодействия как народов, так и археологических культур неоднократно отмечалась исследователями. Каждая новая находка дополняет информацию о прошлом, уточняя и внося коррективы в существующие представления.

В связи с этим открытие в 2022 г. погребального комплекса раннего железного века в курганном могильнике «Красный Колос IV» Аксайского р-на Ростовской области представляет особый интерес.

Данная статья является предварительной публикацией результатов раскопок кургана № 15, в которой обращается внимание на отдельные особенности погребальной обрядности и инвентаря комплекса.

Курган 15 выявлен в ходе разведок, проводившихся А. Г. Щипановой по Открытому листу № 0073-2021 от 11 февраля 2021 г. на земельном участке, отведённом под хозяйственное освоение по титулу: «Строительство сетей инженерно-технического обеспечения жилой застройки в п. Красный Колос» в Аксайском районе Ростовской области в 2021 г. (Отчет хранится в Архиве ИА РАН). В 2022 г объект исследован раскопками по Открытому листу № 0154-2022 от 10 марта 2022 года, выданного на имя С. В. Рязанова

Памятник располагался на поле в 13 км к западу от Новочеркасска (Рис.1).

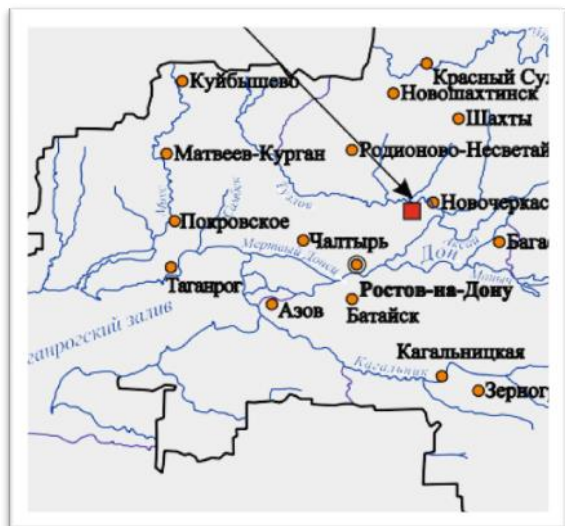

Рис. 1. Курганный могильник «Красный Колос IV». Ростовская область

Рис. 2. Курганный могильник «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1. Вид с ЮЗ. Фото

Курган длительное время подвергался распашке, и к моменту начала работ его высота составляла 0,2 м от современной поверхности. Насыпь сооружена в эпоху раннего железного века над одним погребением. В ходе исследования насыпи в северо-западном секторе кургана на глубинах 0,5–0,7 м зафиксированы четыре местонахождения костей животных, по-видимому, следы тризны. Захоронение располагалось в 10 м к северу от условного центра и прослеживалось в насыпи с уровня с 0,9–0,96 м. Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой просторную яму прямоугольной формы.

В северо-западной части могильной ямы на глубине 2,88 м прослежены тлен от деревянных подпорок и фрагмент кожаной занавески длиной 1,7 м, которые фиксировали вход в камеру. Размер камеры по дну до занавески 3,35 х 1,35–2,10 м. Дно могилы находилось на глубине 3,02 м. В верхней части заполнения ямы обнаружены кости животных и верхняя часть лепного сосуда.

Погребенная женщина была уложена на травянистую подстилку, головой на юго-юго-восток, вытянуто на спине, руки вдоль туловища.

Сопутствующий инвентарь располагался несколькими группами (Рис. 2).

Справа от головы умершей лежала амфора с клеймом, а у правого плеча – ритуальный набор, включавший каменную плитку, костяную ложечку, куски мела и реальгара. За головой у южной стенки стоял деревянный сосуд, от которого сохранился тлен и металлическая (золото) накладка и скоба, там же находилась костяная проколка.

Слева от умершей располагались чернолаковая миска, гривна, бронзовое зеркало, бусина, а также колчаный набор: сохранились наконечники стрел и тлен от древков стрел.

В ногах погребенной, у северо-западной стенки камеры, находились развал амфоры, часть туши животного (лошади), на костях которой лежал железный нож, рядом стоял бронзовый котёл с костями животного внутри.

На костях умершей сохранились украшения и детали костюма, среди которых золотые перстень и 2 серьги; каменные подвески, металлические пронизи ожерелья, нашивные бляшки на одежду на нескольких видов.

Рассмотрим погребальный обряд и инвентарь данного комплекса на предмет определения его хронологической и этнокультурной принадлежности.

Погребение является основным в кургане и совершено в широкой прямоугольной яме. Проследить детали конструкции сложно, но некоторые особенности, в т.ч. и заполнения, позволяют предположить наличие небольшой ступеньки с юго-западной стороны и наличие кожаной занавески. Большие ямы под индивидуальными насыпями – одна из наиболее стабильных форм погребальных конструкций V–IV вв. до н.э. на левобережье Дона [1, с.52].

В погребениях V–III вв. до н. э. в районе междуречья Дона и Северского Донца южная ориентировка, как отмечал В.Е. Максименко, является преобладающей (Шолоховский курган, курганы на Быстрой, Карнауховский курган и др.). В левобережных захоронениях она фиксируется с IV в. до н. э. Он также обратил внимание на то, что на левобережье Нижнего Дона южная ориентировка присуща в основном женским и детским комплексам савроматского периода. В целом, в савроматский период в степной зоне Подонья преобладают западная ориентировка и вытянутое положение костяка. Западная ориентировка и вытянутое положение костяка характерны для Елизаветовского могильника и Беглицкого некрополя. К концу III – началу II в. до н. э. захоронения с западной ориентировкой погребенных в степной зоне Подонья почти полностью исчезают и на смену им приходят захоронения с южной ориентировкой [2, с. 57-58].

Погребальный инвентарь рассматриваемого комплекса включает традиционные категории вещей. Прежде всего, по функциональному признаку выделяются посуда и тара, предметы вооружения, украшения и предметы туалета, детали одежды, предметы культа.

Котел. Умершую сопровождал литой бронзовый котел, который имеет бокаловидное тулово на коротком рюмкообразном поддоне. Ручки прикреплены к верхнему краю тулова, украшены тремя коническими выступами. Край котла плоский, горизонтальный. В верхней части проходит шов. Высота изделия 40 см, диаметр по краю 32 см, максимальный диаметр по тулову – 35,7 см, высота ручки – 6,5 см с выступом. Диаметр поддона – 13,5 см, его высота – 8,2 см. Он имеет следы многократного ремонта. Тулово покрыто многочисленными заклепками разного размера, что свидетельствует о довольно длительном периоде его использования.

В культуре кочевников раннего железного века металлические котлы выступают как социальные индикаторы. Памятники, в которых они присутствуют, объединяются наличием вооружения и других престижных предметов. Вместе с тем, котлы довольно часто являются случайными

находками, что затрудняет определение их хронологической позиции. Они присутствуют в как мужских, так и женских погребениях. Многие из них имеют признаки явно не сакрального, а утилитарного использования.

Исследованию металлических котлов уделяется достаточно внимания. На основе морфологических признаков разработаны типологические схемы литых и кованых котлов, обнаруженных как на территории существования скифских, так и савромато-сарматских племен (Смирнов К.Ф., Боковенко Н.А., Косяненко В.М., Флеров В.С., Демиденко С.В.). Типологии учитывают такие признаки, как форма тулова, поддона, ручек, наличие орнамента. По форме тулова и поддона данный котел следует отнести к предметам савромато-сарматского круга. От скифских котлов его отличает бокаловидное тулово и невысокий рюмкообразный поддон [3, с. 234, рис. 53].

В типологиях, предложенных С.В.Демиденко [4], В.М.Косяненко – В.С.Флеровым [5], данный вариант не представлен. Определенное сходство бокаловидное тулово находит в типах I, XVII (по С.В.Демиденко), датируемых второй половиной IV – началом III вв. до н.э. Это случайная находка у с. Колузаево, Нижнее Подонье, и котел из погребения 3 кургана 2 в г. Азов [6, с. 89, рис. 27, 10]. Вертикальные петлеобразные ручки с тремя выступами характеризуют тип 1, вариант 3, подвариант А [7, с. 15-16, рис. 81].

Амфоры. Нередкой категорией в кочевнических комплексах, как сарматских, так и скифских выступают предметы греческого импорта, прежде всего, амфоры. В данном погребении одна амфора (1) крупных размеров располагалась у северо-западной стенки камеры в ногах умершей, другая (с клеймом) лежала справа от черепа.

Амфора (1) имеет тулово пифоидной формы, высокое горло, пологие плечи. Ручки массивные, одна из них и ножка отбиты. Сохранившаяся высота амфоры 63 см; наибольший диаметр тулова 42 см, ширина валикообразного венчика 1,4–1,6 см. Глина светло-коричневая с мелкими белыми и черными включениями. Поверхность хорошо заглажена. Амфора, скорее всего, кидского производства (Рис. 3).

Изучение меотских погребальных комплексов на Кубани, где обнаружены в последние годы кидские амфоры, позволило уточнить их датировку. Наибольшее количество известных кидских амфор из Прикубанья датируется последней третью IV – самым началом III вв. до н.э. и принадлежит «пифоидному» варианту тары, имеющей валикообразный венец. Е. В. Кузнецова уточнила хронологию «пифоидного» варианта, проследив изменения его размеров. Развитие варианта идет по пути увеличения высоты верхней части и горла от 300 и 155 мм до 350–360 и 205–210 мм соответственно [8]. Существенным для определения датировки рассматриваемого комплекса является то, что на рубеже IV–III вв. до н. э. происходит переориентация кидской внешней торговли – основная масса продукции которой направляется теперь на средиземноморские рынки. В Северное Причерноморье направлялись редкие партии.

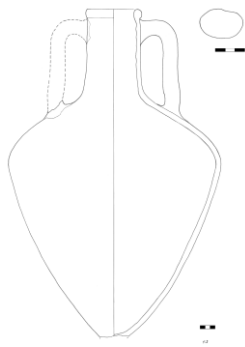

Рис. 3. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1. Амфора 1

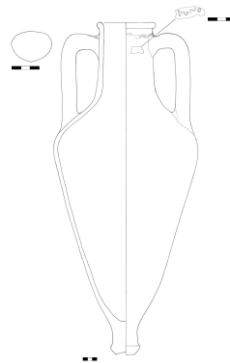

Рис. 4. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1. Амфора 2

Рис. 4 а. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1. Амфора 2. Клеймо

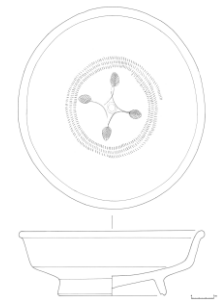

Рис. 5. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1. Чаша чернолаковая

Вторая амфора (2) имеет округлые контуры, высокое горло, плавно переходящее в высокие плечи, невысокую ножку с небольшим вдавлением (Рис. 5). Под венчиком нанесена полоса красной краской. На горле амфоры оттиск клейма (Рис. 5а). Высота амфоры составляет 94 см, диаметр тулова – 31 см, высота горла – 17,5 см, диаметр его – 12 см. Глина плотная, светлорыжевого цвета, содержит мелкие белые, черные включения, незначительное количество слюды.

Слева от черепа стояла чаша чернолаковая на кольцевом поддоне с широким бортиком и отогнутым наружу краем. На внутренней поверхности нанесен штампованный орнамент из 3,5 concentрических кругов насечек, 4 лепестков, соединенных врезными дуговидными линиями. Высота чаши 7,5 см, диаметр края 24 см, диаметр по бортику – 21,5 см, высота поддона 2,2 см (Рис. 5).

Умершую сопровождал колчанный набор. Наконечники стрел представляют несколько разновидностей. Это бронзовые втульчатые со скрытой втулкой; трехлопастные со сводчатой головкой, имеющие прямое основание, так наз. «базисные» наконечники; бронзовые втульчатые с опущенными ниже основания концами; железные втульчатые трехлопастные с выступающей втулкой, лопасти скошены.

Данные типы и их варианты представлены в комплексах V–IV вв. до н.э. на обширной территории. На сочетание в одном колчане разновременных наконечников уже обращалось внимание. Женские погребения с оружием обычно связывают с савромато-сарматскими племенами благодаря исследованиям Б.Н.Гракова, К.Ф. Смирнова, но исследования последних десятилетий существенно увеличили представительность скифских женских погребений со стрелами. Выразительные памятники скифского времени (IV в. до н.э.) открыты на среднем Дону [9], известны «амазонки» на Нижнем Дону (например, Шолоховский, Сладковский курган 4) [10, с. 29, 31].

Внимание к женским погребениям с оружием у ранних кочевников, исследования историографического и археологического аспектов накопления и изучения материала показывают, что данная категория инвентаря не может быть этнодифференцирующим признаком [11, с. 176–182; 12]. Данное явление свойственно ряду раннекочевых народов, фиксируется на разных территориях в памятниках как скифского, так и савромато-сарматского круга.

Женским атрибутом в погребении является бронзовое зеркало. Оно представляет собой круглый диск с плоской боковой ручкой, которая расширяется к концу. Край диска без бортика. Одна из его сторон декорирована концентрическими окружностями, сгруппированными в 3 пары и одну группу из трех окружностей. В центре диска – небольшое вдавление. Длина зеркала с ручкой 24 см. Диаметр диска 14 см, длина ручки 9,5 см, ширина 2,0–2,9 см (Рис. 6).

Зеркала – распространенная категория в скифских и сарматских памятниках, но не стандартизированная. Они встречаются на всем протяжении их существования и во всех областях обитания. Вместе с тем, судя по многообразию вариантов, на их облик и изготовление влияли культурные контакты и технологические приемы центров производства. Разработаны классификации и типологии зеркал, опирающиеся на морфологические признаки, ведущими среди которых являются форма диска и ручки.

Согласно классификации, разработанной Т.М. Кузнецовой, данное зеркало представляет II класс сложносоставных зеркал (диск и ручка соединяются), группу 1 – зеркала с бронзовыми ручками. Диск по орнаменту можно отнести к I классу – зеркала без ручки – III отдела 1 вида [13, с. 17]. Среди бронзовых зеркал с боковыми ручками V–IV вв. до н.э., известных на территории Скифии, прямые параллели данному экземпляру пока не отмечены. На Нижнем Дону зеркала с отдельными морфологическими признаками известны в погребениях IV–III вв. до н.э.

Рис. 6. Красный Колос IV. Курган 15. Погребение 1. Зеркало, чаша, гривна

Большое плоское литое бронзовое зеркало с плоской ручкой из кургана 4 Сладковского могильника, по мнению В.Е. Максименко, — приуральского происхождения. Но оно односложное. Исследователи относят его к памятникам савроматского периода Приуралья, где подобные зеркала встречаются часто.

В целом, для савроматского периода на Дону более характерно

распространение плоских больших дисковидных зеркал с отдельно прикрепленной ручкой [14, с. 96, рис. 58, 5]. А.С. Скрипкин на материалах азиатской Сарматии выделяет Отдел 1 — зеркала с плоским диском и в его рамках — тип 1.1 с отдельной ручкой, диаметром диска 8,5–16,0 см, среди которых отмечены экземпляры, орнаментированные концентрическими линиями [15, с. 93, рис. 11–13].

Зеркало находит сходство по размерам диска и по форме ручек — расширяющихся книзу или прямых — в комплексах Песочинского могильника, Филипповских курганов (IV в. до н.э.). Они, в основном, представляют собой круглые диски, отлитые вместе с длинной плоской ручкой [16, с. 148–151; 17, с. 110, № 1228]. Сложносоставные зеркала единичны.

К сложносоставным определенно относится зеркало с железной ручкой из погребения 1 кургана № 18, датируемого серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. Песочинского могильника на Северском Донце [18, с. 150, рис. 26,3].

Интересной, маркирующей деталью обряда является набор, состоящий из кусков мела и реальгара, каменной плитки и костяной ложечки. Он находился у правого плеча погребенной. Общая длина ложечки 14,6 см, ручки 9 см (Рис. 7). Недалеко от набора — за головой, лежала небольшая костяная проколка длиной 4,5 см.

В кочевнических комплексах Нижнего Дона ложечки встречаются, начиная с VI в. до н. э. (например, у хут. Ново-Александровки, курган 7, погребение 8). Костяные ложечки разной формы известны в памятниках в IV — III вв. до н. э. [20, с. 97]. По распространенному среди сарматологов мнению, костяные ложечки, по всей вероятности, предназначались для растирания и смешивания красок. Они принадлежат к наиболее характерной части инвентаря женских савроматских и сарматских могил.

Рис. 7. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1.

Костяная ложечка

В савроматских и раннесарматских погребениях на Дону различные минеральные красители (реальгар, охра, желтая краска, мел, известь и др.) встречаются довольно часто. Вполне возможно, что эти народы прибегали к татуировке и раскраске тела. Показательны находки – в двух погребениях Филипповского могильника, где были найдены полные наборы для нанесения татуировок, которые практически идентичны рассматриваемым находкам.

Так, в кургане 15 Филипповка 1 открыт комплекс предметов для нанесения татуировок. Он также располагался между правым плечом погребенной и одной из чаш под бронзовом зеркалом. Под диском в кожаном мешочке находились костяная игла, каменная «палитра» – песчаниковая плитка, костяная ложечка для растирания красок, железный нож с плоской рукоятью и саблевидно изогнутым однолезвийным клинком [21, с. 36-37].

Нож такой же формы находился в погребении Кургана 15 могильника «Красный Колос IV».

Украшения. Из украшений на умершей были перстень на левой руке; две серьги, лежавшие по обе стороны черепа; вероятно, ожерелье в области шеи. Одежда и/или накидка были расшиты бляшками.

Перстень сделан из металлической проволоки жёлтого цвета с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами. Щиток овальной формы, гладкий, выпуклый, выгнут по пальцу. В.Г. Петренко выделила подобные перстни в отдел II Пластинчатый, тип 8. Они известны в степных памятниках IV–III вв. до н. э [22, с. 60, Табл. VI, Табл. 52, 1], встречаются в Лесостепи (Песочинский могильник, курган № 8 погребение 1) [23, с. 121, фото 7, рис. 16].

Особый интерес представляет обнаруженная в погребении *гривна*. Она располагалась рядом с умершей у стены камеры. Шейное украшение выполнено из бронзового прута диаметром 0,5–0,6 см, обернутого золотой фольгой, свернутого в 1,5 оборота. Гривна разломана на две части (Рис. 6). Концы ее завершались втульчатыми наконечниками, которые декорированы фигурками лежащих кошачьих хищников и изогнутой напаянной тонкой проволокой.

Голова животного повернута фронтально и лежит на передних лапах. Длина фигуры – 6,0 см. Рельефно показаны полосы, загривок, уши большие, широкая пасть. Длинный хвост изогнут. Над ушами животного – касты для вставок (для камня или эмали). Изображения окончаний не идентичны. Внутренняя сторона наконечников гривны плоская и гладкая.

Гривны, сделанные из гладкого стержня, концы которого заходят друг за друга и оканчиваются литыми фигурками хищников, выделены В.Г. Петренко в тип 2 Отдела IV. Она приводит десять гривен этого типа [24, с. 44, Табл. 33, 2; Табл. 32, 1, а] из скифских комплексов IV – III вв. до н. э.

Изображения хищников на этих гривнах объединяет поза. Все они имеют вытянутые туловища и морду, поджатые задние и вытянутые под головой передние лапы. Лапы, как передние, так и задние, тонкие, длинные, лишенные когтей. Отмечены отсутствие хвоста, стилистические различия. Наиболее близка гривне из данного погребения гривна из северо-западной камеры Чертомлыка [25, Табл. 33, 3].

Гривны встречаются в погребениях сарматской знати. Так, в Филипповских курганах обнаружено несколько гривен с заходящими концами, оформленными фигурками лежащих хищников кошачьей породы. Их отличительными чертами является то, что они цельнолитые, и в каждом из случаев использованы различные декоративные приемы. Концы двух гривен оформлены объемными фигурками животных, у которых голова повернута под 90° к туловищу [26, Каталог № 402, 3119].

В данном изделии обращает на себя внимание ряд деталей, которые могут выступать хронологическими маркерами. Это фронтально повернутая голова хищника, вставки из пасты, а также технология изготовления.

Не менее интересными являются две *золотые серьги*. Они выполнены в зверином стиле: две стилизованные головки животных, возможно, грифона, в профиль, смотрят в противоположные стороны. Объединены рельефным полукольцом. Двустороннее изображение. Каждая из них состоит из пяти элементов. Две спаянные дуговидные части, концы которых оформлены головками животных. К головкам сверху прикреплена дужка, состоящая из 3 кусков проволоки, два конца закручены в спираль. Глаз одной из голов каждой серьги закрыт вставкой из белой пасты (Рис. 6). Серьги различаются размером дужки. Высота серег 5,2 и, 5,7 см, ширина соответственно 3,7 см и 3,5 см.

Следует отметить *нашивные бляшки*. Они представляют несколько типов: нашивки полусферической формы с внутренней петлей («пуговицы»); в виде 8-лепестковой «розетки», трехлепестковые, с изображением мужского «лица». На костях предплечья обеих рук отмечены нашивки двух видов: полусферической формы с внутренней петлей и изображением «лица» (Рис. 8, г). Вероятно, ими были декорированы рукава.

Рис. 8. «Красный Колос IV». Курган 15. Погребение 1

В верхней части скелета располагались трехлепестковые нашивки, бляшки в виде «розетки» (Рис. 8. б, в), в области шеи – подвески черного цвета (камень) (Рис. 8, а). Золотые нашивные бляшки являются представительной категорией украшений в скифской культуре. Сопоставление наборов бляшек и категорий инвентаря известных памятников IV–III вв. до н.э. разных регионов позволит уточнить хронологическую позицию рассматриваемого комплекса и его этнокультурную принадлежность.

В заключении следует отметить, что значительная часть погребальных предметов имеет признаки, свидетельствующие о продолжительном периоде их использования. В то же время, они являются статусными. Котел, колчаный набор, украшения, зеркало и ритуальные предметы говорят об особом положении погребенной женщины в обществе.

Вещи из захоронения не находят прямых аналогий в известных скифо-сарматских памятниках, но по формальным признакам прослеживается сходство отдельных категорий инвентаря и элементов погребального обряда как со скифскими, так и сарматскими комплексами IV–III вв. до н.э. от Поднепровья до Южного Урала.

Дальнейшее детальное исследование как комплекса, так и отдельных предметов позволит конкретизировать время захоронения, определить его место в кругу нижнедонских древностей, а также дополнить представления об этнокультурных процессах в данном регионе.

Ссылки и примечания:

1. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. – Ростов н/Д, 1983. – 224 с.
2. Максименко В. Е. Указ. соч.
3. Боковенко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов)// Древние памятники Кубани. – Краснодар, 1990. – С.166–174.
4. Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 328 с.
5. Косяненко В. М., Флеров В. С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // Советская археология. 1978. № 1. – С. 192–205.
6. Максименко В. Е. Указ. соч.
7. Демиденко С. В. Указ. соч.
8. Кузнецова Е. В. Книдские амфоры IV в. до н. э. из меотских могильников Прикубанья: уточнение хронологии // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020. – С.101–107.

9. Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // РА. № 4. 2020. – С. 21-39.
10. Максименко В. Е. Указ. соч.
11. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. – Киев: Наукова думка, 1983. – 380 с.
12. Фиалко Е. Е. Скифские амазонки: состояние изученности // Археологія і давня історія України. 2018. Вып. 2. – С.172–192.
13. Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. 2. – М.: Таус, 2010. – 426 с.
14. Максименко В. Е. Указ соч.
15. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов, 1990. – 300 с.
16. Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.
17. Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 200472009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. – М.: ИА РАН, 2013. – 232 с.
18. Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. – Харьков: ИД Райдер. 2005. – 284 с.
19. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984. – 184 с.
20. Максименко В. Е. Указ соч.
21. Яблонский Л. Т. Указ соч.
22. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. – М., 1978.
23. Бабенко Л. И. Указ соч.
24. Петренко В. Г. Указ соч.
25. Там же.
26. Яблонский Л. Т. Указ соч.

УДК 902.26

С.М. Дегерменджи

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»

e-mail: dghysm@gmail.com

А.И. Пупенко

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»

e-mail: nastanilus@gmail.com

Н.В. Манько

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nikita_manko98@mail.ru

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОНИТОРИНГА В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ СОХРАННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ДНР

Аннотация

В статье обобщен опыт дистанционного мониторинга состояния археологических объектов и уточнения их местоположения на основе анализа одновременных изображений земной поверхности, предоставляемых доступными веб-геосервисами («Google Earth», «Яндекс Карты» и др.). Обращается внимание на важность подобного способа получения информации, необходимой для обеспечения защиты археологических объектов при ограничениях, возникающих при обследовании их состояния на основе полевых работ.

***Ключевые слова:** археологические объекты; дистанционный мониторинг; онлайн геосервис.*

Summary

The article summarizes the experience of remote status monitoring of archaeological sites and clarify their location based on the analysis of multi-time images of the earth's surface provide affordable web mapping services ("Google Earth", "Yandex Maps", etc.). Attention is drawn to the importance of this method of obtaining information necessary to ensure the protection of archaeological sites under the constraints that arise for the implementation of full-scale field surveys.

***Keywords:** archaeological sites; remote monitoring; web-geoservice.*

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

Введение в метод космического мониторинга памятников археологии

Использованию в археологических исследованиях методов дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) аэрокосмическими средствами более полувека. Востребованность подобных средств была связана с необходимостью преодоления сложностей в проведении обширных археологических разведок. Не случайно, что к концу 40-х – началу 60-х годов XX века данный закономерный интерес обусловил появление и реализацию первых масштабных проектов, связанных с использованием авиации в интересах изучения археологического наследия. Был приобретен опыт обзора обследуемой местности с самолетов и получены первые результаты проведения специальной аэрофотосъемки [1-3]. Начало использования искусственных спутников для изучения земной поверхности и совершенствование методов дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) создало возможности использования спутниковой съёмки в интересах археологических исследований [4-5]. В нынешнем столетии эти методы стали еще более востребованы [6-9]. Повсеместно в археологической практике стали использоваться данные дистанционного зондирования для создания археологических карт и поиска новых археологических объектов [10-14]. Это повлияло на дальнейшее расширение корпуса выявленных археологических объектов. Однако многие из них под воздействием негативных антропогенных и природных факторов к моменту выявления утратили и вплоть до настоящего времени продолжают терять целостность, наиболее очевидные – выраженные в рельефе – признаки [15-16]. Это расширяет объем задач по охране археологического наследия и обязывает находить новые, нетривиальные способы их разрешения.

Археологический мониторинг как способ наблюдения за состоянием сохранности археологических объектов, предполагает ряд последовательных процессов, а именно: получение информации о наличии объектов в ранее зафиксированном их местоположении, требующем подтверждения или уточнения; оценку соответствия объектов основным идентифицирующим (ранее установленным) признакам; сопоставление данных об актуальном состоянии сохранности археологических объектов с зафиксированными на момент их открытия или последнего обследования (натурного осмотра). Расположение и контуры объектов, состояние которых предстоит определить в процессе мониторинга, часто нуждается в подтверждении (уточнении), так как на протяжении многих десятилетий они часто фиксировались описательно или графически (Рис. 1) с использованием самых элементарных способов определения расстояний, направлений и условных точек отсчёта на простейшей топографической основе или в виде схематического ситуационного плана [17]. Значительная часть объектов археологического наследия стала известна до начала применения в полевой практике точных топографических карт. А использование технологий геоинформационных систем (ГИС) в археологии получило развитие лишь в последнее время.

Зафиксированное в прошлом расположение объектов не всегда отвечает современной топографической ситуации, в связи с процессами урбанизации, развития промышленных зон и техногенной инфраструктуры. При отсутствии точных координат объекта, его идентификация становится возможной лишь в случае обнаружения в районе поиска ранее зафиксированных или типичных для подобных объектов признаков, достаточных для его идентификации.

Традиционно археологический мониторинг предполагает проведение соответствующих полевых обследований, осуществление которых, как и при любой археологической разведке, связано с рядом ограничений. Эти ограничения многократно возрастают при мониторинге, так как он предполагает регулярное повторение обследований, направленных на наблюдение – получение информации о состоянии сохранности всех известных объектов на определённой территории. И здесь возникает парадокс – при лучшей исследованности территории возрастает число объектов мониторинга (его объём), а, соответственно, усложняются возможности регулярного получения информации обо всех выявленных объектах и их состоянии (парадокс информационной сингулярности). При этом большая часть объектов мониторинга чаще всего удалена от населённых пунктов, рассредоточена на большой площади и не связана непосредственно с сетью удобных подъездных путей. Это осложняет логистику и делает затратной осуществление регулярного натурного мониторинга. Узкие сезонные и погодные окна благоприятные для его осуществления дополнительно ограничивают необходимый для обследований временной ресурс. Полевой мониторинг не может быть эффективным в закрытом ландшафте: до схода снега и после появления плотного камуфлирующего природного травостоя или сеяных культур, а также при дождливой погоде, распутице, тумане, сезонном сокращении продолжительности светового дня. Дополнительные осложнения для проведения натуральных обследований создают чрезвычайные обстоятельства, в том числе связанные с вооружёнными конфликтами.

Опыт космического мониторинга памятников археологии Донбасса

В связи с ограничениями, возникающими при проведении полевого мониторинга, представляется перспективным его дополнение дистанционным мониторингом, использующим методы, выработанные для выявления и изучения археологических объектов с помощью аэрофотосъёмки и спутниковой съёмки. Из опыта работы научно-методического отдела охраны памятников археологии Государственного бюджетного учреждения «Донецкий республиканский краеведческий музей» (далее – ГБУ-ДРКМ), такой мониторинг может основываться, в том числе, на изучении изображений земной поверхности, собранных из мозаики спутниковых снимков и размещённых на доступных онлайн геосервисах: «Google Earth», «Яндекс Карты», или иных подобных платформах.

В последнее время тенденция к расширению использования аэрокосмической съемки в археологии получает все большее распространение. Начиная с 2012 г., методы дистанционного мониторинга используются в ГБУ-ДРКМ для загрузки и получения цифровой информационной карты археологических объектов, содержащей векторные слои с топографическими данными, рабочим слоем для загрузки информации об археологических объектах и слоем со сканерным изображением земной поверхности, загружаемый из онлайн сервиса Google. Последний слой обеспечивает пространственную привязку загружаемой информации об археологических объектах [18]. Одновременно уточняется и дополняется связанная с цифровой картой электронная база данных, появление которой относится ещё к 1998 г. В данном случае, как и при создании подобных региональных археологических карт и геоинформационных систем [19-23], данные дистанционного зондирования Земли показывают свою эффективность. Информация, полученная методом дистанционного зондирования, используется для организации полевых обследований археологических объектов. Вслед за уточнением и дополнением соответствующей информации на основе полевого обследования, установления координат объектов на местности с помощью GPS-навигатора и изучения новых спутниковых снимков, информация в базе данных обновляется. Параллельно с пополнением цифровой информационной карты и текстовой электронной базы данных, формируется банк данных из отдельных kmz-файлов. Каждый из таких файлов содержит пространственную привязку объекта, включая положение в рельефе, его визуально отображаемые внешние признаки, информацию о времени съёмки и другие метаданные, позволяющие идентифицировать объект на спутниковом изображении земной поверхности и дистанционно оценить его состояние. В банк данных, до последнего времени, включались преимущественно kmz-файлы созданные с использованием сервиса Google Earth и связанные с ним изображения, полученные при благоприятных для осуществления съёмки условиях, качество которой позволяет распознавать археологические объекты и показатели их состояния.

Дистанционный мониторинг позволяет предварительно уточнять наличие археологических объектов, по разновременным архивным изображениям земной поверхности сопоставлять изначальное и актуальное их состояние [24, 25]. Особую эффективность показывает использование дистанционного мониторинга в оперативном решении вопросов защиты археологических объектов, независимо от сезонных и погодных обстоятельств, в том числе о тех объектах, которые ранее были неизвестны. Прежде всего, это касается обеспечения сохранности археологических объектов при разработке проектов предоставления смежных с ними земельных участков для тех или иных целей в ограниченные проектированием сроки. Плановый охват дистанционным мониторингом территорий отдельных административных единиц, начиная с 2020 г., позволяет оценивать состояние сохранности археологических объектов, разрабатывать конкретные рекомендации по обеспечению сохранности

археологического наследия, определять объекты, требующие первоочередного натурного обследования и защиты ввиду проявившихся на снимках признаков угрозы их существованию. Наличие доступных онлайн геосервисов и разработка пошаговых рекомендаций по проведению дистанционного мониторинга, позволило привлечь в 2022 г к его проведению студентов-историков Донецкого национального университета в рамках археологической практики. Обобщение результатов и совершенствование методики данного вида студенческой практики в перспективе будет способствовать охвату регулярным археологическим мониторингом обширных территорий и повышению уровня профессиональной подготовки студентов.

Важная инструментальная роль в осуществлении дистанционного мониторинга принадлежит признакам, идентифицирующим археологический объект в различных его состояниях по изображениям земной поверхности. При анализе изображений, предоставляемых онлайн геосервисами, археологический объект проявляется (маркируется) в виде определённой формы посредством системы визуальных признаков (маркеров). Для более эффективного выявления археологических объектов предлагалось обобщить в единую систему совокупность их визуальных признаков отображаемых на спутниковых изображениях поверхности Земли [26], а для наиболее типичных форм – курганов – предполагалась возможность их автоматического машинного распознавания [27].

Представляется, что важнейшей (или базовой) группой маркеров, проявляющихся даже на чёрно-белых изображениях, является триада, к которой обычно относят признаки света, тени и контрастности (light-shadow-contrasts) [28]. Для удобства их можно назвать «светотеневыми». Но для большей точности назовём их тональными. Понятие тональности охватывает весь диапазон от светлых тонов до абсолютно тёмных, разница между которыми выражается в понятии контраст. Как правило, тональные признаки дополняют или непосредственно входят во все прочие группы маркеров. Следующая из них связана с растительными признаками (cropmarks, vegetation patterns) [29], которую условно определим как «флористическую». Она передаёт форму объекта посредством характера изменений его растительного покрова. В ней центральное место занимает цвет (одна из характеристик света), но характер покрова передаётся и через тональные (светотеневые оттенки), а также текстурные характеристики, выходящие и за рамки «флористической» группы. Следующая группа маркеров – цвет поверхности объекта лишённого растительного покрова, проявляющегося в почвенных признаках (soilmarks) [30]. Чаще это цвет почвы, если это не открытые (не погребённые) каменные или иные конструкции. Введем дополнительное понятие – «текстурные маркеры», точнее – «визуальные текстурные маркеры», которые в виде текстуры (рисунка) на плоском изображении передают микрорельеф поверхности объектов, идентифицирующий состояние поверхности объекта. На самом деле, каждый раз при анализе спутникового изображения, различные из названных маркеров

археологических объектов или состояния их сохранности проявляются в разной степени, но, как правило, в совокупности.

Визуально воспринимаемые тональные (светотеневые) маркеры археологических объектов, признаков их состояния и связанных с ними форм рельефа поступают на сканеры спутников при естественном дневном освещении, в том числе, благодаря отражённому от объектов солнечному свету в виде пятен светлой тональности и отбрасываемой объектами огибающей их тени в тёмной тональности (серповидной для одиночных курганов), контрастирующей со светлым отражением (Рис. 2). Аналогичным образом иногда проявляются приподнятые над прилегающим ландшафтом элементы рельефа: приближенные к древним водоёмам – «мысовидные» выступы террас, дюны, другие возвышенности занятые стоянками, поселениями или аналогичными объектами (Рис. 4: 7, 8, 10, 11). Естественными границами этих объектов часто выступают склоны площадок, на которых они расположены. Тени от возвышающихся объектов или связанных с ними элементов рельефа ложатся вдоль периметра объектов со стороны обратной положению Солнца на небосводе. С дневным смещением Солнца тень огибает объект, повторяя его форму, уходящую с запада к югу, а затем – к востоку. Возвышение объекта над окружающей местностью и смена положения Солнца над горизонтом влияет на контрастность (выразительность) отображения объекта на снимках.

Низкий тональный контраст при переходе от затененной поверхности объекта к отбрасываемой им тени в одинаковой мере может быть связан как с «затемненностью» длинных теней в ранние утренние и поздние вечерние часы, так и с «подсвечиванием» предельно укороченных теней, но максимально освещаемых Солнцем, находящимся в зените. Выраженные в рельефе контуры археологических объектов (рельефные контуры) наиболее контрастно очерчиваются самой тёмной частью отбрасываемой им тени смежной с объектом. Однако с ней сливаются и придают расплывчатость более светлые тона затененной поверхности объекта, рельефа, на котором объект размещён и периферийной части отбрасываемой тени. Поэтому, наиболее контрастно объект выглядит в интервалы между утренним и полуденным Солнцем, полуденным и вечерним. В связи с этим, для изучения отбирались снимки, очевидно, выполненные в оптимальные для контрастной съёмки отрезки времени в разные дни и даже годы. Состояние археологических объектов или связанных с ними элементов рельефа выражается в стабильности их высоты, приподнятости над прилегающим ландшафтом или в их снижении, прослеживается при сопоставлении длины тени (или полном её отсутствии), отображённой на снимках различных лет, совпадающих по сходным календарным датам и определённым интервалам дневного времени.

Флористические маркеры археологических объектов имеют различные проявления. Слабо различимы на снимках из космоса археологические объекты и связанный с ними участки рельефа, когда они, как и окружающий фоновый ландшафт находятся под естественным травянистым (дерновым) покровом или

под посевами. Весной и летом они отображаются в оттенках отражённого от листьев света зеленоватой области спектра, за счёт содержащегося в листе хлорофилла. К осени: в цветах каротиноидов желтых, оранжевых, красных, коричневых оттенков, в связи с разрушением в увядающей листе камуфлирующего их хлорофилла; оттеняющего «нехлорофиллового» компонента, прежде всего, цвета почвы, проявляющейся сквозь поникшую растительность, ввиду уменьшения площади поверхности растений [31]. В условиях засухи, при обезвоживании почвы и при избытке света, в наименее обеспеченном влагой растительном покрове вершин курганов, а также на археологических объектах, приподнятых на террасах и дюнах над прилегающим ландшафтом, этот процесс начинается ещё раньше. Нижняя часть склонов или ландшафт, над которым возвышается объект, напротив, более продолжительное время сохраняет зеленоватые оттенки, а осенью дольше сохраняет яркие желтые, оранжевые, красные или коричневые цвета. Иногда это характерно и для невысоких, сильно распаханых курганов, на что, очевидно, влияет отличия во влажности грунта в их пределах при иной влагоемкости (Рис. 3). Даже в условиях нормальной влажности контуры курганов и естественные границы памятников поселенческого типа подчёркивает высокая, сочная и яркая растительность в пониженных и, как правило, более влажных участках. Отмечается, что на возвышенных участках она ниже, суше и бледнее [32 – 35]. Сохранение дернового покрова археологических объектов на снимках, сделанных в разные годы, является индикатором стабильного состояния их сохранности.

Естественные границы археологических объектов, расположенных на «мысовидных» выступах плакора, террас разного уровня, на дюнах и других возвышенностях, могут отличаться от нижележащих террасы или речной поймы по стабильным ассоциациям естественной растительности или использованию в сельскохозяйственном обороте. Так, многослойные поселения Усово Озеро [36] и Лиманское Озеро [37], расположенные на песчаных дюнах, соответствующих по уровню пойме первой надпойменной (боровой) террасе реки Северский Донец, контрастно отличаются на спутниковых снимках от окружающего ландшафта по окаймляющему их пойменному «чёрному» листовенному лесу. Таким же образом, по совокупности флористических и других маркеров на спутниковом изображении выделяются городища, расположенные на краю плакора над долиной р. Северский Донец, и поселения в бассейнах рек Приазовья (Рис. 4).

Очевидны отличия в визуальных текстурных маркерах (рисунках) поверхностей археологических объектов в виде: характерного «курчавого» рисунка естественного дернового покрова (Рис. 5: 1, 5), от «полосчатой» текстуры пашни (Рис. 5: 2, 6-8) или «ровного» рисунка посевов злаковых культур (Рис. 5: 3), контрастирующих между собой по цветовому спектру и тональности. Пашня является одним из наиболее распространённых видов техногенных нарушений земной поверхности, связанных с обработкой почвы, отображение которой имеет наиболее яркие визуально-текстурные проявления.

Распашка приводит к усилению эрозии кургана, уменьшению его высоты, увеличению диаметра за счёт «растаскивания» насыпи [38] и к разрушению культурного слоя у объектов поселенческого типа. На спутниковых снимках пашню выделяют наиболее контрастные текстурные признаки. Техногенный микрорельеф пашни, образуемый бороздами, обычно проявляются в виде характерного тонального чередования на снимке светлых полос и подсвеченных Солнцем откосов борозд, и тёмных – затенённых. Расширение зоны пашни, за счёт ранее задернованной поверхности археологического объекта, прослеживается ретроспективно, при сопоставлении спутниковых снимков разных лет. Подобная тенденция может свидетельствовать о разрушении археологического объекта распашкой и вызванной ею эрозией почвы или о нарастании такой угрозы.

Маркером курганного могильника, утратившего насыпь, может выступать контрастная смена цветовых характеристик почвы или посевов в связи с отличиями условий их произрастания в границах разрушенной насыпи (Рис. 6), вызванных иными свойствами почвы, находившейся до разрушения кургана в погребённом состоянии [39, 40].

Маркером курганов может выступать проявление на спутниковом снимке локальных областей соразмерных с типичными для курганов, но отличающихся по цвету почвы от фонового ландшафта [41]. Проявление подобных признаков, на месте курганных насыпей, подвергшихся значительной эрозии вследствие длительной распашки или вовсе утраченных (спланированных), может отличать их от окружающей пашни или иного фонового ландшафта цветом и более светлой тональностью. Это связано с уменьшением содержания в почве гумуса и повышенной глинистостью (Рис. 7) ввиду прерванного под искусственной насыпью в погребённом состоянии процесса гумусонакопления в почве [42, 43]. По этому признаку могут дистанционно идентифицироваться места утраченных насыпей, которые визуальным образом не воспринимаются на местности [44]. Среди них многие из насыпей курганов, которые зафиксированы на топографических картах верстового масштаба (1846-1863 гг.), картах стотысячного масштаба (1939–1943 гг.), картах 80-х – 90-х гг. XX в., но к настоящему времени полностью исчезнувшие. Более точные топографические карты десяти тысячного масштаба конца XX в. уже не содержат информации о большинстве из них, утративших свою выразительность в рельефе и переставших быть важными топографическими элементами [45, 46].

Маркер, связанный с цветом почвы, применим к курганам и к площадным объектам типа поселений, особенно на наиболее подверженной эрозии присклоновой периферии. Изменение цвета почвы в пределах археологического объекта свидетельствует о негативном тренде в изменении их состояния вследствие распашки. Цвет грунта, иногда, камуфлируется характерной «полосчатой» текстурой пашни. На заборонованной поверхности «камуфляж» исчезает. Ещё более осветлённый тон приобретает грунт после боронования в сухом распылённом состоянии и при ярком освещении [47, 48].

К распространённым следам техногенных нарушений можно отнести карьеры, колеи, оставленные автомобилями, траншеи, котлованы, современные постройки и насыпи. Колеи, оставленные автомобилями на грунтовой полевой дороге, проходящей через курган, выглядят в виде полосы, расчленяющей насыпь (Рис. 8: 1). Насыпи курганов, особенно в 60-70 гг. XX в., часто уничтожались при строительстве водонакопительных бассейнов для орошения полей. Иногда они становились частью обваловки бассейнов или непосредственно примыкали к ней (Рис. 8: 2, 3).

Другим распространённым нарушением является отрывка окопов и прочих защитных укрытий на курганах, происходившая ещё в период боёв за Донбасс в годы Гражданской (в 1919 г.) и Великой Отечественной войн (в 1941–1943 гг.). Большое число разновременных спутниковых изображений земной поверхности показывает, что за период событий вооружённого конфликта 2014–2022 гг. на территории Донбасса также прослеживается ситуация, при которой территория некоторых курганов была превращена в фортификационный узел (Рис. 9).

При дистанционном мониторинге на изображении земной поверхности возможно проявление признаков сходных с типичными морфологическими маркерами археологических объектов, появление которых, однако, обусловлено природными или техногенными факторами. Это напоминающие курганы естественные возвышенности, обусловленные выходами на поверхность горных пород, подокруглые островки кустарника, покрывающие локальные участки близко выходящих к поверхности грунтовых вод. Иллюзию курганных маркеров на спутниковых снимках могут создавать искусственные возвышенности, напоминающие курганы, но связанные с небольшими терриконами шахт XIX в. грунтовые насыпи вокруг гидрантов полевых оросительных систем [49], а также и нетронутые пашней задернованные островки вокруг опор линий электропередач (ЛЭП). Исключить эти ложные маркеры позволяют данные геологической и старой топографической съёмки, линейный характер распределение гидрантов и опор ЛЭП (Рис. 10).

На спутниковых снимках не всегда происходит отображение реально существующих археологических объектов. К числу негативных факторов, препятствующих этому, относятся и обстоятельства, коррелирующиеся с причинами, ограничивающими проведение полевых обследований. Выявление признаков археологических объектов не всегда представляется возможным на спутниковых изображениях, полученных в условиях закрытого ландшафта: при значительном растительном (Рис. 11: 5, 6) или снежном покрове. Обзор объектов может перекрывать плотная облачность (Рис. 11: 1-4). Как уже было отмечено, недостаток солнечного освещения в ранние утренние, поздние вечерние и полуденные часы (Рис. 11: 8) или туман также не способствуют получению информативных снимков.

С этим связана необходимость просмотра и анализа изображений земной поверхности, полученных на основе разновременных снимков [50-52]. Сопоставление снимков, выполненных со спутника в оптимальные для съёмки

периоды и отрезки дневного времени в разные дни и даже годы, обеспечивают коррекцию полученных со спутника изображений, что повышает вероятность адекватной идентификации археологических объектов, правильного определения их местоположения, границ, состояния сохранности и обнаружения признаков объектов, которые не были известны ранее.

Доступные для работы в режиме онлайн геосервисы предоставляют информацию в переработанном виде, что иногда затрудняет проведение ее специального археологического анализа. При наложении разновременных снимков и сведений о них в одно специально трансформированное изображение – ортофотоплан, точность идентификации археологических объектов, их расположения и границ может возрасть [53]. Однако при создании такого изображения, может утрачиваться часть информации, являющейся важной для археологической дешифровки [54-55]. Иногда теряются визуальные маркеры, отображающие состояние сохранности объектов. Также на каждом отдельном снимке, в определенный момент съемки, исчезает возможность определения тренда в изменении состояния археологических объектов. К примеру, в сервисе «Яндекс Карты», к сожалению, не предусмотрен просмотр состояния земной поверхности в разные годы, отсутствует возможность создания и сохранения файлов, фиксирующих местоположение объектов и маркеры их состояния в определенном момент времени (Рис. 2: 4; Рис 6: 8).

Вместе с тем, дистанционный мониторинг по изображениям земной поверхности на платформах, доступных для работы в режиме онлайн геосервисов, позволяет предварительно уточнять наличие археологических объектов и состояние их сохранности. Идентификация искомым объектов и выделение их из окружающего ландшафта достигается по маркирующим признакам различной природы, но верифицируемых с данными ранее проведенных полевых обследований и последующих за дистанционным мониторингом. На спутниковом снимке, как и при наблюдении с космической орбиты, маркерами археологических объектов выраженных в рельефе, а также характерных для расположения археологических объектов элементов естественного рельефа (водоразделов; «мысовидных» выступов плакора, террас; дюн, других природных возвышенностей) выступает отраженный от них солнечный свет, отбрасываемая ими тень, тональные, цветовые и текстурные особенности их растительного покрова, цвет почвы, текстурные отличия в микрорельефе поверхности. По совокупности этих отличительных признаков (маркеров) возможно не только визуальное выделение археологических объектов из окружающего (фоновое) ландшафта и уточнение их расположения, но и оценка их состояния. Изменение состояния сохранности археологического объекта может проявляться на разновременных снимках в изменении его формы, линейных размеров и характера поверхности.

Заключение

Дистанционный мониторинг позволяет вывести процесс оценки состояния сохранности археологических объектов за узкие рамки кратковременных периодов, оптимальных для проведения полевых обследований. «Шаг дискретности» в обновлении доступной информации о земной поверхности делает невозможным осуществление на этой основе оперативного контроля за состоянием археологических объектов. Вместе с тем, ретроспективный анализ данных, отображённых на «разновременных» снимках, является эффективным инструментом для определения долговременных тенденций в изменении состояния сохранности археологических объектов на обширной территории и устранения причин негативных сценариев. Данные, полученные в ходе проведения дистанционного мониторинга, обеспечивают оптимальное планирование полевого археологического мониторинга для обеспечения эффективной защиты археологического наследия. Более широкий охват объектов, доступных для дистанционного мониторинга, позволит предусмотреть первоочередное обследование объектов, по которым дистанционно выявлены признаки воздействия на них негативных факторов. Угрозу их существованию возможно преодолеть благодаря своевременной организации неотложного полевого обследования с целью получения расширенной информации о состоянии их сохранности и определения мер для обеспечения их дальнейшей защиты и сохранения.

Ссылки и примечания:

1. Толстов С. П., Орлов М. А. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции // Вестник Академии наук СССР. – 1948. – № 6. – С. 54 – 68.
2. Толстов С. П., Андрианов В. Б., Игонин Н. И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // Советская археология. – 1962. – № 1. – С. 3–15.
3. Игонин Н.И. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников // Археология и естественные науки. Материалы и исследования по археологии СССР – 1965. – № 129. – С. 256 – 260.
4. Gheyle W., Trommelmans R., Bourgeois J., Goossens R., Bourgeois I., De Wulf A., Willems T. Evaluating CORONA: a case study in the Altai Republic (South Siberia) // *Antiquity*. – 2004. – Vol. 78. – P. 391 – 403.
5. Жуковский М. О. Использование данных спутников CORONA в археологических исследованиях // КСИА. – 2012. – Вып. 226. – С. 45–54.
6. Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 224 с.

7. Багаутдинов Р. С., Копенков В. Н., Мышкин В. Н., Сергеев В. В., Трибунский С. А. Применение данных ДЗЗ различного разрешения для выявления курганных могильников // Информационные технологии и нанотехнологии (ИТНТ-2015): материалы Международной конференции и молодежной школы. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. – С. 318 – 323.
8. Вальков Д. В. Идентификация археологических объектов на данных ДЗЗ. Проблемы и возможные методы решения // Археология и геоинформатика. – М.: ИА РАН, 2017. – Вып. 8. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-8/Valjkov/page1.html>
9. Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Дистанционные методы выявления, фиксации и изучения памятников археологии (оцифровка территорий памятников и историко-культурных пространств) // Археология и геоинформатика. Тезисы докладов. Пятая Международная конференция. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 72.
10. Багаутдинов Р. С. и др. Указ. соч. – С. 318.
11. Антимонов Н. П. Космическая съёмка и археология: проблемы и перспективы // Археология и геоинформатика. Вторая международная конференция. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 8.
12. Вальков Д. В. Указ. соч.
13. Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Указ. соч. – С. 72.
14. Там же. С. 72.
15. Gheyle W. et al. Mentioned article. P. 391-403.
16. Жуковский М. О. Указ. соч. С. 45-54.
17. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. – М., Высшая школа, 1980. – С. 306-314.
18. Коробов Д. С. Указ. соч.
19. Буряк Ж. А., Лисецкий Ф. Н., Ильяшенко С. В. Геоинформационная аналитическая система «Археологические памятники Крыма» // Геодезия и картография. – М.: 2018. – № 12. – С. 29-40.
20. Антимонов Н. П. Указ. соч. С. 8.
21. Вальков Д. В. Указ. соч.
22. Багаутдинов Р. С. и др. Указ. соч. С. 318-323.
23. Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Указ. соч. С. 72.
24. Коробов Д. С. Указ. соч.
25. Жуковский М. О. Указ. соч. С. 45-54.
26. Антимонов Н. П. Указ. соч. С. 8.
27. Багаутдинов Р. С. и др. Указ. соч. С. 322.
28. Коробов Д. С. Указ. соч.
29. Там же.
30. Там же.
31. Андрианова Ю. Е., Тарчевский И. А. Хлорофилл и продуктивность растений / РАН. Казанский научный центр. Казанский институт биохимии и биофизики. – М.: Наука, 2000. – 134 с.
32. Коробов Д. С. Указ. соч.

33. Антимонов Н. П. Указ. соч. С. 8.
34. Вальков Д. В. Указ. соч.
35. Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Указ. соч. С. 72.
36. Березанская С. С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. – К.: Наукова думка, 1990. – 152 с.
37. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Цыганенко В. А., Волошко В. И. Отчет об археологических разведках и охранных раскопках на территории Артемовского и Краснолиманского районов Донецкой области в 1977 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1977/121.
38. Дегерменджи С. М. Курганы Донеччины: загальний стан, проблеми обліку та охорони // Археологический альманах. 2004. – № 14. – С. 5-6.
39. Золотун В. П. Некоторые свойства палеопочв и вопросы датировки курганов на юге Украины // Материалы по археологии Северного Причерноморья Одесского археологического музея. – 1970. – Вып. 6. – С. 168-181.
40. Александровский А. Л. Эволюция почв и природная среда Восточной Европы в голоцене // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению. – Пущино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2014. С. 9-14.
41. Там же. С. 11.
42. Там же. С. 11.
43. Вальков Д. В. Указ. соч.
44. Насретдинов Р. Р., Габитов Р. Н. Указ. соч. С. 72.
45. Дегерменджи С. М. 2004. Указ. соч.
46. Жуковский М. О. Указ. соч. С. 45-54.
47. Золотун В. П. Указ. соч. С. 168-181.
48. Александровский А. Л. Указ. соч. С. 9-14.
49. Дегерменджи С. М. 2004. Указ. соч.
50. Антимонов Н. П. Указ. соч. С. 8.
51. Вальков Д. В. Указ. соч.
52. Жуковский М. О. Указ. соч.
53. Скрипчинский А. В. Аэрокосмическое зондирование и фотограмметрия. Методические указания по выполнению практических работ. – Ставрополь, 2017. – С. 18.
54. Багаутдинов Р. С. и др. Указ. соч. С. 318.
55. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура // МИА. – 1967. – № 142. – С. 23, рис. 6.1.

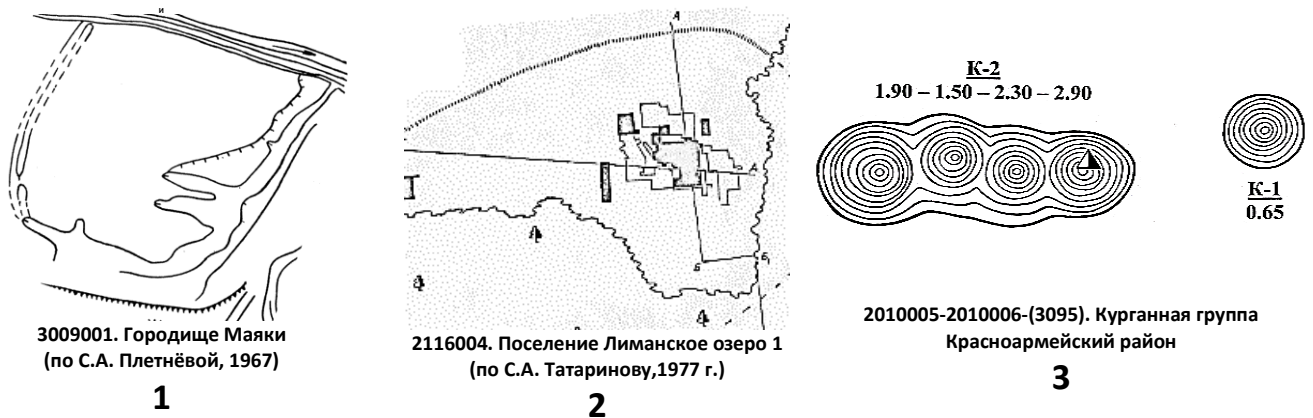

Рис. 1. Примеры абрисных схем археологических объектов.

Рис. 2. Распределение света и тени на курганных насыпях при разновременной съёмке из космоса.

Рис. 3. Изображение растительного покрова на курганных насыпях при разновременной съёмке из космоса.

Google Earth-2105002. Усово Озеро 1
05.04.2009 г.

1

Google Earth-2105002. Усово Озеро 1
20.07.2017 г.

2

2105002. Усово Озеро 1. Реконструкция
(по С.С. Березанской, 1990)

3

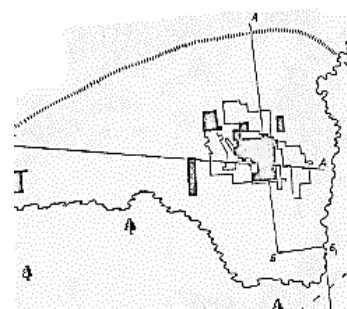
Google Earth. 2116004. Лиманское Озеро 1
05.04.2009 г.

4

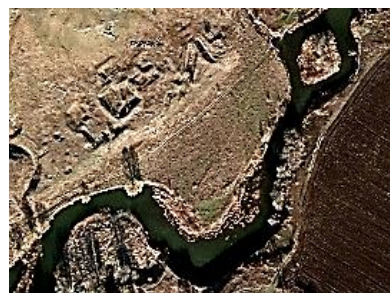
Google Earth-2116004. Лиманское Озеро
1
31.05.2019 г.

5

2116004. Лиманское озеро 1
(по С.А.Татаринову, 1977)

6

Google Earth. 3212203. Раздольное
17.12.2015 г.

7

Google Earth. 3212203. Раздольное
04.05.2018 г.

8

3212203. Раздольное
(по В.Н. Горбову, А.Н. Усачуку, 2001 г.)

9

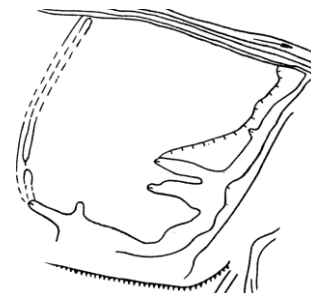
3009001. Маяцкое городище под пашней
23.11.2012 г.

10

3009001. Маяцкое городище под паром
24.07.2015 г.

11

3009001. Маяцкое городище
(по С.А. Плетнёвой, 1976)

12

Рис. 4. Изображение археологических объектов поселенческого типа при съёмке из космоса и их графические планы.

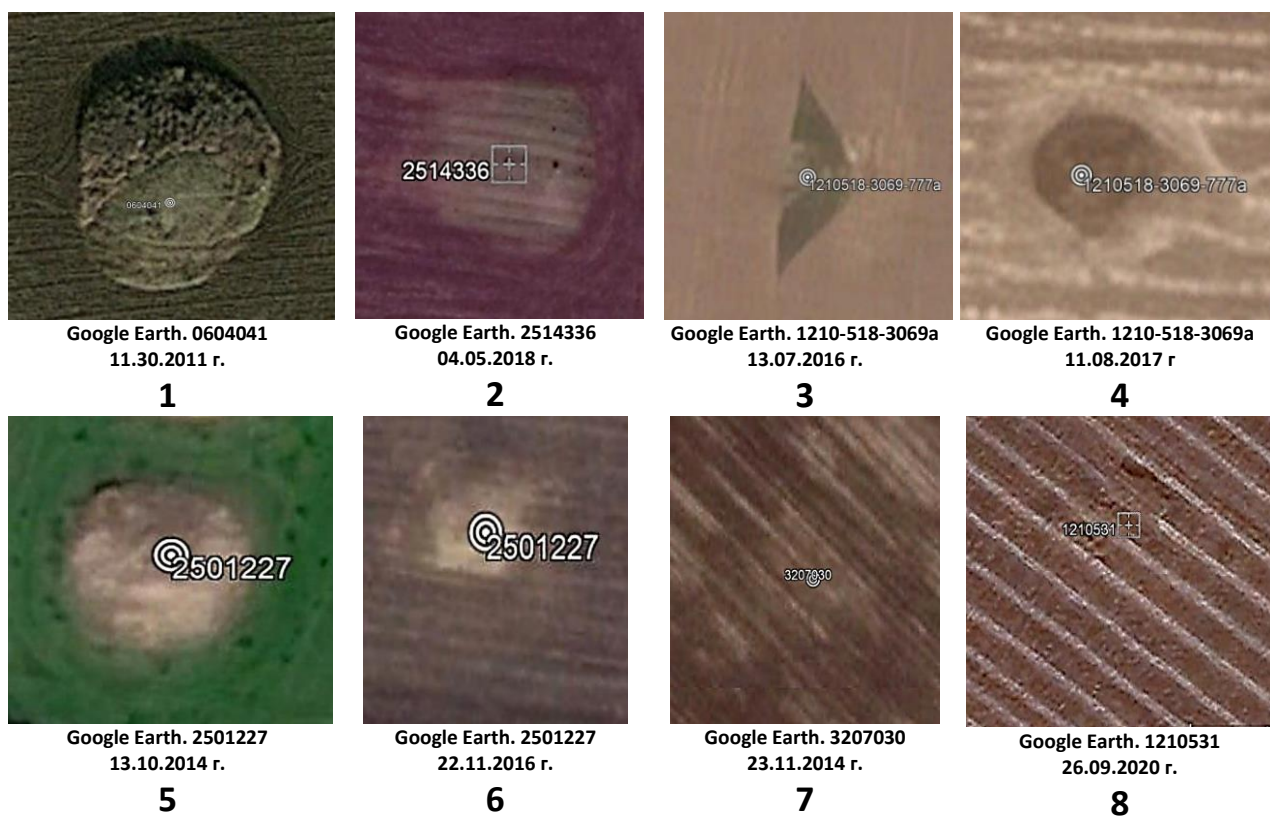

Рис. 5. Примеры визуальной текстуры курганных насыпей до и после включения в сельскохозяйственный оборот при съёмке из космоса.

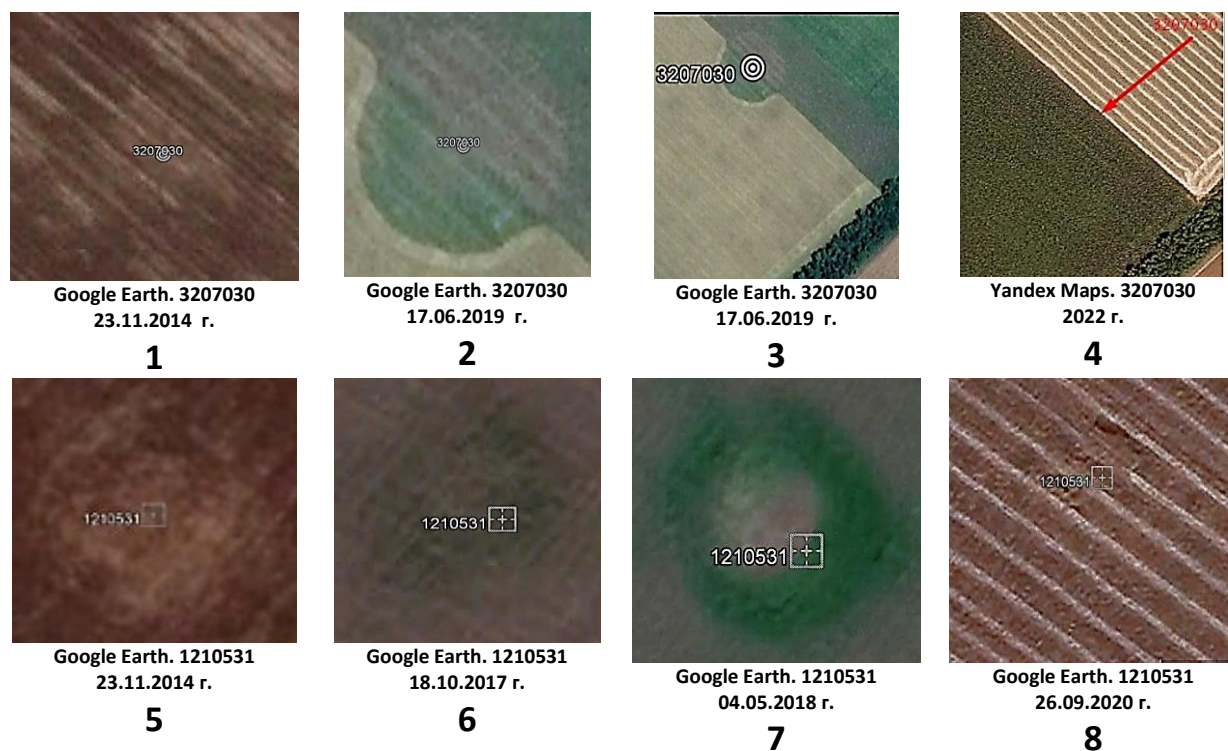

Рис. 6. Примеры изображений курганных могильников утративших насыпь при съёмке из космоса.

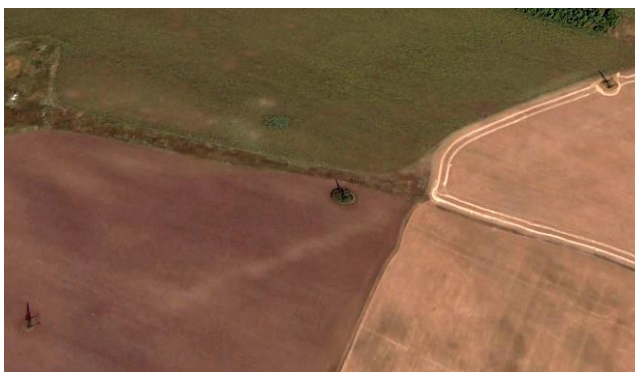
Рис. 7. Примеры изображений курганных могильников утративших насыпь при съёмке из космоса.

Рис. 8. Примеры изображений повреждённых курганных насыпей при съёмке из космоса.

Рис. 9. Пример изображения курганной насыпи до и после проведения фортификационных работ при съёмке из космоса.

Google Earth. Линия электропередач
27.07.2012 г.

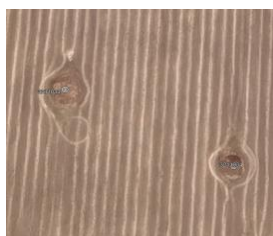
1

Google Earth. Линия электропередач
27.07.2012 г.

2

Рис. 10. Изображение линии электропередач при съёмке из космоса.

Google Earth. 3214023-24
13.09.2016 г.

1

Google Earth-3214023-24
18.09.2016 г.

2

Google Earth. 3211065-64
09.03.2016 г.

3

Google Earth. 3211065-64
15.03.2016 г.

4

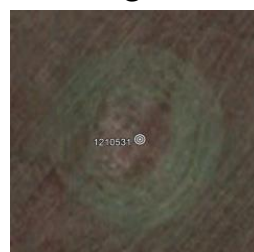
Google Earth. 1210531
21.07.2012 г.

5

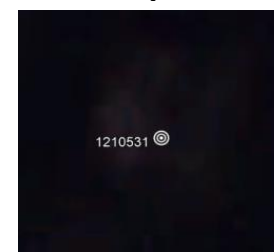
Google Earth. 1210531
11.08.2016 г.

6

Google Earth. 1210531
08.04.2018 г.

7

Google Earth. 1210531
18.10.2017 г.

8

Рис. 11. Примеры спутниковых снимков до и после возникновения обстоятельств, препятствующих получению изображений курганов.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 902(4)''632.3''930

А.В. Колесник

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: akolesnik2007@mail.ru

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 60-90-Е ГГ. XX В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация

Статья посвящена историографии важной проблемы археологии среднего палеолита Восточной Европы. Эта проблема касается культурной принадлежности археологических комплексов. В русскоязычной литературе в 60-е гг. XX в. сложилось несколько концепций культурной атрибуции комплексов, но наибольшее развитие получила концепция «восточного микока».

Ключевые слова: восточный микока, средний палеолит, Восточная Европа, археологические памятники

Summary

The article is devoted to the historiography of an important problem in the archeology of the Middle Paleolithic in Eastern Europe. This problem concerns the cultural affiliation of archaeological complexes. In Russian-language literature in the 60s several concepts of cultural attribution of complexes have developed, but the concept of "Eastern micoquian" has received the greatest development.

Keywords: Eastern micoquian, Middle Paleolithic, Eastern Europe, archeological sites

Работа выполнена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

Введение

Историография как одна из форм научной рефлексии позволяет доказательно интерпретировать общий тренд развития проблематики и, в какой-то степени, прогнозировать траекторию проблематики за гранью текущих исследований. Это возможно в том случае, если историография выступает не как простой «слепок»

научной дискуссии, а как инструмент группировки высказанных идей, имеющих определенную целевую установку в рамках действующей парадигмы.

В современной проблематике среднего палеолита Восточной Европы выделяется несколько ключевых проблем, среди которых важное место по-прежнему занимает тема культурного членения памятников. Начиная с 60-х гг. прошлого века, в русскоязычной археологической литературе сформировалось несколько концепций культурной специфики комплексов. По отдельным вариантам среднего палеолита, в частности, по микоку, накоплен столь значительный багаж исследований, что он сам по себе стал предметом отдельных историографических работ [1-3].

Цель настоящей работы – установление динамики оценок памятников среднего палеолита Восточной Европы на основании историографического анализа.

Обзор библиографии

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. окончательно сложилась система координат в схеме культурного членения среднего палеолита Западной Европы Ф. Борда. По этой схеме, прочно закреплялось определение среднепалеолитических индустрий с бифасами в рамках мустье с ашельской традицией. Схема основывалась на базе новой типологии и статистического анализа французских материалов. Выделялись четыре варианта и типы индустрий – мустье с ашельской традицией (типы А и В), мустье шарантское (типы Кина и Ферраси), мустье типичное и мустье зубчатое [4]. Варианты мустье понимались как проявление кустящейся эволюции, характерной для развития индустрий эпохи палеолита. Следует отметить, что широкое распространение французской схемы локальных отличий среднего палеолита происходило на фоне дискуссии между Ф. Бордом и С. и Л. Бинфордами по поводу природы этих отличий. Как известно, С. и Л. Бинфорды считали, что на типологию каменных орудий решающим образом влиял тип хозяйственной деятельности древнего человека [5]. В целом, в Старом Свете были поддержаны взгляды Ф. Борда.

Представления о среднем палеолите Восточной Европы, в том числе индустрий с двусторонне обработанными орудиями, не укладывались в схему эволюции культуры среднего палеолита Западной и Центральной Европы. Попытка Р. Клейна калькировать схему локальных отличий Ф. Борда из четырех вариантов мустье на материалы Крыма и материковой Европейской части СССР оказалась неудачной [6, 7]. С некоторыми оговорками, восточно-европейские материалы сопоставлялись с памятниками шарантского и типичного мустье.

В этот период в попытках объяснить особенности среднего палеолита Восточной Европы в советской археологической науке сложились минимум три концепции развития мустье: концепции «бинарной культурной оппозиции», «синстадиальности» и «локальных отличий».

Концепцию «бинарной культурной оппозиции» последовательно развивал А.А. Формозов. В конце 1950-х гг. А.А. Формозов впервые предложил бинарное

деление мустьерских индустрий Восточной Европы (по наличию двусторонне обработанных изделий) на мустье с ашельской традицией, содержащее эти изделия, и мустье типичное без двусторонне обработанных орудий [8, с.115-123; 9, с. 32-42]. Антитезой такому подходу служили взгляды С.Н. Замятниной, который считал, что локальные отличия в культуре древнего человека появляются только в позднем палеолите [10]. В 1960-е гг. в поисках теоретической модели описания реальной структуры среднего палеолита Русской равнины, Крыма и Северного Кавказа, А.А. Формозов подтвердил свою прежнюю оценку варианта мустье с двусторонне обработанными орудиями как одного из двух вариантов мустье [11]. В его монографии 1977 г. фактически в законченном виде оформилась концепция бинарной культурной оппозиции среднего палеолита Восточной Европы с делением на два ключевых варианта [12]. Эта концепция сохраняет свое значение до настоящего времени.

Концепция «синстадиальности» разрабатывалась Г.П. Григорьевым. Согласно этой концепции, средний палеолит Европы развивался по шести «путям развития» (леваллуазскому, типичному, зубчатому, понтийскому, бокштайнскому и прондницкому), обусловленным не степенью «генетического» родства, а конвергентным развитием индустрий [13-15]. Бокштайнский и прондницкий «пути развития», выделенные на основании индустрий с большим количеством специфических двусторонне обработанных орудий, детально не обосновывались, за скобками такого деления оставались многочисленные памятники Восточной Европы с бифасами.

Особое место в культурной номенклатуре среднего палеолита Восточной Европы заняла концепция «локальных отличий» В.Н. Гладилиной, которая была представлена в нескольких последовательных редакциях. Первоначально мустьерские памятники Восточной Европы разделялись по двухступенчатой схеме на технические варианты индустрий и типы индустрий [16]. В классификации локальных отличий 1971 г. сохранилось влияние схемы Ф. Борда. Помимо прочего, выделялись варианты микромустье с ашельской традицией, мустье с ашельской традицией, леваллуа-мустье с ашельской традицией [17, с.35-36]. В последующем одной из ключевых единиц группировки стало «Мустье двустороннее» с различными типами индустрий. Все мустьерские памятники Восточной Европы подразделяются на варианты по совокупности трех хронологически устойчивых показателей: 1) размеров орудий, 2) степени применения техники двусторонней обработки, 3) удельного веса зубчато-выемчатых форм. Тип индустрии определялся в зависимости от особенностей технологии первичного расщепления и баланса типов орудий. В версии схемы локального членения 1976 г. варианты мустье с двусторонними формами (мустье двустороннее, микромустье двустороннее, микромустье обыкновенное, микромустье зубчато-двустороннее) фактически аккумулировали в себе всё типологическое разнообразие индустрий Восточной Европы, аналогичных микокскому кругу памятников Центральной Европы [18]. Орудия, составляющие типологическое ядро индустрий Восточной Европы с бифасами, описывались В.Н. Гладилиным на основании оригинальной

многоступенчатой классификации как разнообразные скребла-ножи. Базовый постулат теоретических воззрений В.Н. Гладиллина на культурную преемственность среднего палеолита Восточной Европы в значительной степени был основан на технико-типологической близости памятников Русской равнины и Крыма к памятникам Центральной Европы, ставших эталонными при выделении различных типов обушковых ножей. В.Н. Гладиллину было вполне понятно, «что комплексы с двусторонними формами в Восточной Европе вырастают скорее из центральноевропейского «микока», чем из ашеля. ... Вопрос о генезисе восточноевропейских памятников с двусторонними формами требует специального изучения» [19]. В последующем проблема происхождения микока Русской равнины, Крыма и Северного Кавказа решалась в рамках дискуссии о «восточном микоке», а из концепции «локальных отличий» выросла концепция «культурной вариабельности» среднего палеолита Восточной Европы.

На развитие взглядов многих европейских специалистов в области среднего палеолита в 1960 – 1970-е гг. значительное влияние оказала концепция «Keilmessergruppe», разработанная Г. Бозинским [20]. Согласно его взглядам, микок предлагалось понимать как самостоятельное культурное явление, не связанное с мустье или вариантами мустье. Не был связан микок и с поздним европейским ашелем [21, 22]. В основе новой концепции лежат постулаты об «инвентарных типах» орудий и особой технологии их изготовления. Технология изготовления микокских орудий была представлена в виде производства плоско-выпуклых бифасов с полным или частичным уплощением одной из поверхностей. По материалам грота Бокштайн также была описана технология попеременной однонаправленной альтернативной двусторонней обработки поверхностей бифасов. Основные орудия были описаны как клиновидные ножи (Keilmesser). В более широкую типобразующую группу были включены рубила с необработанной пяткой или полу-рубила (Halbkeile), подтреугольные рубила (Faustkeile), уплощенные (или плоские – изготовленные на тонких кремневых плитках) листовидные бифасы (Faustkeilblätter), мелкие «рубильца» (Fäustel) и листовидные острия (Blattspitze). На основании этих орудий были выделены т.н. «инвентарные типы» – индустрии типа Бокштайн, Клаузеннише, Шамбах, Рершайн, характерные для Центральной Европы. Инвентарные типы имели хронологический контекст.

Своеобразной визитной карточкой концепции «инвентарных типов» Keilmessergruppe стал термин «восточный микок». Как отмечалось выше, предпосылка формирования этого термина как географического определения восходит к 1920 – 1930-м гг. Под «восточным микоком» Г. Бозинским понимались памятники, расположенные к востоку от скопления памятников типа Ля Микок во Франции. Типологические характеристики каждого из «инвентарных типов» не распространяются на весь «восточный микок». Современная концепция микока Германии строится на той же основе, что и в 1960-е гг., что подтверждает точность выбранной тогда теоретической модели. В актуальном списке Keilmesser-групп

числятся памятники типов Bockstein, Klausennische, Buhlen (Pradnikhorizon), Königsau, Lebenstedt, а также отдельные памятники вне групп [23].

Целостная концепция Keilmessergruppe образца 60-х гг. стала теоретической платформой для дальнейшего изучения памятников среднего палеолита Европы с двусторонне обработанными орудиями, и была поддержана представителями различных национальных школ палеолитоведения. С учетом широты охвата памятников, проблем их интерпретации и периодизации, а также последующего влияния на исследовательский процесс, концепция Keilmessergruppe фактически обрела статус теории.

Близкую позицию в вопросах интерпретации специфических микокских индустрий Центральной Европы занял К. Валох, исследователь эталонной пещерной стоянки Кульна в Чехии [24]. По его мнению, микок появляется в Центральной Европе во второй половине ресс-вюрма и развивается на протяжении раннего вюрма [25]. Для каменной индустрии центрально-европейского микока характерны, помимо отмеченных Г. Бозинским признаков, невысокий уровень подправки площадок сколов, неразвитость леваллуазской техники расщепления, плоская двусторонняя ретушь [26]. Под «восточно-европейским микоком» М. Габори подразумевал обширную группу памятников Русской равнины и Крыма, не похожую на микок Польши и Германии и имеющую свою собственную генетическую основу – «восточный ашель» Кавказа [27, с.182]. (Gabori, 1976, p. 182). В пределах Европы Ф. Олсфорт-Джонс выделил несколько провинций микока (германскую, польскую, юго-восточную и восточно-европейскую) со своими культурными и хронологическими характеристиками [28].

Взгляды Г. Бозинского и его коллег на природу каменных индустрий среднего палеолита Центральной и Восточной Европы с асимметричными двусторонне обработанными ножами получили дальнейшее развитие в рамках концепции «восточного микока». При этом в середине 1970-х – 1980-е гг. в отечественной и, частично, зарубежной литературе произошла смысловая трансформация термина из географического определения микока, расположенного к востоку от Западной Европы, в содержательную характеристику микока Русской равнины, Крыма и Северного Кавказа.

На основании уточненной концепции локального членения мустье Украины (вариант – фация – тип индустрии), В 1980-е гг. В.Н. Гладилин предложил новую классификацию вариантов среднего палеолита Восточной Европы [29]. (Гладилин, 1980). В ней в рамках варианта «Мустье двустороннее» впервые была выделена восточномикокская фация с типами индустрий *Староселье*, *Рихта* и *Антоновка*, а также бокштайнская фация с типом *Ак-Кая*. Киик-Кобинская фация с типами *Киик-Коба* и *Орел* определены в рамках микромустье двустороннее [30, с.49-52]. (Гладилин, 1985, с.49-52). Отмечены отдельные культурные области: для памятников восточномикокской фации – Полесье, Донбасс и далее к востоку (Сухая Мечетка), для памятников киик-кобинской фации – Крым, Днепровское Надпорожье и Прикубанье. По мнению В.Н. Гладилина, «фации» объединяют родственные, близкие по происхождению типы индустрий, а их распространение в

пространстве было связано с миграциями охотничьих коллективов вслед за мигрирующими стадными животными. Общее происхождение связывалось либо с местной ашельской подосновой, либо с миграцией населения из других регионов, с Балкан или севера Центральной Европы.

Вопрос о структуре, географических группах и генезисе «восточного микока» неоднократно обсуждался различными авторами, в том числе на страницах тематических выпусков журнала «Археологический альманах» №№ 8 (1999 г.) и 9 (2000 г.) по результатам работы конференции 1997 г. в Донецком областном краеведческом музее. Так, А.И. Евтушенко обосновывал выделение девяти локально-географических групп микокских памятников Восточной Европы: Пруто-Днестровской, Полесской, Деснинской, Приднепровской, Крымской, Донецко-Приазовской, Северо-Кавказской, Приволжской и Приуральской [31]. Все двусторонние комплексы Крыма и Восточно-европейской равнины А.И. Евтушенко объединял в единую «микокскую традицию» [32]. Такой таксономический статус индустрий, вернее, тенденция к генерализации признаков «восточного микока», вызвала возражение со стороны Ю.Н. Кухарчука [33, с.28-29]. Расширительная трактовка «восточного микока» была характерна и для взглядов Л.В. Кулаковской [34]. Л.В. Голованова и Д. Хоффекер детально охарактеризовали микок Северного Кавказа [35]. А.В. Колесник отметил очаговый характер расположения памятников восточного микока на Европейском континенте, определил этот культурно-хронологический пласт памятников как европейский поздний микок, а классический микок Западной Европы и Северной Африки с асимметричными рубилами – как специфический вариант позднего ашеля, вариант переходной индустрии от раннего палеолита к среднему [36]. Контрастность скоплений микокских памятников нарастает с запада континента на восток, вместе с нарастанием мозаичности ландшафтов [37]. На основании анализа находок ручных рубил в Восточной Европе автор предположил, что они, вероятно, маркируют раннюю (рисковую?) фазу «восточного микока», его генетическую подоснову [38, 39]. Поиск этой пока неясной подосновы ранее уводил исследователей к «восточному ашелю Кавказа» [40]. (Gabori, 1976, рис. 65), ашелю Германии [41], гипотетическому ашелю Крыма [42], и т.д. Отельные споры вызвало обсуждение вероятных путей миграции носителей микокской культурной традиции в Восточную Европу. Такие «коридоры» усматривали на территории Болгарии и Румынии вдоль черноморского побережья [43], вдоль Дуная [44] и в других местах.

Технико-типологической своеобразии каменных индустрий «восточного микока» неоднократно отмечалось в трудах специалистов по Восточной Европе [45], но их типологический анализ так и не был унифицирован. Классификация коллекций кремневых изделий стоянок Атновока I и II, Рихта, Королево (II и II-а слои) и др. целиком (или почти целиком) основывалась на типологии В.Н. Гладилина [46, 47]. В.П. Чабай с коллегами разработали адаптированный вариант типологии среднего палеолита Крыма на базе классификации В.Н. Гладилина [48]. Ю.Г. Колосов опирался на типо-лист Ф. Борда со своими частными дополнениями

[49]. К стандартному набору диагностических типов бифасов, по Г. Бозинскому, А.И. Евтушенко добавил сопряженные группы типов – различные скребла и орудия с конвергентно сходящимися лезвиями [50]. Неоднозначность типологических критериев при выделении конкретных групп памятников среди «восточно-микокских» индустрий отмечена автором, выделены три крупные группы орудий, характерных для «восточного микока»: I - орудия фоновых мустьерских типов; II - орудия специфических типов, характерных в целом для микока (плоско-выпуклые двусторонние формы, обушковые ножи-бифасы, листовидные острия); III - орудия специфических индикаторных типов, характерных для региональных групп памятников [51]. Распределение специфических индикаторных типов для выявления региональной особенности «восточного микока» не дает оснований для выделения устойчивых локальных групп памятников. Фациальные отличия микококских комплексов могут иметь не столько культурный, сколько технологический смысл. В работе В.П. Чабая на базе анализа индустрий Крымской микококской традиции (аккайская, старосельская и кииккобинская) установлена зависимость между типолого-статистической характеристикой комплексов и их функциональным типом. Крымские материалы дают возможность корреляции условных «инвентарных наборов» с поселенческими стратегиями, включая интенсивность использования сырья и характер охотничьей деятельности [52, с.74].

К концу 90-х гг. «метаморфозы микока» прошли диалектически обусловленный путь от узкого понимания термина к широкому пониманию [53]. Оформилось восприятие микококской культурной общности как совокупности всех индустрий среднего палеолита Восточной Европы с бифасами различных типов и групп, в том числе обушковых ножей.

В 80-90-е гг. в научной проблематике сформировалось направление, связанное с изучением листовидных острий палеолитической эпохи. Такой подход был составной частью проблематики перехода от среднего палеолита к позднему палеолиту (the Middle-Upper Palaeolithic Transition) в Европе, и объясняется поисками генетических основ индустрий ранней поры позднего палеолита, содержащих различные листовидные острия (европейский селет, солотре и др.). Листовидным остриям среднего и позднего палеолита были посвящены коллоквиум в Кракове, Польша, в 1989 г. [54] и конференция в Мишкольце, Венгрия, в 1991 г. [55]. В ходе дискуссии неизбежно затрагивались микококские комплексы, в которых листовидные острия и обушковые ножи часто образуют сопряженные группы типов. В публикациях наметилась тенденция к раздельному рассмотрению категории листовидных острий. Анализ листовидных острий среднего палеолита Европы велся в основном вне лексики концепций микока, но оказал определенное влияние на развитие собственно микококской проблематики, в частности, на вопрос о культурной преемственности между микоком Крыма и Русской равнины и отдельными культурами позднего палеолита Восточной Европы. Этот вопрос в восточно-европейской литературе стал детально обсуждаться в нулевые – десятые гг. Данный тезис затронул проблемы генезиса индустрий бассейна р. Печера [56], индустрии Мира в Нижнем Поднепровье [57].

В самостоятельную дискуссию вылилось обсуждение вопроса о корнях стрелецкой культуры, расположенной в центре Русской равнины. В отдельном историографическом очерке Л.Б. Вишняцкого детализируется история данного вопроса, поставленного ещё в 30-е гг. С.Н. Замятниным. Терминологическая база этого раздела фактически микокской проблематики включала понятия «переходные индустрии», и была частью дискуссии о культурной трансформации при переходе от среднего палеолита к позднему [58].

В целом, концепция «восточного микока» приобрела в восточноевропейском научном пространстве статус самостоятельной теории. По ряду аспектов произошло разделение микока на две предметные области: на микок Центральной Европы и микок Восточной Европы, при этом основная смысловая нагрузка термина получила «научную прописку» в анализе памятников восточной части Европейского континента. Постулат о появлении «восточного микока» в Восточной Европе в результате своеобразной широкой «микокской экспансии» с запада на восток, с территории Центральной Европы, является доминирующим в русскоязычной литературе. «Восточный микок» как таковой принято относить к позднему среднему палеолиту. В ходе дискуссии не все вопросы были решены: не был установлен консенсус в понимании генезиса этого культурного феномена Восточной Европы и исторических судеб носителей микокской культурной традиции, исследователи по-разному понимали технико-типологические критерии микокских индустрий, не была установлена хронология отдельных этапов. В целом, микок фактически включает в себя консолидированную группу из нескольких вариантов индустрий среднего палеолита.

Вторая группа вариантов среднего палеолита Русской равнины касается разнообразных индустрий с преимущественно односторонне изготовленными каменными орудиями, с развитым пластинчатым компонентом. Историко-культурная оценка этих индустрий эволюционировала в археологической литературе одновременно с развитием системы взглядов на микок. В Восточной Европе впервые этот тип памятников был выделен В.Н. Гладилиным и включал в себя, помимо Холодной Балки, Бахчисарайскую стоянку [59]. Отметил это культурное единство и Н.К. Анисюткин, объединив обе стоянки в мустье бахчисарайско-холоднобалкинского типа. В 1980-е годы в связи с возобновлением раскопок на горе Кабази появился новый комплекс мустье одностороннее. После открытия Кабази-II В.П. Чабай выделил западнокрымскую фацию мустье и предложил ее периодизацию. Сюда вошли Бахчисарайская, Шайтан-Коба, Чокруча-I Кабази-I и Кабази-II, II к.с. В так называемой "кабазийской" культуре фигурируют те же комплексы, но без Шайтан-Кобы, поскольку этот комплекс Ю.Г. Колосов считает леваллуазским. В итоговой сводке по раннему палеолиту Крыма Шайтан-Коба все-таки вошла в западно-крымскую фацию и дала название ее среднему этапу [60, с.156].

Основное количество эталонных индустрий среднего палеолита с пластинчатыми технологиями находятся на севере Франции и в Бельгии. В круг этих памятников входят стоянки Сант-Валери [61], Риенкур-Бопом, Секля [62, 63],

Рокур [64, 65]. В это число включают также Порт Расин [66] на северо-западе Франции, Виннеф [67] и памятники долины р. Ваннэ [68] в Бургундии, Этутевилль [69] в Нормандии и др. Хронологические позиции этих памятников приблизительно одинаковые. Большинство из них существовало в пределах кислородно-изотопной стадии МИС5с раннего вюрма, или в целом датируются ранним вюрмом.

В значительной степени однообразен и технико-типологический облик этих индустрий. Из них только комплекс Виннеф связан с микокским орудийным набором, остальные французские комплексы относятся к мустье типичному, обогащенному позднепалеолитическим компонентом. В целом, среднепалеолитические пластинчатые комплексы Западной Европы существуют в общем леваллуазском контексте и сопровождаются обычными для европейского северо-запада линеальными и уни- биполярными рекуррентными методами нуклеусного расщепления. Торцовые и полуобъемные пластинчатые технологии этих индустрий сравнивают с позднепалеолитическими технологиями, так как здесь инициальная фаза расщепления часто связана с подготовкой на нуклеусе продольного двустороннего ребра, как у позднепалеолитических ядрищ. Судя по результатам ремонтажа, в Рокуре и Виннефе, продольные реберчатые участки являются боковыми элементами обычных леваллуазских полюсных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. Происхождение этих индустрий связывают с леваллуазскими пластинчатыми комплексами раннего среднего палеолита северо-запада Европы. Вследствие развитой пластинчатой технологии и большого количества пластин позднепалеолитическая группа орудий в указанных памятниках северо-запада Европы весьма обильна и включает разнообразные резцы [70, fig.4-5], прототипы пластин с притупленной спинкой [71]. В Бопоме значительными сериями представлены орудия с костенковским приемом обработки. Эти орудия сопровождают обычные для мустье типичного скребла и остроконечники на леваллуазской основе.

В круг подобных памятников в свое время был включен комплекс из удайского лёсса стоянки Курдюмовка в Северо-Западном Донбассе [72], который, по геологическим и палеоботаническим данным, датируется стадией МИС5с, как и большинство аналогичных памятников Западной Европы.

Апологетом «пластинчатого среднего палеолита» в Восточной Европе длительное время выступал А. Е. Матюхин. Согласно его взглядам, основанным на результатах раскопок многослойной стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца, в слоях 4-6 «позднего мустье» сохранились остатки пластинчатой индустрии, которая, вероятно, предшествует появлению раннего пластинчатого позднего палеолита [73].

Для юга Русской равнины актуальной является также леваллуазская проблематика, так как различные леваллуазские приёмы расщепления нуклеусов практиковались в разной степени в микокских, пластинчатых и собственно леваллуа-мустьерских индустриях. Эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

Заключение

Приведенный краткий историографический обзор проблемы показывает, что развернувшаяся в 1960 – 1990-е гг. дискуссия по поводу культурного членения памятников Восточной Европы, которая всегда была составной частью общеевропейской дискуссии о структуре среднего палеолита, фактически исходит из признания культурных различий с двумя основными «полюсами» в системе оценок, по критерию наличия/отсутствия специфических орудий с двусторонней обработкой. Такая тенденция в понимании культурной специфики среднего палеолита Восточной Европы закрепилась в русскоязычной археологической литературе в 1970-е гг. после широкого внедрения концепции «восточного микока». При этом концепция претерпела существенную трансформацию. Одновременно развивается концепция культурной оппозиции и концепция локальных отличий. Общим трендом исследований в последние десятилетия являлась последовательная смена узких по своему содержанию трактовок расширительными трактовками терминов культурного отличия при генерализации их содержания. Сейчас, как кажется, вызрели предпосылки для повторной детализации и конкретизации характеристик установленных больших групп памятников и их вариантов на основании новых методов и подходов.

Ссылки и примечания:

1. Евтушенко А.И. Проблемы «восточного микока» // Археологический альманах №8. – Донецк, 1999. С.3 – 24.
2. Кухарчук Ю.В. Метаморфозы микока // Археологический альманах, № 8. Донецк, 1999. – С. 25-36.
3. Колесник А.А. Становление историографической традиции микока среднего палеолита Евразии // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции. Исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 264 – 266.
4. Bordes François. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Mémoire No.1. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Bordeaux, 1961. 85 p. + 11 figs. + 108 plates.
5. Binford L.R., Binford S.R. The Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois // American Anthropologist, vol.68, 1966, no 2.
6. Klein R. The Middle Paleolithic of the Crimea // Arctic Anthropology, v. III, №1, 1965, pp.34 – 68.
7. Klein R. Mousterian Cultures in European Russia // Science, v.165, 1969, pp. 257-265.

8. Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА № 71. – М.: Наука, 1958. – 126 с.
9. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. – М.: Наука, 1959. 123 с.
10. Замятнин С.Н. О возникновении локальных отличий в культуре палеолитического времени // Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI. – М., 1951. С.89 – 152.
11. Формозов А.А. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР. VII Междунар. конгресс антропологич. и этнографич. наук. Москва. авг. 1964. – М.: Наука, 1964. – 7 с.
12. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
13. Григорьев Г.П. К расчленению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. – М., 1966. – С.221-223.
14. Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 225 с.
15. Григорьев В.П., Гвоздовер М.Д. О фаціальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II) // КСИА, 1975, №141. С.12 – 17.
16. Гладилин В.Н. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. – М., 1966. – С.14 – 17.
17. Гладилин В.М. Ранній палеоліт // Археологія УРСР. Т. I. – Київ, 1971. С.35-37.
18. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – К., 1976. 229 с.
19. Там же, – с.96.
20. Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta A/4. – Köln, 1967. 206 p.
21. Bosinski G. Zum Verhältnis von Jungacheuleen und Micoquien in Mitteleuropa // La Préhistoire. – Paris, 1968, pp.77-86.
22. Bosinski G. The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northern Germany // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man, Oxford, BAR Int. Ser. 151. 1982. P.165-175.
23. Bosinski G. The Keilmesser Groups (Micoquian) in Germany // Wylotne and Zwierzyniec. Paleolithic sites in Southern Poland. St. K. Kozłowski eds. – Kraków, 2006, pp.383-400.
24. Valoch K. Die Erforschung der Kulna-Höhle 1961-1976 // Anthropos, band 24. Brno, 1988, 318 p.
25. Valoch K. Evolution of the Palaeolithic in Central and Eastern Europe // Current Anthropology, №9. 1968-a, pp.351-391.

26. Valoch K. Le remplissage et les industries du Paléolithique Moyen de la grotte Kulna en Moravie // *L'Anthropologie*, №73. – Paris, 1968-б, pp. 453-465.
27. Gabori M. Les civilisation du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. – Budapest: Akademiai Kiado, 1976. 278 p.
28. Allsworth-Jones F. The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in the Central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. 245 p.
29. Гладилин В.Н. Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита // *Первобытная археология. Поиски и находки.* – К.: Наукова думка, 1980.
30. Евтушенко А.И. Проблемы «восточного микок» // *Археологический альманах* №8. Донецк, 1999. – С.10.
31. Евтушенко А.И. Локально-хронологическое подразделение мустьерских индустрий Северо-Восточного Средиземноморья // *Автореф. ... канд. ист. наук.* – К., 1995. 24 с.
32. Евтушенко А.И. Двустороннее мустье Крыма: проблемы культурно-типологической дифференциации индустрий // *Археологический альманах* №5. – Донецк, 1996.
33. Кухарчук Ю.В. К проблеме дифференциации ножей и скребел // *Археологический альманах*, №3. Донецк, 1996. – С.71-84.
34. Кулаковська Л.В. До питання про типологію мікоксських індустрій // *Тези науково-практично конференції, присвяченої 160-річчю від дня народження Т. Легоцького.* Мукачев, 1990. – С.39-40.
35. Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф. Микок на Северном Кавказе // *Археологический альманах*. 2000. Вып. 9. Донецк. С. 35–64.
36. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // *Археологический альманах*. 2003. № 12. Донецк. – 294 с.
37. Колесник А.В. “Восточный микок” – миф или реальность? // *Археологический альманах*. 1999. № 7. – Донецк. – С. 37–50.
38. Колесник А.В. Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы // *Археологический альманах*, вып. №7. – Донецк, 1998. – С.3-24.
39. Kolesnik A. Middle Palaeolithic Hand Axes of Eastern Europe. Anatolian prehistory. At the Crossroads of Two World. Vol.1 // *Actes du colloque international. Liege, 28 avril-3 mai 1997. ERAUL 85. Liège, 1998. P.77-112.*
40. Gabori M. Les civilisation du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural ...
41. Гладилин В.Н. Ранний палеолит // *Археология Украинской ССР*, т. I. К., 1985. – С.26-28.
42. Колосов Ю.Г. Аккайская мустьерская культура. – К.: Наукова думка, 1986. 224 с.
43. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита ..., с.150.
44. Евтушенко А.И. Локально-хронологическое подразделение ..., С. 22.
45. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита ..., с.145-146.
46. Гладилин В.Н. Ранний палеолит // *Археология Украинской ССР*, т. I. К., 1985. С.12-54.

47. Кулаковская Л.В. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. – К.: Наукова думка, 1989. 126 с.
48. Чабай В.П. Аккайцы в Западном Крыму: Кабази II, культурный слой III // Археологический альманах. 1999. № 8. Донецк. С. 51-78.
49. Колосов Ю.Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. – К.: Наукова думка, 1983. 207 с.
50. Евтушенко А.И. Проблемы «восточного микок» ..., с.8.
51. Колесник А.В. “Восточный микок” – миф или реальность?..., с.38.
52. Чабай В.П. Аккайцы в Западном Крыму: Кабази II, культурный слой III // Археологический альманах. 1999. № 8. Донецк. С. 51-78.
53. Кухарчук Ю.В. К проблеме дифференциации ножей и скребел // Археологический альманах, №3. Донецк, 1996. С.71-84.
54. Feuilles de pierre. Les industries à pièces foliacées du Paléolithique Européen. Actes du Colloque de Cracovie 1989. Ed. J.K. Kozlowski. ERAUL #42. 1990. 551 p.
55. Les industries à pièces foliacées en Europe centrale: Proposition de synthèse // Actes du Colloque de Miskolc. Sup. 1. PALEO. Les Ezies de Tayaс. 1995.
56. Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы // Автореферат дис. доктора исторических наук. – С-Пб, 2008. 41 с.
57. Степанчук В.Н. Двусторонне обработанные изделия верхнего слоя стоянки Мира в Поднепровье: контекст, техно-морфологические особенности и текущие интерпретации // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2 (2019). С. 5-34.
58. Вишняцкий Л.Б. Треугольные бифасиальные наконечники с вогнутым основанием и дискуссия о корнях стрелецкой культуры // Верхний палеолит Северной Евразии: памятники, культуры, традиции. СПб, 2014. С. 107-112.
59. Гладылин В.Н. Ранний палеолит ..., с.51.
60. Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. Ранний палеолит Крыма. – К.: Наукова думка, 1993. 223 с.
61. Tuffreau A. Le Paléolithique inférieure et moyen du Nord de la France (Nord, Pas-de-Calais, Picardie dans son cadre stratigraphique. Thèse de Doctorat d'Etat. Univ Sciences et Techn. de Lille, 1987.
62. Revillon S., Tuffreau A. Valeur et signification du déditage laminaire du gisement paleolithique moyen de Seclin (Nord) // Les industrie laminaires an Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991 / Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris, 1994. P.19-43.
63. Revillon S. Les industries laminaire du Paléolithique moyenn en Europe septentrionale. L'Exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux // Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et de Riencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais). CERP 5, 1994. 188 p.
64. Otte M. Rocourt (Liege, Belgique): industrie laminaire ancienne // Les industrie laminaires an Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée

- rar l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris, 1994. P 179-186.
65. Otte M., Boeda E., Haesaerts P. Rorourt: industrie laminaire archaïque // *Hélium*, t. XXIX/1, 1990. P. 3-13.
66. Revillon S., Cliquet D. Technologie du débitage laminaire du gisement paleolithique moyen de Saint-Germen-des-Vaux / Port-Racine (secteur 1) dans le contexte des industries du Paléolithique moyen du Massif Armoricaïn // Les industrie laminaires an Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée rar l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris, 1994. P.45-62.
67. Gouedo J.-M. Remontage d'un nucleus à lames du gisement micoquien de Vinneuf (Yohne) // Les industrie laminaires an Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée rar l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris, 1994. P.79-108.
68. Loch J.-L., Depaepe P. Exemplex de débitage laminaire dans cinq sites de la vallée de la Vanne (Yohne) // Les industrie laminaires an Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée rar l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris, 1994. P.103-116.
69. Delagnes A., Kutnzman F. L'organisation technique et spatiale de la production laminaire à Etoutteville // Paléolithique moyen en pays de Caux (Haute-Normandie) (Delagnes A. et Ropars A. dir). DAF # 56. Paris, 1996. P.164-228.
70. Ameloot-Van Der Heijen N. L'industrie laminaire du niveau CA // Rencourt-lès-Bopaume (Pas-de-Calais). Un gisement du Paléolithique moyen (A. Tuffreau dir.). DAF # 37. Paris, 1993. P.26-52.
71. Loch J.-L., Depaepe P. Exemplex de débitage laminaire dans cinq sites de la vallée de la Vanne (Yohne) ..., fig. 7, 7.
72. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса ..., с.152-153.
73. Матюхин А.Е. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // АВ, №3, 1994. С.25-37.

УДК: 930.2:902

В.К. Гриб

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: vladgrib@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОГО КРЯЖА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация

В статье впервые предпринята попытка проанализировать историю и степень изученности археологических памятников хазарского времени, исследование которых на территории Донецкого кряжа и Северо-Восточного Приазовья осуществлялось, начиная со второй четверти XX в. по настоящее время. В целом процесс изучения памятников Хазарского каганата на указанных территориях нашел достаточно полное отражение в научных работах. В то же время основная масса научных работ носила публикационный характер. Попытки обобщения накопленных знаний носили спорадический характер и чаще всего не вызывали научных дискуссий среди специалистов. Важным элементом, повлиявшим на количество, и, главное, качество опубликованных работ, было отсутствие в Донецком регионе научной школы «хазароведения». Вместе с тем историография археологических исследований, проводимых в Северо-Восточном Приазовье и на центральном плато Донецкого кряжа, свидетельствует о наукоемкости этого вида исторических источников, потенциал которого в настоящее время использован не в полной мере.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Донецкий кряж, Северо-Восточное Приазовье, археологические источники, историография.

Summary

This article is the first attempt to analyze the history and the degree of study of archaeological monuments of the Khazar period, the study of which was carried out on the territory of the Donetsk Ridge and the North-Eastern Azov region, starting from the second quarter of the XX century to the present. In general, the process of studying the monuments of the Khazar Khaganate in these territories has found a fairly complete reflection in scientific works. At the same time, the bulk of scientific works were of a publications nature. Attempts to generalize the accumulated knowledge were sporadic and most often did not cause scientific discussions among specialists. An important element that influenced the quantity and, most importantly, the quality of published works was the absence of a scientific school of «Khazar studies» in the Donetsk region. At the same time, the historiography of archaeological research conducted in the

North-Eastern Azov region and on the central plateau of the Donetsk Ridge testifies to the knowledge intensity of this type of historical sources, the potential of which is currently not fully used.

Keywords: *Khazar Khaganate, Donetsk Ridge, North-Eastern Azov region, archaeological sources, historiography.*

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

Введение. Вопрос о месте, роли и, главное, этнической принадлежности населения, проживавшего на территории Донецкого края (современного Центрального Донбасса) и Северо-Восточного Приазовья в эпоху Хазарского каганата, остается открытым. В исследованиях, посвященных региональным особенностям салтово-маяцкой культуры, которая общепризнанна государственной культурой Хазарского каганата, эта территория в лучшем случае не упоминается, но чаще всего подменяется данными, полученными в ходе раскопок археологических памятников хазарского времени, расположенных на границе степи и лесостепи в среднем течении Северского Донца. Это вызвано с одной стороны слабой изученностью раннесредневековых памятников Донецких и Приазовских степей, а с другой – практически полным отсутствием итоговых публикаций по результатам, проведенных к настоящему времени исследований.

К сожалению, большая часть событий, происходивших в Северо-Восточном Приазовье и на территории Донецкого края в конце VII – середине X в., не нашла должного отражения в письменных источниках. В связи с этим роль археологических источников в формировании наших знаний относительно истории Хазарского каганата возрастает.

Целью настоящей статьи является характеристика истории и степени изученности археологических памятников хазарского времени (конец VII – середина X вв.), исследование которых осуществлялось на территории центральной части Донецкого края и Северо-Восточного Приазовья, начиная со второй четверти XX века по настоящее время.

Основная часть работы. Начало исследований памятников Хазарского каганата на территории центральной части Донецкого края связано с именем сотрудника Сталинского (совр. Донецкого) областного краеведческого музея А.К. Тахтая (1890–1963), который в 1954 г. исследовал разрушенное в ходе строительных работ погребение в окрестностях г. Чистяково Сталинской обл. (совр. г. Торез, Донецкая обл.). По всей видимости, это было подкурганное погребение всадника, сопроводительный инвентарь которого (амфора, горшок, баклага, кистень, нож, бронзовые литые украшения, наконечник и накладки пояса, удила, стремя, фрагмент византийского солида) позволил отнести его к

хазарским древностям [1]. Полноценная публикация материалов «чистяковского» погребения была осуществлена уже в конце XX – начале XXI вв. А.В. Комаром и Э.Е. Кравченко, которые отмечали, что большинство предметов из комплекса находит аналогии среди древностей салтово-маяцкой культуры [3], датируются 840 – 880 гг. и могут быть отождествлены с такой группой хазарского населения как кабары [2].

Еще четыре погребения хазарской эпохи были открыты в конце прошлого века в ходе работ новостроечных экспедиций на восточных и юго-восточных отрогах кряжа в Донецкой (с. Белояровка, Амвросиевский район, совр. ДНР РФ) и Луганской (с. Обозное, Славяносербский район, с. Карпово-Крепинка, Свердловский район, с. Бобриково, Антрацитовский район) областях (совр. ЛНР РФ). Погребения были совершены в курганах, сопровождалась захоронением лошади и инвентарем, в состав которого входили глиняные горшки, детали поясных наборов и конской сбруи, предметы вооружения. Погребение всадника у с. Белояровка Амвросиевского района Донецкой области было осуществлено в яме с подбоем и окружено сплошным кольцевым ровиком [4]. Датируются погребения второй половиной VIII – IX в. и входят в зону кочевий хазарского населения Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона [5].

Первые памятники поселенческого типа хазарского времени на территории Донецкого кряжа были открыты в ходе исследований поселений бронзового века в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия. В 1967 г. О.Г. Шапошникова зафиксировала материалы салтово-маяцкой культуры на поселении у с. Раздольное Старобешевского района Донецкой области, что нашло отражение в целом ряде ее работ [6 - 7]. Вблизи поселения был найден небольшой камень, на одной из уплощенных сторон которого было выбито изображение всадника в доспехе и шлеме, с чеканом в правой руке и стоящей перед ним на коленях фигурки человека с арканом на шее [8].

Сотрудник Донецкого областного краеведческого музея О.Я. Привалова, исследуя в 1973–1976 гг. поселение эпохи поздней бронзы у с. Николаевка Волновахского района Донецкой области, отметила наличие в верхних слоях памятника нескольких кострищ и скоплений амфорной керамики VIII – IX вв. [9].

Раскопки разведочного характера многослойного поселения Богдановская Балка юго-западнее с. Стыла Старобешевского района Донецкой области [10] в 1992 г. провел сотрудник исторического факультета ДонГУ В.А. Посредников. Кроме амфорной керамики были найдены фрагменты горшков и котлов с внутренними ушками, обломки каменных жерновов и разнообразный остеологический материал – кости лошади, коровы, овцы, дикой свиньи, крупных степных птиц. Автор исследования предположил, что верхний слой поселения относится к салтовской культуре и оставлен населением болгарского племенного союза, входившего в состав Хазарского каганата [11].

В 1975 г. М.Л. Швецов и В.К. Гриб предприняли попытку выяснить характер памятника, расположенного на водоразделе рядом с курганным

могильником бронзового века. В ходе раскопок был открыт новый тип памятников раннесредневекового времени – долговременные стойбища на водораздельном плато. Топография расположения стойбища, отсутствие остеологического материала, превалирование в керамическом комплексе тарной посуды VIII – IX вв. указывало на то, что оно в течение определенного отрезка времени носило характер сезонной стоянки, и было оставлено населением степей, практикующим отгонное или пастушеское скотоводство. Дальнейшие исследования подтвердили правильность данного вывода [12; 13; 14].

Не менее интересные наблюдения относительно топографии памятников хазарского времени были получены в результате работ Э.Е. Кравченко на поселении Грузское-8, расположенном на северо-западных склонах Донецкого кряжа в Добропольском районе Донецкой области. Необычное расположение памятника на дне балки позволило исследователю выделить его в новый тип – «поселения на дне балок» и предположить, что такое местоположение не случайно и связано со сложным периодом, который переживал Хазарский каганат в середине IX в. [14].

В течение нескольких полевых сезонов Э.Е. Кравченко проводил исследования поселения Великая Шишовка в Шахтерском районе Донецкой области [15]. Расположенное в восточной части Донецкого кряжа (бассейн р. Миус) поселение занимало мысовидную площадку, на которой, по мнению автора раскопок, сохранились конструктивные детали жилищ в виде скоплений природного камня. Абсолютное большинство в керамическом комплексе памятника (около 85 %) принадлежит фрагментам амфор крымского производства. Памятники подобного типа Э.Е. Кравченко предлагает считать сезонными (весенне-летними) лагерями, используемыми населением салтовомаяцкой культуры, занятым отгонным скотоводством [16].

На протяжении многих лет исследования на территории Донецкого кряжа проводил В.Ф. Клименко, благодаря которому в научный оборот были введены несколько поселений хазарского времени, расположенных в бассейне р. Кринка [17], а также материалы печенежских погребений из курганных могильников в южной части Донецкого кряжа [18].

Интересные данные, касающиеся истории Хазарского каганата, были получены в ходе исследований многослойного поселения Веровка II (Центральный Донбасс), осуществленных С.Н. Постниковым [19 – 20]. Их результаты дополнили существующие знания о керамическом комплексе населения Донецких степей в раннесредневековое время.

Не остались без внимания специалистов и юго-восточные отроги Донецкого кряжа, большая часть которых, согласно административному делению, входит в состав Луганской области. В 1981 г. экспедицией ДонГУ было исследовано разрушаемое поселение у с. Благовка Свердловского района. Однослойный памятник относился к середине VIII – первой четверти IX в. и представлял интерес составом керамического комплекса, основная часть которого представлена лепной или подправленной на ручном гончарном круге

кухонной керамикой – горшками и котлами с внутренними ушками. Большая часть находок была обнаружена в заполнении жилища в виде полуземлянки с подбоем вдоль одной из сторон.

Луганский археолог К.И. Красильников на протяжении десяти лет исследовал поселение у с. Давыдо-Никольское Краснодонского района Луганской области (правый берег р. Северский Донец). В ходе изучения более 300 м² площади памятника было установлено, что архитектура поселения предусматривала круговую планировку жилых и хозяйственных сооружений. Жилища в виде неглубоких полуземлянок имели опорно-столбовую конструкцию, открытые очаги или печи закрытого типа из местного камня. Керамический комплекс по своему составу и морфологии близок к памятникам Среднего Подонцовья и Нижнего Подонья. Анализ остеологического материала указывает на оседлый, приселищно-скотоводческий и частично охотничий уклад жителей поселения в IX в. [21; 22; 23; 24].

Несомненный интерес для хазарской археологии представляют материалы, полученные в ходе исследований поселения у пгт. Вергулевка Перевальского района Луганской области под руководством Ю.М. Бровендера. В ходе исследования памятника, наряду с разнообразным комплексом керамики, были зафиксированы следы юртообразных жилищ в виде неглубоких ямок каркаса [24].

В 2007 г. археологической экспедицией Луганского областного краеведческого музея были проведены исследования однослойного поселения середины VIII – IX в. у с. Батыр Краснодонского района Луганской области. В традиционном для степных памятников керамическом комплексе преобладают амфоры и кухонные кружальные горшки. Восемь зерновых ям были размещены по кругу. В остеологическом материале явно преобладают кости крупного рогатого скота [25].

Харьковский археолог В.В. Колода в 1992 г. исследовал остатки пяти железоплавильных горнов ямного типа в верховьях р. Миус у с. Фащевка Перевальского района Луганской области. Расположенный в степи памятник, по мнению автора раскопок, является новым металлургическим центром, датируемый концом VIII – первой половиной IX в. [26].

В ходе археологических разведок на территории Донецкого кряжа в последнее время было открыто более 150 памятников, датируемых эпохой Хазарского каганата, типологию которых еще предстоит выяснить. Подобный результат стал итогом работ сотрудников Донецкого и Луганского республиканских музеев, Донецкого национального университета, Луганского государственного педагогического университета, Луганского государственного университета им. В. Даля, сотрудников новостроечных экспедиций Украины и России [27; 28; 29; 15; 20; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40].

Изучение памятников хазарского времени на территории Северо-Восточного Приазовья имеет более длительную историю. Первые исследования в этом направлении связаны с именами П.М. Пиневича и М.А. Миллера.

Научно-исследовательская деятельность мариупольского краеведа П.М. Пиневича была начата в 1925–1926 гг. с обследований прибрежной полосы в черте города, где им было открыто несколько пунктов раннесредневекового времени. Особое внимание было уделено изучению Зинцевой балки, по правому склону которой П.М. Пиневич обнаружил и частично исследовал многослойное поселение [41; 42; 43]. Археологические разведки П.М. Пиневича охватывали и оба берега р. Кальмиус. В 1928–1929 гг., осматривая мысовую площадку в устье реки, он фиксирует места скопления амфорной керамики, следы пепелищ, находит точильные камни и зернотерки [43]. На основании находок П.М. Пиневич предположил наличие на этом месте «торжища или временного торгового поселка... в более поздний византийский период» [43].

В 1930 г. в Мариуполе были начаты планировочные работы для строительства металлургического завода «Азовсталь», в ходе которых был открыт Мариупольский неолитический могильник. Занимаясь его исследованием, Н.Е. Макаренко изучил окружающую могильник местность, открыл несколько селищ и собрал подъемный материал, который передал на хранение в Мариупольский краеведческий музей [44; 45]. В дальнейшем сохранившаяся часть этой коллекции, состоящая в основном из фрагментов керамики раннесредневекового времени, была издана Л.И. Кучугурой [46].

С концом 20-х годов прошлого века связана археологическая деятельность М.А. Миллера (1883–1968), сначала научного сотрудника, а затем директора Таганрогского краеведческого музея. Летом 1926 г. он осматривает Самбекское городище, расположенное на северном побережье Азовского моря. На основании керамики, собранной на территории памятника, М.А. Миллер высказал предположение о возможной связи Самбека с такими «памятниками оседлой культуры южного Дона», как Саркел и Семикаракорское городище [47].

В последующие несколько лет М.А. Миллер проводит кратковременные археологические разведки в окрестностях Таганрога, в ходе которых открывает хорошо всем известные сегодня памятники у поселка Золотая Коса и на Беглицкой косе [48; 49]. Подъемный материал, собранный на этих памятниках, послужил основанием для написания статьи, посвященной анализу средневековой керамики. Примечательно, что именно в этой работе впервые приводится описание котлов с внутренними ушками, которые М.А. Миллер называет «сосудами котлообразной формы» [50].

Фрагменты глиняных котлов, найденные в районе Золотой Косы, привлекли внимание М.И. Артамонова, который отметил их отличие от подобных сосудов салтовской культуры, характерной для памятников Нижнего Подонья. Им было высказано предположение, что керамика Золотой Косы является «...каким-то местным видоизменением керамики салтовско-кавказского типа с особым районом распространения, протяжение которого сейчас указать невозможно, но который, несомненно, захватил часть Северного Кавказа и, возможно... простирался вдоль Азовско-Черноморского побережья вплоть до Болгарии» [51].

С середины 30-х и вплоть до середины 50-х годов XX в. изучение археологического наследия Хазарского каганата в Северо-Восточном Приазовье, как, впрочем, и на всей территории СССР, приостанавливается. Только в начале 1960-х годов начинают появляться отрывочные сведения о местах нахождения салтовской керамики, обнаруженных в ходе поисков памятников более древних эпох. Сотрудник Сталинского (совр. Донецкого) краеведческого музея Т.А. Шаповалов, осматривая памятники бронзового века, находит поселение Циркон у с. Донское Волновахского района [52], специалист по каменному веку, работающий в Таганрогском краеведческом музее, Н.Д. Праслов открывает целую серию памятников на северном побережье Миусского лимана и в долине р. Миус [53], в ходе изучения некрополя античного Танаиса Д.Б. Шелов фиксирует несколько погребений VIII–X вв. [54]. В 1954–1955 гг. археологическое обследование побережья Азовского моря между Таганрогом и ст. Синявской осуществил И.С. Каменецкий. Им было открыто средневековое поселение Самбек, расположенное у с. Вареновка Неклиновского района Ростовской области [55].

В 60-х годах прошлого века раннесредневековые памятники северного побережья Таганрогского залива изучала С.А. Плетнева. Маршрут разведки начавшийся в устье р. Миус, закончился в районе с. Обрыв Новоазовского района Донецкой области и включал 14 пунктов, которые были охарактеризованы ею как «кочевья», «обитаемые полосы» и «зимовища» приазовского варианта салтово-маяцкой культуры [56; 57; 58].

Новый этап в накоплении археологических данных о раннесредневековых памятниках археологии Северо-Восточного Приазовья совпал с 70–80-ми годами XX в. В первую очередь это было связано со строительством в этот период различных магистральных газопроводов, водоводов и объектов мелиорации, которое резко увеличило не только масштабы археологических работ, но и объемы их финансирования. В региональных центрах возникают научно-исследовательские хоздоговорные структуры, специализирующиеся на выявлении и изучении памятников археологии. Кроме того, с момента публикации М.И. Артамоновым фундаментальной «Истории хазар» в 1962 г., которая фактически вернула к жизни хазароведение в СССР, должен был пройти своеобразный «пубертатный период», чтобы в хазарской археологии выросло новое поколение специалистов.

В 1970-е годы экспедиция Таганрогского краеведческого музея под руководством В.С. Флерова целенаправленно приступила к выявлению памятников раннесредневекового времени в Северо-Восточном Приазовье. Объектом разведок был выбран бассейн рек Сухой и Мокрый Еланчик, а также долина реки Сарматка. Кроме открытия новых памятников VIII–X вв. был сделан ряд важных выводов о топографии их размещения [59; 60].

В последующие годы сотрудниками Таганрогского краеведческого музея, Донского археологического общества, НП «Южархеология» была проделана значительная работа по выявлению и исследованию средневековых памятников

археологии в Неклиновском, Матвеево-Курганском, Куйбышевском и Родионово-Несветайском районах Ростовской области, что было отмечено в работах историографического плана [55; 61]. Охранные раскопки были проведены на городище Самбек [62; 63], поселениях Золотая Коса [64], Ломакин IV [65], Ломакин V, Новозлатовское [66], Манучкино II [67; 68], Любовька III [69, Левинсадовка [70], Три Кольца [71], Самарское 1, Авило-Успенское 1, Рокотовка 1 [72], Мартыново I [73; 74; 75], Морской Чулек, Пятихатки [76] и др. Большинство исследований этого периода сопровождалось стационарными раскопками, что позволило сделать ряд принципиально важных выводов о планиграфии памятников, уточнить конструктивные детали хозяйственных и жилых построек, получить новые данные относительно так называемых «кочевий».

Целая серия памятников раннего Средневековья была открыта Б.Ю. Михлиным в Першотравневом районе Донецкой области к западу от Мариуполя. Большая часть памятников находилась в устьях степных рек и древних балок [77; 78]. В этом же районе местными жителями был обнаружен раннесредневековый пифос крымского производства емкостью до двухсот литров. Осмотр средней части Самариной балки, где был обнаружен пифос, показал, что ее долина в VIII–IX вв. была заселена оседлым населением [79].

Ряд новых памятников раннесредневекового времени был открыт киевским археологом А.А. Кротовой в Володарском районе Донецкой области на юго-восточных склонах Приазовской возвышенности [80].

Определенные успехи в накоплении археологических источников, связанных с эпохой Хазарского каганата на юге Донецкой области, нашли свое отражение в «Списке памятников археологии Украины», где отмечалось, что «с середины 60-х годов археологические работы в области ведутся более интенсивно» [10].

К началу 80-х годов XX в. в Центральном Донбассе и на юге Донецкой области было известно 50 памятников раннесредневекового времени [81]. Существенную роль в пополнении базы данных раннесредневековых памятников региона сыграли разведки, предпринятые в конце прошлого – начале нового века прежде всего сотрудниками региональных краеведческих музеев, высших учебных заведений и различных хозрасчетных археологических организаций, созданных в это время [29; 82; 83; 84; 85; 86; 36; 87; 88; 89] и др.

Целенаправленные исследования, связанные с поисками, фиксацией и раскопками археологических памятников эпохи Хазарского каганата, предпринятые на рубеже XX–XXI вв. донецкими археологами, увеличили базу данных до 350 памятников [14], а с учетом только опубликованных данных ростовских коллег их количество достигает 500 и более [90]. В то же время в ходе выполнения программы инвентаризации памятников археологии Ростовской области, которая проводилась в 90-е годы прошлого столетия, было картографировано более тысячи новых средневековых поселений [91].

Только небольшая часть открытых памятников исследовалась в ходе стационарных полевых работ. На поселениях Широкая Балка II и VI были найдены закрытые комплексы, имеющие важное значение для уточнения вопросов хронологии раннесредневековых памятников Северо-Восточного Приазовья [92]. В течение нескольких полевых сезонов велись раскопки многослойных поселений Безыменное I и Безыменное II [93; 94; 95; 96], выявившие каменное домостроительство и юртообразные постройки [98]. Интересные результаты о сезонных стоянках степного населения в раннесредневековое время были получены в ходе исследований памятников у с. Бердянское Новоазовского района [82; 98]. Жилища и культовые комплексы хазарского времени были зафиксированы в ходе исследований поселения Ляпинская Балка на восточной окраине Мариуполя [99; 100; 101]. Стены каменной хозяйственной постройки и участок подворья на многослойном поселении Халаджи-Бахчи (Старая Ласпа 8) в Тельмановском районе были исследованы совместной экспедицией исторического факультета Донецкого университета и Донецкого краеведческого музея в 2000–2001 гг. [102; 103]. Следы жилищ юртообразного типа с открытыми очагами были зафиксированы на многослойном поселении Камышеватая VIII в бассейне р. Камышеватка на юго-западных склонах Приазовской возвышенности [83]. Культурный слой хазарского времени был открыт в ходе исследования поселения Сопино на берегу Азовского моря [104]. Помещение хазарского времени с глинобитными конструкциями внутри было найдено в черте г. Мариуполя в ходе исследования казачьей крепости «Кальмиус» [104]. Получили уточнение сведения о характере хорошо известного селища Обрыв, которое считалось кочевьем хазарского времени. Стационарные раскопки зафиксировали на поселении несколько одновременных культурных слоев, один из которых относился к эпохе Хазарского каганата [106].

В определении этнического состава населения Донецких степей немалое значение отводится погребальному обряду. В специальной литературе утвердилось мнение, что погребальный обряд раннесредневекового населения степей Северо-Восточного Приазовья изучен слабо вследствие малочисленности археологических источников. Историографический обзор специальной литературы по этой теме говорит, что это не совсем так.

Отдельные погребения, датируемые VIII–IX вв., были открыты на западном участке Танаиса еще в начале второй половины прошлого века [107; 108]. Дальнейшие исследования этой части античного города дополнили наши знания находкой еще нескольких погребальных комплексов, датируемых серединой VIII – X в. [109 – 110].

Еще два памятника, не исключаяющих практику погребений своих сородичей в грунтовых могильниках, открыты на Беглицкой косе [111 – 112] и на восточной окраине Мариуполя [113].

Несколько погребений, по мнению авторов, принадлежащих салтово-маяцкой культуре, в разное время были открыты на территории г. Таганрога

Ростовской области. Одно из них было совершено в простой яме [114], другое в классической катакомбе с глубоким подпрямоугольным колодцем и камерой, вход в которую перекрывала известняковая плита [115].

Часть погребений были открыты в ходе исследований поселений. На поселении Широкая Балка II в Новоазовском районе Донецкой области погребение было совершено в хозяйственной яме колоколовидной формы [81]. Второе погребение в колоколовидной яме было обнаружено в обвале берегового уступа у поселка Рыбацкий Першотравневого района этой же области [83]. Ямное погребение салтово-маяцкой культуры было обнаружено в ходе исследований поселения Развильное I в Неклиновском районе Ростовской области [116]. Еще одно погребение в круглой яме зафиксировано в средневековом слое городища Самбек. Умерший был захоронен скорчено на спине, головой на юго-юго-запад [63].

В конце IX–X в. в степях Северо-Восточного Приазовья появляются огузо-печенежские орды, отдельные погребения которых часто встречаются в курганах. Как правило, это неглубокие впускные погребения с западной ориентировкой, скромным инвентарем и чучелом лошади, расположенным на одном уровне с умершим [117; 118; 119; 120; 121] и др.

Как видно из краткого историографического обзора, большая часть Приазовской низменности, Приазовской возвышенности, а также Донецкого кряжа (Центрального Донбасса) до недавнего времени оставалась вне зоны внимания исследователей истории Хазарского каганата. Основная часть работ, посвященная проблемам хазарского времени в указанном регионе, носила публикационный характер. В разные годы предпринимались попытки обобщить имеющиеся данные по раннесредневековой истории указанного региона, однако все они носили поверхностный, зачастую узколокальный характер, без учета всей полноты и отдельных нюансов письменных, археологических и других источников [81; 122; 123; 124; 16].

Из общего массива исследований, посвященных истории Северо-Восточного Приазовья в раннесредневековое время, выделим несколько работ, в которых поднимались вопросы ранней хронологии Хазарского каганата. В 1990 г. П.А. Ларенок в небольшой статье об итогах работы Таганрогского музея-заповедника сделал вывод, что в Северо-Восточном Приазовье система кочевого скотоводства с зонами кочевания родовых групп сложилась уже к VII в. [125]. В 2007 г. Л.Ю. Нидзельницкая и С.М. Ильяшенко на основе анализа амфорной тары XXIII раскопа Недвиговского городища пришли к выводу «...о наличии в непосредственной близости от развалов античного Танаиса раннесредневекового поселения, которое может быть предварительно датировано VII – первой половиной VIII в.» [74]. Выводы ростовских археологов, по-видимому, требуют дополнительных исследований, однако уже сегодня они вносят определенные коррективы в сложившиеся представления о хронологии памятников Хазарского каганата в целом и Северо-Восточного Приазовья в частности.

Рассматривая историографию указанной территории последнего времени, следует отметить работы П.А. Ларенка, А.А. Тортики, Э.Е. Кравченко. П.А. Ларенок в статье «Хазария и Нижний Дон» характеризует Северо-Восточное Приазовье как часть сложного экономического комплекса, соединявшего побережье Крыма с военно-административными центрами каганата. При этом, по мнению автора, побережье Таганрогского залива и дельта Дона была огромным сезонным торжищем между ремесленными и винодельческими центрами Крыма и Хазарией, поставляющей на внешний рынок продукты сельского хозяйства, скотоводства и рыбной ловли [91]. А.А. Тортика, анализируя письменные источники, приходит к выводу, что Черная Болгария располагалась в восточной части Северного Приазовья, на востоке граничила с Нижним Доном, а с севера была ограничена течением р. Северский Донец [126]. Э.Е. Кравченко в 2013 г. провел картографирование известных ему раннесредневековых памятников Донецких степей, предложил их систематизацию и осуществил сравнительный анализ с памятниками лесостепного пограничья. В итоге он пришел к выводу, что степные памятники Приазовья и Донецкого края отличаются от памятников «болгарского» варианта салтово-маяцкой культуры, расположенных в среднем течении р. Северский Донец, своей топографией, типом жилищ, отсутствием грунтовых могильников, преобладанием в керамическом комплексе лепной керамики. Исследователь считает появление городищ, например, таких, как Царино и Сидоровское (Донецкая обл.), реакцией оседлого населения Подонцовья на возможную угрозу со стороны степных кочевников [14].

Дополняют историографический обзор некоторые из работ автора, посвященные проблемам природопользования населения Северо-Восточного Приазовья в хазарское время [90; 127; 128], их погребальному обряду [113], конструктивным особенностям жилых и хозяйственных построек [97; 129], искусству и идеологии [130], особенностям культурогенеза, расселения и землепользования [131], письменности [132], вопросам хронологии и периодизации истории земель Центрального Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в Средние века [133].

Определенным итогом изучения памятников раннесредневекового времени, расположенных на центральном плато Донецкого края и в Северо-Восточном Приазовье, является монография автора «Поселения хазарского времени в Северо-Восточном Приазовье и Центральном Донбассе», в которой были введены в научный оборот результаты исследований отдельных поселений, определено их место в системе синхронных памятников Северного Причерноморья, а также дан комплексный анализ хозяйственной деятельности, приемов домостроительства и некоторых аспектов духовной жизни населения донецких степей в эпоху Хазарского каганата.

Заключение. В целом историография археологических исследований на территории Донецкого края и Северо-Восточного Приазовья показывает, что начавшийся в конце 20-х годов прошлого века процесс изучения памятников

Хазарского каганата нашел достаточно полное отражение в научных работах. Особенно интенсивно публикация археологических материалов осуществлялась в третьей четверти XX в., что было обусловлено изменением социально-политических условий в стране и возникшим в связи с этим интересом к истории Хазарского каганата.

Следует отметить, что основная масса изданных в то время научных работ носила публикационный характер, основной задачей которых было введение в научный оборот полученных в ходе полевых исследований новых археологических материалов. Попытки обобщения накопленных знаний носили спорадический характер и чаще всего не вызывали научных дискуссий среди специалистов.

Не менее важным элементом, повлиявшим на количество и, главное, качество опубликованных работ, было отсутствие в Донецком регионе классической научной школы «хазароведения», которая к концу прошлого века сложилась в Луганске, Харькове, Волгограде и Ростове-на-Дону. Не последнюю роль в этом, по-видимому, сыграло отсутствие находок в донецких степях «ярких» памятников, прежде всего могильников и городищ, которые были характерны для других регионов, входивших в состав Хазарского каганата в эпоху раннего Средневековья.

Вместе с тем историография археологических исследований, проводимых в Северо-Восточном Приазовье и на центральном плато Донецкого края, свидетельствует о наукоемкости археологических источников, потенциал которых в настоящее время использован не в полной мере.

Ссылки и примечания:

1. Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестностей г. Чистяково Сталинской области // Рукопись статьи. 1957. Архив Донецкого Республиканского краеведческого музея.
2. Комар О.В. Коментарі / Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г. Чистяково Сталинской области // *Vita Antiqua*. К.: «Есе», 1999. № 2. – С. 160 – 169.
3. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // *Донская археология*. 2000. № 3-4 (8-9). – С. 70-82.
4. Гриб В.К. Подкурганное погребение хазарского времени из Северо-Восточного Приазовья // *Археологические записки*. Ростов-на-Дону: Изд-во «Альтаир», 2017. Вып. 9. – С. 314-317.
5. Комар О.В., Піоро В.І. Кургани хазарського часу на Луганщині // *Vita Antiqua*. К.: «Есе», 1999. № 2. – С. 150-159.
6. Шапошникова О.Г. Некоторые итоги исследования многослойного поселения у с. Раздольное // *Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг.* К.: Наукова думка, 1967. Т. I. – С. 87-90.

7. Шапошникова О.Г. Багатошарове поселення поблизу с. Раздольне на р. Кальміус // Археологія. 1970. Т. XXIII. – С. 142-151.
8. Шапошникова О.Г. Звіт про роботу Кальміуського загону в 1964 – 1965 роках // НА ІА НАН України. 1964-65/11 б.
9. Привалова О.Я. Отчет об исследованиях памятника эпохи бронзы в бассейне р. Кальмиус // НА ИА НАН Украины. 1973/54.
10. Привалова О.Я., Привалов А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев: УООП, 1988. – 112 с.
11. Посредников В.А. Материалы разведки поселения Богдановская Балка (Донецкий кряж, срубное и салтовское время) // Донецкий археологический сборник. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1994. Вып. 5. – С. 125 – 140.
12. Волков И. В. Разведки и раскопки в низовьях Дона // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. С. 112.
13. Колесник А.В. Новые региональные типы памятников археологии Донбасса // Святогірський альманах 2013. Збірка наукових праць. Донецьк: Вид-во «Донбас», 2013. – С. 29-37.
14. Кравченко Э.Е. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, Степное Подонцовье) // Археологический альманах. Донецк: Изд-во «Донбасс», 2013. № 30. – С. 278-302.
15. Колесник А.В., Подобед В.А., Гершкович Я.П. Отчет о разведках в Шахтерском районе Донецкой области // НА ИА НАН Украины. 1990/69.
16. Кравченко Э.Е. Об одной группе степных поселений хазарского времени в Донецком регионе // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Издатель Сорокин Р.В., 2020. Вып. XII. – С. 44-52.
17. Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Работы Енакиевского отряда // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. – С. 289-290.
18. Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. – Енакиево. 1998. – 220 с.
19. Постников С.Н. Отчет о проведении археологических разведок в окрестностях г. Енакиево // НА ИА НАН Украины. 1990/117.
20. Постников С.Н. Отчет о проведении разведок в окрестностях г. Енакиева в 1991 г. // НА ИА НАН Украины. 1991/44.
21. Красильникова Л.И., Красильников К.И. Салтово-маяцкий горизонт поселения у с. Давыдо-Никольское // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. – К.: ІА НАН України. – С. 168-170.
22. Пробийголова О.С., Красильников К.И. Дослідження на поселенні біля Давидо-Микільське // Археологічні дослідження в Україні 2013 року. Київ-Луцьк: ДП «Волинські старожитності». – С. 224-225.
23. Красильников К.И., Красильникова Л.И. Жертвенник на селище СМК Давыдо-Никольское, река Северский Донец // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 октября 2015 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. – С. 319-327.

24. Бровендер Ю.М., Ключнева И.Н., Ключнев М.Н., Рябоконтъ И.А., Драчев А.Г. Отчет о работе Центрально-Донецкой археологической экспедиции ИА НАНУ на многослойном поселении у с. Вергулевка Перевальского района Луганской области в 1994 г. // Архив Луганского областного краеведческого музея. Ф. № 2, оп. 02-23. – С. 1-110.
25. Стадник О.В., Стадник А.И. Батыр – памятник раннего средневековья в степном Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. Вип. 10. – С. 78-99.
26. Колода В.В. Новый средневековый металлургический центр // Археологічні дослідження в Україні 1992 року. – Київ: Наукова думка, 1993. – С. 74-75.
27. Писларий И.А., Братченко С.Н., Кротова А.А., Неприна В.И., Шарафутдинова Э.С. Отчет об исследованиях у гг. Приволье, Безгиново, Новоселовка, Песчаное в 1975 г. // НА ИА НАН Украины. № 9505.
28. Гриб В.К. Отчет о разведках на территории Новоазовского и Тельмановского районов Донецкой области // НА ИА НАН Украины. 1987/92.
29. Санжаров С.Н., Бровендер Ю.М. Отчет о разведках на территории Ворошиловградской области в 1987 г. // НА ИА НАН Украины. 1987/105.
30. Дегерменджи С.М., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Отчет о разведках в Добропольском и Краснолиманском районах Донецкой области в 1994 г. // НА ИА НАН Украины. 1994/111.
31. Цимиданов В.В., Полидович Ю.Б. Разведки на территории Марьинского района Донецкой области в 1992 г. // НА ДОКМ. 1992/3.
32. Бритюк А.А. Отчет о проведении археологических разведок на территории Луганской области в 1994 г. // НА ИА НАН Украины. 1994/40.
33. Супрун А.В., Черных Е.А., Прынь А.В. Результаты археологических разведок в Кременском районе Луганской области в 1999 году // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов-Энгельс, 14 - 18 мая 2000 г. Саратов. 2000. – С. 145-147.
34. Красильников К.И. Луганская область. Атлас. – Киев: Картография. 2004. – 32 с.
35. Терехина А. Археологические разведки в Добропольском районе Донецкой области // Південно-Східна Україна: від «Дикого поля» до духовної святині. Донецьк. 2006. – С. 66-70.
36. Кузін В.І., Коваль Ю.Г. Науковий звіт про археологічні розвідки по районах та містам Донецької області у 2007 р. // НА ИА НАН Украины. 2007/111.
37. Кравченко Е.Є., Підобід В.А., Полідович Ю.Б., Усачук А.М., Циміданов В.В. Звіт про проведення археологічних робіт (розвідок) на території Донецької області у 2008 році // НА ДОКМ. Донецьк. – 192 с.

38. Полідович Ю.Б., Усачук А.М., Кравченко Е.Є., Підобід В.А., Циміданов В.В. Археологічні розвідки на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні 2012. – Київ-Луцьк: ДП «Волинські старожитності», 2013. – С. 154-155.
39. Пиневи́ч П.М. Археологические раскопки в Мариупольском округе 1927 г. // НА ИА НАН Украины. 1927. Ф. ВУАК. № 116/39.
40. Пиневи́ч П.М. Маріупольський музей. Зарисовка археологічних матеріалів, зібраних в околицях Маріуполя, в Зінцевій балці // НА ИА НАН Украины. Ф. ВУАК. 1928. № 309/23а.
41. Пиневи́ч П.М. Передісторичні розшуки в межах Маріупольщини за роки 1925-1929 // НА ИА НАН Украины. Ф. ВУАК. 1929. № 309/23.
42. Пиневи́ч П.М. Археологические исследования на Мариупольщине и археологические раскопки. Отчет за 1928 г. // НА ИА НАН Украины. Ф. ВУАК. 1928. № 309/23.
43. Пиневи́ч П.М. Дневник археологических работ на Мариупольщине за 1929 г. // НА ИА НАН Украины. Ф. ВУАК. 1929. № 546.
44. Макаренко М.О. Маріупільський могильник. – Київ: Вид-во Всеукраїнської Академії Наук, 1933. – 151 с.
45. Макаренко М.О. Експедиція «Азовсталь» 1933 р. опис кераміки-посуду з рисунками олівцем та окремими фотовідбитками // НА ИА НАН Украины. Ф. ВУАК. 1933. № 539/9.
46. Кучугура Л.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П.М. Пиневи́ча и Н.Е. Макаренко) // Донецкий археологический сборник. Донецк: Изд-во «Истоки», 1998. Вып. 8. – С. 41– 58.
47. Миллер М. Самбекское городище // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. – Ростов-на-Дону. 1927. Книга I (Том III). Вып. 2. С. 18-20.
48. Миллер М.А. Обследование памятников истории материальной культуры северного побережья Азовского моря (предварительное сообщение) // Бюллетень Северо-Кавказского Бюро Краеведения. – Ростов-на-Дону. 1927. № 1-6. – С. 81-85.
49. Миллер М.А., Лу́нин Б.В. Некрополь у Беглицкой косы (Археологические раскопки летом 1928 г.) // Краеведение на Северном Кавказе. Периодический орган Северо-Кавказского краевого бюро краеведения. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского бюро краеведения, 1928. – С. 44-55.
50. Миллер М.А. Керамика древних поселений Приазовья // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону. 1927 – 1928. Книга I (Том III). Выпуск 3-4. – С. 18-22.
51. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) // Известия ГАИМК. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, Ленинградское отделение, 1935. Вып. 131. – 118 с.
52. Шаповалов Т.А. Отчет о разведках на территории Сталинской области в 1958 г. // НА ИА НАН Украины. 1958/38.

53. Праслов Н.Д. Археологические разведки по северному побережью Миуского лимана // НА ИА РАН. 1960/310.
54. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) / МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 168. – 135 с.
55. Гречкин П.В. К вопросу об истории археологического изучения Неклиновского района Ростовской области в советский период // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. Серия: История и археология. – Таганрог: Изд-во Таганрогского педагогического государственного института им. А.П. Чехова, 2016. № 1. – С. 273-280.
56. Плетнёва С.А. Номадски поселения през VII – IX вв. в Приазовието и бассейна на река Дон // Археология. Кн. 4. София: Археологически институт и музей при Българската академия на науките, 1964. Год. VI. – С. 1 – 8.
57. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / МИА. – М.: Изд-во «Наука», 1967. № 142. – 197 с.
58. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 т. М.: Изд-во «Наука», 1981. Т. 1. – С. 62-75.
59. Флеров В.С. Памятники неолита и средневековья в Приазовье // АО 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 102.
60. Дудченко Г.В., Тартанова С.П., Флеров В.С. Раннесредневековые памятники Северо-Восточного Приазовья // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 125-126.
61. Качевский П.С. Археологические исследования на территории Неклиновского района Ростовской области в конце XX – начале XXI вв.: достижения, проблемы, перспективы // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. Серия: История и археология. Таганрог: Издательство Таганрогского педагогического государственного института им. А.П. Чехова, 2016. № 2. – С. 183-188.
62. Ларенок П.А., Ларенко О.С., Лушин В.Г. Охранные раскопки на городище Самбек // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 126.
63. Ларенок П.А. Хронология средневекового слоя городища Самбек // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983. С. 124-129.
64. Рязанов С.В. Работы Таганрогского музея-заповедника // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 141.
65. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Охранные раскопки поселения Ломакин-IV // ИАИАНД в 1998 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. Вып. 16. – С. 118 – 121.
66. Ларенок П.А. Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995-1997 гг. // ИАИАНД в 1995-1997 гг. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – С. 113-118.
67. Прокофьев Р.В. Памятник «кочевого земледелия» VIII – X вв. на Нижнем Дону // северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения

- по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов конференции (12-15 апреля 2011 г.). – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2001. – С. 110-113.
68. Трубников В.В. Раскопки кочевья «Манучкино-II» в Неклиновском районе Ростовской области // ИАИАИАНД в 2002 году. – Азов: Азовский краеведческий музей, 2004. Вып. 19. – С. 72-75.
69. Зоров Ю.Н., Кузьмин В.Н. Многослойное поселение «Любовка-III» // ИАИАИАНД в 2012 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2014. Вып. 28. – С. 21-35.
70. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Раскопки поселения Левинсадовка в Неклиновском районе Ростовской области в 2009 году // ИАИАИАНД в 2009 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. Вып. 25. – С. 78 – 96.
71. Жирун М.Ю. Итоги раскопок поселения «Три кольца» в Родионово-Несветайском районе Ростовской области // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – С. 128 – 131.
72. Захариков А.П., Нечипорук А.А., Посегун А.А. Работы в Матвеево-Курганском районе // ИАИАИАНД в 2009 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. Вып. 25. – С. 21-27.
73. Нидзельницкая Л.Ю. Новые данные к датировке поселения Мартыново-I // ИАИАИАНД в 2003 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. 2004. Вып. 20. – С. 466 – 476.
74. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. – Москва-Иерусалим: «Гешарим», 2007. Вып. II. – С. 7 – 49.
75. Нидзельницкая Л.Ю., Кулаков А.А. Раннесредневековое поселение Мартыново-I на Нижнем Дону // Хазарские древности: сб. научных статей. Аксай. 2013. – С. 7 – 49.
76. Подорожный А.А. Археологические разведки 2015 – 2016 гг. // ИАИАИАНД в 2015 – 2016 гг. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2018. – С. 109 – 114.
77. Михлин Б.Ю. Отчет о работах Азовской археологической экспедиции Донецкого областного общества охраны памятников истории и культуры и Ждановского краеведческого музея в 1971 г. // Научный архив Мариупольского краеведческого музея. 1972.
78. Михлин Б.Ю. Раскопки на юге Донецкой области // АО 1971 года. – М.: Наука, 1972. – С. 321.
79. Кириенко О.Я. Первая находка пифоса на юге Донецкой области // АО 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 273-274.
80. Кротова А.А. Отчет о разведке на территории Володарского района Донецкой области в 1972 г. // НА ИА НАН Украины. 1972/96.

81. Гриб В.К. О населении Северо-Восточного Приазовья в VIII-IX вв. (к постановке вопроса) // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе», Донецк, 23-24 апреля 1987 г. – Донецк: ДонГУ, 1987. – С. 92-93.
82. Швецов М.Л. Отчет об археологических разведках и спасательных раскопках памятников в Новоазовском районе Донецкой области // НА ИА НАН Украины. 1987/95.
83. Колесник А.В., Горбов В.Н., Усачук А.Н., Подобед В.А. Отчет о работах экспедиции Донецкого областного краеведческого музея и областной организации общества охраны памятников в 1991 г. // НА ИА НАН Украины. 1991/165.
84. Посредников В.А. К археологической карте Донецкой области // Донецкий археологический сборник. – Донецк: Аверс КО ЛТД, 1993. Вып. 3. – С. 125-140.
85. Кучугура Л.И. Отчет о разведочных работах в Северном Приазовье в 2001 г. // НА МКМ. Мариуполь. 2002.
86. Колесник О.В., Кравченко Е.С., Підобід В.А., Полідович Ю.Б., Усачук А.М., Циміданов В.В. Звіт про проведення археологічних робіт (розвідок) на території Донецької області у 2007 р. // НА ИА НАН Украины. 2007/110.
87. Кузін В.І., Коваль Ю.Г. Науковий звіт про проведення археологічної розвідки по районам та містам у 2008 році // НА ИА НАН Украины. 2008/221.
88. Забавін В.О., Небрат С.Г. Розвідки в Новоазовському районі Донецької області // Археологічні дослідження в Україні 2012 р. – Київ-Луцьк. 2013. С. 149.
89. Тарасенко Е.Н., Тарасенко М.Е. Случайные находки салтово-маяцкой культуры из окрестностей заповедника «Каменные могилы» // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 71-86.
90. Гриб В.К. Экофильность народов Хазарии: на примере памятников Северо-Восточного Приазовья // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2016. С. 196 – 202.
91. Ларенок П.А. Хазария и Нижний Дон // Swiatowit. Muzeum historii Polski. 2 (43). S. 81-92.
92. Горбов В.Н., Усачук А.Н. Отчет о работе Новоазовской экспедиции в 1986 г. // НА ИА НАН Украины. 1986/46.
93. Горбов В.Н., Усачук А.Н., Гриб В.К. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1988 г. // НА ИА НАН Украины. 1988/201.
94. Горбов В.Н., Усачук А.Н., Гриб В.К. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1989 г. // НА ИА НАН Украины. 1989/75.
95. Горбов В.Н., Усачук А.Н., Гриб В.К. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1990 г. // НА ИА НАН Украины. 1990/218.

96. Горбов В.Н., Усачук А.Н., Клименко В.Ф., Гриб В.К. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1991 г. // НА ИА НАН Украины. 1991/41.
97. Гриб В.К., Швецов М.Л. Жилые и хозяйственные постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья // Археологические записки. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2017. Вып. 9. – С. 292-313.
98. Гриб В.К., Швецов М.Л. Итоги работ раннесредневековой Донецкой экспедиции // Организация археологических экспедиций с участием школьников. Тезисы докладов. Донецк. 1988. – С. 10-12.
99. Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Кузин В.И. Отчет об археологических разведках новостроечной экспедиции ООПА ДОКМ в 1992 г. // НА ИА НАН Украины. 1992/84.
100. Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е. Раскопки поселения у г. Мариуполь // Археологічні дослідження на Україні 1992 р. – Київ: ІА НАН України, 1993. –С. 140-141.
101. Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2003. Т. 3. – С. 345-362.
102. Привалов А.И., Привалова О.Я., Косиков В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения Староласпинское и Халаджи Бахчи в бассейне р. Кальмиус в 2001 г. // НА ИА НАН Украины. 2001/73.
103. Привалов А.И., Привалова О.Я., Косиков В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения эпохи поздней бронзы Халаджи Бахчи в бассейне р. Кальмиус // НА ДОКМ. 2002.
104. Полидович Ю.Б. Отчет о работах новостроечной археологической экспедиции отдела охраны памятников археологии при ДОКМ в Донецкой области в 1990 г. // НА ИА НАН Украины. 1990/239.
105. Горбов В.Н., Божко Р.П., Кушнир В.В. Археологические комплексы на территории крепости Кальмиус и ее окрестностей // Донецький археологічний збірник. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2013. № 17. С. 132-149.
106. Кравченко Э.Е. Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе // Археология евразийских степей. – Казань: АН Республики Татарстан, 2018. № 4. – С. 88-92.
107. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) / МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 98. – 135 с.
108. Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса (1957-1960 гг.) // Античные древности Подонья-Приазовья / МИА. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1969. № 154. – С. 6-97.
109. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 152 с.
110. Ларенок П.А. Средневековые погребения западного участка грунтового некрополя Танаиса / Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. – М. Палеограф, 2001. – С. 73 – 76.

111. Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе // ИАИАИАНД в 1994 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. Вып. 14. – С. 33-36.
112. Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе в 1995 г. // ИАИАИАНД в 1998 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. – С. 153-156.
113. Гриб В.К., Швецов М.Л. Грунтовой могильник Ждановский – памятник раннесредневекового времени в Северном Приазовье // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти С.А. Плетневой. – М.: Изд-во «Авторская книга», 2016. – С. 150 – 170.
114. Качевский П.С. Историко-археологические исследования курганного могильника «Западный-II» в Таганроге: научно-методологические аспекты // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. Серия: История и археология. – Таганрог: Издательство Таганрогского педагогического государственного института им. А.П. Чехова, 2018. № 2. – С. 183-188.
115. Качевский П.С. Новое салтовское погребение на территории города Таганрога // Археологические записки. – Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. Вып. 4. – С. 96-98.
116. Ромащенко Н.И. Исследования поселения «Лакедомоновка I», поселения «Развильное I» и кочевья «Развильное II» // ИАИАИАНД в 2002 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. Вып. 19. – С. 126.
117. Миллер М.А. Новые данные по археологии Таганрогского округа // Бюллетень Северо-Кавказского Бюро Краеведения. – Ростов-на-Дону. 1926. № 5-7. Июль-Сентябрь. – С. 40 – 41.
118. Ларенок П.А. Курганные могильники «Федоровка I-II» // Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Каталог. – Ростов-на-Дону. 1998. Вып.3. –С. 17 – 41.
119. Привалов А.И. Средневековое погребение из могильника «Баба» в Донбассе // Археологический альманах. – Донецк. 2001. № 10. – С. 249-254.
120. Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П. Курган эпохи бронзы у села Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах. Курганы Донбасса. Сборник статей. Донецк: ООО «Лебедь», 2004. № 14. – С. 203 –232.
121. Небрат С.Г. Археологічна експедиція МДУ: історія і сучасність // Вісник МДУ. Серія: Історія. Політологія. Маріуполь: Видавничий відділ МДУ. Вип. 4-5. – С. 102-108.
122. Ларенок П.А. Северо-Восточное Приазовье и дельта р. Дон в VIII-X вв. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции, 22-26 ноября 1998 г., Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону: Изд-во «Открытое общество», 1998. – С. 130.
123. Кучугура Л.И. Население степей Северного Приазовья в средневековье // История греков Приазовья. Материалы научно-практической конференции к

- 220-летию переселения греков из Крыма в Приазовье. Старобешеве. 1999. – С. 3 - 5.
124. Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья-Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 13-16 ноября 2006 года. – Липецк. 2006. – С. 275-278.
125. Ларенок П.А. Некоторые итоги археологических разведок экспедиции Таганрогского музея-заповедника в Северо-Восточном Приазовье // ИАИАНД в 1989 г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. Вып. 9. – С. 93-94.
126. Тортика А.А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. – Харків-Софія: Академічне видавництво ім. проф. Марина Дринова, 2012. Т. V. – С. 23-31.
127. Гриб В.К. Экологический аспект в культуре народов Хазарии (на примере памятников Северо-Восточного Приазовья) // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы. Палеоэкология. Палеоэкономика». – Пущино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – С. 44 – 48.
128. Гриб В.К., Швецов М.Л. О некоторых «степных привычках» жителей раннесредневекового поселения «Бердянское-2» (Северо-Восточное Приазовье) // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2016. – С. 203–204.
129. Гриб В.К. О раннесредневековом юртообразном жилище на поселении Безыменное-І в Северном Приазовье // Проблемы археологии и музееведения: Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955 – 2017). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 217–221.
130. Гриб В.К. О находке глиняных фигурок на раннесредневековом поселении в Северо-Восточном Приазовье // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. Вып. 14. – С. 160–169.
131. Гриб В.К., Колесник А.В. Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем средневековье // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, 2020. № 1. – С. 5 – 14.
132. Гриб В.К., Тишин В.В., Усачук А.Н. Находка костяного изделия с руноподобными знаками в верховьях реки Ольховая (Донецкий кряж) // Археологическое наследие. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. № 1 (4). – С. 375–385.

133. Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А. Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в Средние века. Ч. I. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4, № 2. – С. 132–140.

Сокращения

АО – Археологические открытия. М.

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ВУАК – Всеукраїнська археологічна комісія. К.

ДонГУ – Донецкий государственный университет

ДонНУ – Донецкий национальный университет

ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины. К.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.

ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.

МАИАСК – Материалы по истории и археологии средневекового Крыма. Нижневартовск.

МДУ – Маріупольський державний університет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

НА ДОКМ – Научный архив Донецкого областного краеведческого музея

НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. К.

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук. М.

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический институт

ООПА ДОКМ – Отдел охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея

РГУ – Ростовский государственный университет

УООП – Ураїнське об'єднання охорони пам'яток

УДК 93:001(355)"20 в"

В.В. Разумный

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

М.А. Майкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m-maykova@inbox.ru

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПЕРСИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация:

Данная статья посвящена анализу исторических трудов по истории Ирана в начале XX века. На основе сопоставленных позиций, оценок, мнений дан анализ наиболее известных и актуальных исследований по данной теме.

***Ключевые слова:** историографический обзор, Каджарская Персия, Иран, зарубежные и отечественные историки.*

Summary

This article is devoted to the analysis of historical works on the history of Iran at the beginning of the XX century. Based on the compared positions, assessments, opinions, an analysis of the most well-known and relevant studies on this topic is given.

***Keywords:** historiographical review, Qajar Persia, Iran, foreign and national historians.*

Начало XX века стало для Персии временем серьезных политических изменений, связанных с ослаблением шахской династии Каджаров и революционными потрясениями 1905 – 1911 годов. В стране усугубился кризис, который закрепил статус полуколонии, с населением около $\frac{1}{3}$ которого, состояло из кочевых и полукочевых племен, где господствовали феодальные отношения, засилье иностранного капитала, с активным вывозом финансов. Деятельность иностранных концессий привела лишь к ускоренному процессу закабаления Персии.

Следует отметить, что внутренний и внешний вектор развития политики Каджарской Персии зависел не от власти шаха или народа, а от соперничества двух главных держав в этом регионе – России и Великобритании, которое продолжалось и в начале XX века.

Мировые реалии начала XXI века, четко дают нам понять то, что Персия (современный Иран) всегда была важным игроком на международной арене как в прошлом, так в настоящем и в будущем. Этот факт подчеркивает актуальность нашей статьи.

Персия занимала и выполняет в мировой политике несколько ролей, а именно: 1) как геополитический актор с идеократической ролью государства; 2) как страна-коммуникатор, соединяя древние торговые пути. После открытия нефтяных и газовых месторождений, в начале XX века, Персия заняла почетное место источника добычи энергетических ресурсов.

В своей статье мы будем использовать термин «Персия», поскольку только лишь в 1935 году эта древняя, ближневосточная страна получила новое название – Иран. Это, с нашей точки зрения, будет вполне логично, потому что речь будет идти о событиях начала XX века.

Можно согласиться с мнением российского историка Н.А. Комлевой о том, что Персия не только хранитель значимой составной части евразийской религиозной и культурной традиции, но и один из хранителей единства евразийского пространства и общеевразийского социума [1].

Цель работы – проанализировать труды историков по истории Каджарской Персии начала XX века.

Данная цель подразумевает решение следующих задач:

- 1) изучить научную литературу по данной тематике;
- 2) выделить определенные принципы формирования историографии по данному вопросу;
- 3) поэтапно проанализировать труды зарубежных и отечественных авторов;
- 4) сделать общий вывод по данному вопросу.

Приступая к анализу историографии истории Каджарской Персии начала XX века, следует принять во внимание тот факт, что в своих исследованиях отечественные и зарубежные востоковеды изучали различные аспекты того, что влияло на формирование государственности Персии в начале XX века, и в последующие годы, когда глобальные исторические процессы, кардинально изменили настроения общества.

В начале XX века Каджарская Персия продолжал участвовать в «Большой игре», но не с позиции соперника странам, а в роли объекта их влияния, превратившись в полуколонию. Именно поэтому, значительное внимание уделяли вопросу внешней политики, а именно отношениям Ирана с Россией, Великобританией и Германией.

Особенно актуальными были и остаются вопросы развития экономики, а именно: воздействие концессий на экономическую сферу государства, договора, соглашения, работа банков, строительство коммуникаций и т.д.

Российский историк Р.И. Кантимирова в своей статье «Английские концессии в Иране в конце XIX – начале XX века» рассматривала процесс создания и деятельности британских концессий, а также результат их влияния в

экономической и политической жизни в южных и юго-восточных провинциях Каджарской Персии [2].

В своей другой статье «Русские концессии в Иране в конце XIX – начале XX вв.», Р.И. Кантимирова анализирует факты влияния Российской империи в Персии в начале XX века [3]. При изучении этих статей появляется возможность проанализировать и сравнить темпы внедрения концессий, как основного «экономического оружия» имперских держав, противостоявших друг другу в период «Большой игры».

В монографии Л.М. Кулагиной «Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX века» изучаются цели и задачи политики британских империалистов в Персии в конце XIX – начале XX в., а также социально-экономическое положение страны в этот период [4].

В работе историка Н.М. Мамедовой «Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии» была предпринята попытка проследить взаимосвязи Каджарской Персии государства и механизмов экономического развития, выстроить систему взаимоотношений государства и экономики в исторической перспективе [5].

Необходимо подчеркнуть тот факт, что в начале XX века Германия резко активизировала свою деятельность в Каджарской Персии. Однако, данная тема нашла недостаточное отражение в историографии. Значительную работу по изучению данной темы проделал советский историк-иранист С.Л. Агаев, написав монографию «Германский империализм в Иране», где он проанализировал всю пагубность последствий для независимых стран односторонней ориентации на империалистические державы, включив в монографию множество примеров такого «внедрения» в любую сферу жизни иранского общества [6].

Значительное внимание взаимоотношению Германии и Каджарской Персии в экономической и политической сфере посвятил историк М. Сенджаби в своей работе «Германия и Персия» [7].

Британский историк С. Ллойд в своей книге «Реки – близнецы» повествует историю Персии с древних времен, где значительное внимание было уделено вопросу развития внутренней и внешней политики, особенно, в начале XX века [8].

Статья российского историка В.А. Никитюка посвящена особенностям социально-экономического и политического развития Ирана в первой половине XX века. В статье освещается тема антиимпериалистических и антимоноархических движений в Каджарской Персии, которые усугубили политический кризис, а в последствии вызвали революцию 1905 – 1911 годов [9].

Советский историк З.З. Абдуллаев раскрыл в своей работе тему истории промышленности и зарождения рабочего класса Персии в конце XIX – начале XX веков [10]. Эта проблема также нашла свое отражение в монографии историка С.М. Алиева «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке» [11].

Среди зарубежных исследователей истории Каджарской Персии начала XX века, на наш взгляд, следует выделить работы Флура Виллема «Индустриализация в Иране. 1900 – 1914» [12], Кедди Р. Никки «Каджарский Иран и возвышение Реза-хана, 1796 – 1925.» [13], И.Босфорта и С. Хилленбранда «Каджарский Иран. Политические, социальные и культурные изменения. 1800 – 1925 годов» [14].

Вопросы истории Персидской революции 1905 – 1911 годов нашли свое отражение в трудах советских историков М.С. Иванова «Иранская революция 1905 – 1911 гг.» [15], С.М. Алиева «Революция 1905 – 1911 годов в современной иранской историографии» [16], Е.Н. Чапкевича «Большевистская печать как источник по истории иранской революции 1905 – 1911 годов» [17].

Советский историк Е.А. Дорошенко посвятила свой труд изучению политических взглядов известного общественного деятеля, персидского историка и филолога Аббаса Эгбала [18].

Революционные события в Персии изучала в своей работе «Некоторые аспекты политики Англии в Иране в 1905 – 1911 годах в освещении западной буржуазной историографии» советский историк И.Е. Федорова [19].

Среди зарубежных историков, посвятивших свои труды истории Персидской революции 1905 – 1911 годов следует назвать работу Афари Джанет «Конституционная революция в Иране 1906 – 1911: массовая демократия» [20].

Известный публицист, путешественник, политический деятель, английский лорд Джордж Керзон составил объемный труд «Персия и персидский вопрос», где он изучал причины кризиса Персии в конце XIX века [21].

Особое место в историографии Каджарской Персии начала XX века занимают работы М.С. Иванова [22], С.А.Агаева [23], С.М. Алиева [24], А.М. Васильева [25], А.М. Родригеса [26]. Эти труды являются фундаментальной основой для изучения истории Персии начала XX века.

Историк Дж.К. Хьюревиц в своей работе «Дипломатия на Ближнем и Среднем Востоке» составил документальный отчет по внешней политике Каджарской Персии в начале XX века [27]. Историк Реза Годс написал свой фундаментальный труд «Иран в XX веке», где основное внимание уделил политической истории этой ближневосточной страны [28].

Советский историк А. М. Матвеева была убеждена в том, что первая русская революция оказала огромное влияние на подъем революционного движения в странах Востока, в частности в Персии. Изучая истоки революционного мировоззрения в Каджарской Персии, она проливают свет на численность и структуру иранских отходников, на их революционную деятельность в годы Персидской революции 1905 – 1911 гг. [29].

Среди научных статей и монографий, посвященных изучению истории культуры Ирана начала XX века, следует выделить работы А.Т. Адамова «Персидские рукописи, живопись и рисунок XV – начала XX века» [30], Д. С. Комиссарова «История персидской литературы XIX – XX веков» [31], а также

Дж. Эйраджи «Взаимосвязь между архитектурой и искусством Каджаров и иранской культурой и влияние Запада и Востока» [32].

Советский историк Е.А. Дорошенко посвятила свой труд изучению религиозных факторов в двух персидских революциях XX века. Ее работа носила название «Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978 – 1979 гг.». [33]

Историки Ю. А. Петросян, З. И. Левин, Н. К. Белова включили в сфере своих интересов вопросы зарождение в Иране идеологии национально-освободительного движения в период XIX – начало XX веков [34].

Следует подчеркнуть тот факт, что исследования российских иранистов конца XX – начала XXI вв., отличающиеся разнообразием методологического инструментария, сохраняют информационную насыщенность, внимание к специфике изучаемых явлений и к их историческому контексту.

Многие современные работы посвящены темам миграции населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков. Среди них следует выделить труд историка Керима Шукюрова [35]. Профессионально-образовательные контакты Ирана с Россией в контексте анализа формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX – начало XX века) затронули в своей работе И.Д. Борисова и О.А. Никонов [36].

Российский историк Е.В.Лаптева в своей статье «Восточная модернизация и Россия: общие и особенные черты XIX – начало XX веков», раскрыла многие особенности этого сложного комплексного процесса [37].

Историк Р.М Хамзин исследовал малоизученную тему становления взаимодействий в политической и экономической сфере Каджарской Персии и США. Его труд называется «Особенности развития ирано-американских отношений с момента их зарождения до середины XX века» [38].

Эти и другие исследования стали основополагающей базой для изучения истории Каджарской Персии начала XX века, поскольку они содержат в себе наиболее полные сведения, позволяющие проанализировать сущность процессов, происходящих на территории этой ближневосточной страны. Изучить их подходы к тем основополагающим проблемам, которые имеют непосредственное отношение к настоящему и будущему Ирана, его общественной и государственной жизни.

Таким образом, в результате исследования можно сформулировать следующий вывод о том, что историография рассматриваемой темы формировалась на протяжении долгого времени, которое имело свои особенности. XX – XXI века – рубеж нового этапа в изучении источников, научных трудов и появлением новых тем.

Следует отметить, что на протяжении всех этапов актуально была тема взаимоотношений Ирана с Россией, Великобританией, Германией, США. Также большое внимание историки уделяли вопросу причин и последствий Персидской революции 1905 – 1911 годов.

Если в XX веках в своих исследованиях историки делали упор на анализ экономических, политических процессов, то в XXI веке стали преобладать труды по культуре, исследованию языка, а также геополитических аспектов.

Ссылки и примечания:

1. Комлева Н.А. Иран: геополитический портрет / Н.А. Комлева // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». – 2016. – Т.13. Вып. 1.
2. Кантимирова Р.И. Английские концессии в Иране в конце XIX – начале XX века. // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – №11. – С .31 – 36.
3. Кантимирова Р.И. Русские концессии в Иране в конце XIX – начале XX вв. // Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация: Материалы межвузовского научного семинара. – Уфа: Гилем, 2005.
4. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1981. – 192 с.
5. Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии / Н. М. Мамедова; Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – 144 с.
6. Агаев С.Л. Германский империализм в Иране: (Веймарская республика, Третий рейх) / АН АзССР. Институт народов Ближнего и Среднего. Востока. – М.: Наука, 1969. – 157 с.
7. Сенджаби М. Германия и Персия // «Новый Восток», 1929, № 26 –27.
8. Ллойд Сетон. Реки-близнецы / [Перевод с англ. Е. Г. Чувикова] ; [Послесл. М. А. Дандамаева]; АН СССР. Институт востоковедения. – М.: Наука, 1972. – 239 с.
9. Никитюк В.А. Особенности исторического развития Ирана / В.А. Никитюк // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2011. – Вып. 4 (33). – С. 56 – 64.
10. Абдуллаев З.З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. / Акад. наук АзССР. Ин-т востоковедения. – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1963. – 266 с.
11. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в. XX веке. – М.: Наука, 1985. – 60 с.
12. Floor Willem. Industrialization in Iran. 1900 – 1914. – Durham, 1984.
13. Keddie R. Nikki. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan. 1796 - 1925. Mazda, Costa Mesa, CA, 1999.
14. Qajar Iran. Political, social and cultural change. 1800 – 1925. Edited by E.Bosworth and C. Hillenbrand. – Edinburgh. Univ. Press, 1983, – 414 p.
15. Иванов М. С. Иранская революция 1905 – 1911 гг. // Историография стран Востока (проблемы Нового времени). – М., 1978. – С. 213 –233.

16. Алиев С.М. Революция 1905 – 1911 гг. в современной иранской историографии // Краткие сообщения Института народов Азии. – М., 1963. №73. – С.206 – 212.
17. Чапкевич Е.Н. Большеви́стская печать как источник по истории иранской революции 1905 – 1911 гг.// Историография Ирана Нового и Новейшего времени. Сб. ст. – М., 1989. – С. 199 – 207.
18. Дорошенко Е.А. Об исторических взглядах Аббаса Эгбала // Иран (Сборник статей). – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – С.229 – 267.
19. Федорова И.Е. Некоторые аспекты политики Англии в Иране в 1905 – 1911 гг. в освещении западной буржуазной историографии // Иран: история и современность.– М.: Наука, 1983.
20. Afari Janet. The Constitutional Revolution in Iran 1906-1911: Mass Democracy, Social Democracy and the Origins of Feminism. – New York: Columbia University Press, 1996. – 152 p.
21. Керзон Дж. Персия и персидский вопрос // Сборник географических и статистических материалов по Азии. Вып. 52. – СПб. 1893.
22. Иванов М.С. История Ирана / отв. ред. М. С. Иванов. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 488 с.
23. Агаев С. Л. Иран в прошлом и настоящем : (Пути и формы революционного процесса) / С. Л. Агаев. – М. : Наука, 1981. - 271 с.
24. Алиев С.М. История Ирана. XX век / Алиев Салех Магомедоглы. – М. : Институт востоковедения : Крафт+, 2004. – 644 с.
25. История Востока: учебник для магистров: в 2 т. Т. I / Л. С. Васильев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2013. – 722 с.
26. Родригес А.М. История стран Азии и Африки в Новейшее время: учебник / А. М. Родригес. – М.: Проспект, 2008. – 496 с.
27. Hurewitz, Jacob Coleman. Middle East politics: The milit. dimension / J.C. Hurewitz. – New York etc., Praeger for the Council of foreign relations, 1969. – 553 с.
28. Годс Махмуд Реза. Иран в XX веке. Политическая история: пер. с англ. – М.: Восточная литература, 1994. – 353 с.
29. Матвеев А.М. Из истории иранских революционных организаций в Средней Азии в начале XX в.// Краткие сообщения Института Народов Азии. Вып. 73, 1963. – С. 131-154;
30. Адамова А.Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV-начала XX века/ Persian manuscripts, paintings and drawings of the XV-th-early XX-th centuries : каталог коллекции / А. Т. Адамова ; Гос. Эрмитаж. – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – 509 с.
31. Комиссаров Д. С. История персидской литературы XIX-XX веков / [Отв. ред. Н. И. Пригарина]. – М.: Восточная литература, 1999. – 534 с.
32. Javad Eiraji. The Relationship between Qajar Architecture and Art and Iranian Culture and the Effects of West and East on them. – International Conference on Humanities, Society and Culture. – IPEDR Vol.20. – 2011.

33. Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905 – 1911 и 1978 – 1979 гг.: посвящен памяти Е. А. Дорошенко / Е. А. Дорошенко; предисл. Л. М. Кулагиной, Н. М. Мамедовой; РАН. Ин-т востоковедения. – М.: ИВ РАН, 1998. – 237 с.
34. Петросян Ю. А., Левин З.И., Белова Н. К. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.): Очерки по истории общественной мысли народов Востока / Академия наук СССР, Институт востоковедения; [Ред. коллегия: Л. Р. Полонская (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1973. – 488 с.
35. Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Керим Шукюров. – Кавказ и глобализация. – Т.2. Вып. 2-3.– 2009.
36. Борисова И.Д., Никонов О.А. Профессионально-образовательные контакты Ирана с Россией в контексте анализа формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX – начало XX века)/ И.Д.Борисова, О.А.Никонов // Интеллигенция и мир.– 2013. – № 3. – С. 69 – 80.
37. Лаптева Е.В. Восточная модернизация и Россия: общие и особенные черты XIX – начало XX веков / Лаптева Е.В. // Вестник финансового университета. – №2. – 2011. – С. 62 – 71
38. Хамзин Р.М. Особенности развития ирано-американских отношений с момента их зарождения до середины XX века / Р.М. Хамзин // Science Time. – 2018.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:336.2 (477.6) "18" (043)

А.С. Скоков

кандидат исторических наук,

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля»

e-mail: sckockov.anton@yandex.ru

ПРОЕКТЫ НАДЕЛЕНИЯ ЗЕМЛЕЙ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НАЛОГОВ И ПОВИННОСТЕЙ КРЕПОСТНЫХ РАБОЧИХ ЮЖНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Аннотация

В статье на основании исследования архивных документов и опубликованных источников изучается процесс социально-экономических преобразований на территории Южного промышленного региона в эпоху отмены крепостного права. Исследованы проекты по преобразованию налогов и повинностей населения, а также отдельные предложения по наделению рабочих-мастеровых достаточным количеством земли.

***Ключевые слова.** Десятина, казенный завод, крепостное право, налоги, повинности, Южный промышленный регион.*

Summary

Based on the study of archival documents and published sources, the article examines the process of socio-economic transformations on the territory of the Southern Industrial Region in the era of the abolition of serfdom. The projects on the transformation of taxes and duties of the population, as well as individual proposals for the endowment of artisan workers with a sufficient amount of land are studied.

***Keywords.** Tithing, state-owned factory, serfdom, taxes, duties, Southern industrial region.*

На современном этапе развития государства и общества особую актуальность приобретает развитие сельского хозяйства в целом и обеспечение продовольственной безопасности в частности. Несмотря на большие успехи в повышении урожайности (т.н. «зеленая революция»), угроза нехватки продовольствия становится все более актуальной, в некоторых государствах (примером является Йемен) нехватка продовольствия переросла в голод. Необходимо отметить, что зачастую данные катаклизмы носят не природный (засухи, град и т.д.), а социально-политический характер (блокады, санкции,

наличие коррумпированных марионеточных режимов). В связи с данными факторами одной из важных задач исторической науки является изучение опыта политико-экономических и социальных преобразований, которые были направлены на увеличение темпов роста производительной сферы экономики, в частности опыта социально-экономических преобразований второй половины XIX в.

Целью статьи является изучение процесса преобразования системы налогов и повинностей рабочих-мастеровых Южного промышленного региона, а также исследование проектов наделения достаточным количеством земли данной категории населения во время социально-экономических преобразований второй половины XIX в.

Изучение социально-экономических преобразований на территории Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. привлекало внимание как советских [1], так и ряда современных исследователей [2], [3], [4], [5], [6], однако недостаточно исследованным остается вопрос преобразования налогов и повинностей бывших крепостных рабочих региона, а также процесса наделения их землей.

К 1861 г. Российская империя оставалась аграрной страной (впрочем, как и подавляющее большинство других государств, в т.ч. и европейских), однако текущая социально-экономическая ситуация требовала коренного реформирования, прежде всего системы принудительного труда в аграрной и промышленной отраслях (которые, однако, зачастую переходили одна в другую, примером чего является наличие значительного количества обрабатываемой ими земли у рабочих-мастеровых). В результате важнейшим событием истории России второй половины XIX в. стала отмена крепостного права. Падение крепостничества затронуло не только сельское население, составлявшее большинство населения Империи, но и все другие сословия – дворян, духовенство, мастеровых. В целом реформа носила относительно компромиссный характер с большими уступками дворянству. Сохранение повинностей, введение выкупных платежей надолго ограничило не только рост уровня жизни крестьян – крупнейшего податного сословия Российской империи, но и существенно затормозило развитие ключевого сектора экономики страны – сельского хозяйства (а компромиссный характер носил фактически только отказ Александра II от уступок крайним крепостникам, предлагавшим освобождение крестьян либо без земли, либо с минимальными наделами). Незавершенный характер социально-экономических преобразований второй половины XIX в. сыграл значительную роль в крушении Российской империи.

После Крымской войны 1853 – 1856 гг. явственно проявилось отставание России от ведущих западных стран, назрела необходимость капиталистической модернизации. Однако начавшиеся преобразования социально-экономической сферы противоречили существовавшему в стране политическому строю. Советский историк П.И. Лященко отмечал, что «вся народнохозяйственная, податная, бюджетная, финансовая, кредитная политика государства,

покровительствующая развитию капиталистической промышленности, вся внешнеторговая таможенная политика, железнодорожная тарифная политика, вся международная внешняя политика, все отношения с международным капиталом были направлены на цели защиты интересов буржуазии и развития капиталистической промышленности в стране. Но часто эти цели вступали в конфликт с политикой самодержавия – с покровительством земледельческому дворянству» [7, с. 175 – 176]. На протяжении второй половины XIX в. данное противоречие определяло весь ход процесса модернизации в Российской империи.

В 1859 г. при Министерстве финансов была образована Комиссия по пересмотру податей и сборов. Ее задачей ставилось «...уничтожение податной сословности и отмена подушной подати с понижением всякого рода сборов и повинностей, лежащих на крестьянах, до размера, соответствующего их платежным силам» [8, с. 175]. Поскольку радикальные преобразования налоговой системы могли привести к снижению государственных доходов, реорганизация прямого налогообложения, в частности отмена подушной подати, растянулась более чем на два десятилетия. Новый министр финансов М.Х. Рейтерн отличался либеральными воззрениями и предполагал преобразование податной системы на основе принципа подоходности, чего, однако, в период его пребывания на посту министра финансов не произошло.

Освобождение крепостных рабочих горных заводов регулировалось «Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов», которое было утверждено Александром I 8 марта 1861 г. Согласно данному «Положению...», урядники, мастеровые, урочные рабочие, подмастерья, писцы и цеховые ученики в течение двух лет освобождались от службы обязательной на заводах, а всем увольняемым предоставлялись права и присваивались обязанности свободных сельских обывателей [9, с. 439], наравне с сельскими обывателями они облагались податями и повинностями, за исключением нижних чинов, прослуживших 15 лет, и рабочих, отработавших 20 лет, которые освобождались от казенных и земских податей и повинностей [9, с. 444].

Одной из главных задач реформы 1861 г. было предоставление бывшим крепостным основного средства производства в доиндустриальную эпоху – земли. Наделение крепостных рабочих казенных заводов достаточными земельными участками имело очень важное значение, поскольку позволило бы ускорить процесс колонизации неосвоенных земель, повысить количество производимой в Империи продукции сельского хозяйства, а также снизить уровень социальной напряженности в обществе и поднять уровень жизни достаточно большого числа людей (в 1860 г. в Луганском горном округе числилось 5 215 мастеровых, не считая членов семей) [10, лл. 281 – 282].

Луганский завод являлся крупной казенной мануфактурой, основанной на труде крепостных работников-мастеровых, производство в котором было приспособлено в основном к выполнению казенных заказов и было достаточно слабо связано с внутренним, не говоря уже о внешнем, рынком [1, с. 14]. Еще в

1847 г. начальник завода В.А. Бекман писал начальнику Главного статистического комитета Новороссийского края А.А. Скальковскому «Несчастный этот завод много терпит и даже может погибнуть не от недостатка, а от излишества своих средств и недостатка работ. Произведения его дороги – так отзываются все; но это происходит от причин, от нас не зависящих. Содержание довольно сложного управления и множества разных заведений – весьма полезных, только собственно заводу никакой пользы не приносящих, – требует значительных расходов, которые все падают в цену заводских изделий. Таких расходов в год до 43 тыс. руб. сер. – они ж до чрезвычайности возвышают ценность изделий и отталкивают от завода покупателей. Вот бедствие, едва ли исправимое» [11, л. 3]. Тем не менее, Луганский литейный завод сыграл важнейшую роль в открытии и разработке месторождений полезных ископаемых на территории Донецкого бассейна, а эксперименты по выплавке чугуна на местном сырье, несмотря на их неудачу, предоставляли весьма ценный опыт для построенных в начале 1870-х годов Юзовского и Сулинского металлургических заводов [1, с. 14].

Помимо казенных рабочих-мастеровых на территории Юга России были крепостные рабочие, отбывавшие барщинные повинности в помещичьих предприятиях, в частности работники вотчинных винокурен и пивоваренных заводов. По словам составителя статистико-экономического описания Екатеринославской губернии Владислава Венедиктовича Павловича, после отмены крепостного права «Рабочие на винокурнях состояли исключительно из бывших крепостных помещичьих крестьян. Из них небольшая часть находилась на заводах постоянно и причислялась к дворовым людям; остальные наряжались по дням, за барщину» [12, с. 191]. Также труд крепостных рабочих был задействован на суконной и кашемировой мануфактурах помещика П.А. Папкова. До отмены крепостного права на принадлежавших ему предприятиях было задействовано около 350 рабочих. Тем не менее, вотчинная промышленность Южного промышленного региона накануне отмены крепостного права переживала кризис. Сокращалось как общее число помещичьих предприятий, так и количество занятых в них работников. По подсчетам советского историка С.И. Потолова, количество крепостных рабочих вотчинной промышленности на территории Донецкого бассейна не превышало 500 – 700 человек [1, с. 39]. В формирующейся угледобывающей промышленности региона предпочтение сразу стало отдаваться вольнонаемным рабочим; так, труд лисичанских мастеровых применялся на шахте помещика Терентьева и Грушевских угольных разработках в земле Войска Донского [1, с. 41]. Таким образом, на территории Донбасса в зарождавшейся промышленности вольнонаемный труд еще в дореформенный период постепенно вытеснял принудительный крепостной.

Крепостной труд не обеспечивал работников необходимыми средствами для жизни. По словам начальника Луганского завода А.Ф. Мевиуса, «до увольнения рабочих от обязательного труда, они, а равно и нижние чины,

служащие при заводах и конторах, получали содержание, столь ограниченное, что при всей расчетливости и бережливости этих людей им не представлялось никакой возможности содержать себя и свои семейства, не прибегая или к частной и общественной благотворительности, или к выходу по билетам на свое пропитание для приискания работ по вольному найму в посторонних заведениях у частных лиц в Ростове, Одессе и других местах, где плата значительно выше получаемого ими в Луганском заводе содержания при обязательном труде. Только силою и принуждением можно было этих людей заставить работать» [1, с. 55 – 56].

В соответствии с «Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов», все лисичанские и луганские рабочие в первое время после реформы были наделены небольшими участками приусадебной и покосной земли [13, лл. 24 – 25]. По мнению А.Ф. Мевуиса, «цель правительства, определившего дать им по одной лишь десятине на душу, заключалась в том, чтобы таким ограниченным наделом удержать их при том роде промышленности, каким они занимались до сего времени, и не подать им повода к переходу в сельское сословие» [14, л. 23]. Кризис казенной промышленности на территории Донбасса в первые пореформенные десятилетия препятствовал сохранению пережитков крепостного права, что позволило формируемому новому Южному промышленному региону в последней четверти XIX в. по темпам роста металлургической промышленности опередить старый – Уральский, в котором пережитки крепостной эпохи сохранялись вплоть до конца XIX в.

С целью развития горнозаводской промышленности на территории Юга России власти предлагали привлекать рабочую силу с помощью системы льгот и поощрений. Так, в 1863 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу предлагал предоставить рабочим «освобождение от рекрутства, податей и воинского постоя» [1, с. 100]. Для рассмотрения внесенного Коцебу проекта при Министерстве финансов был учрежден особый комитет в составе горных инженеров А.А. Иосса, Г.П. Гельмерсена, В.К. Рашета и А.И. Антипова, который также высказался за создание особо благоприятных условий для горнорабочих на Юге, оговорив только временность этой меры (указанные льготы предлагалось установить на срок не более 20 лет). Однако действовавшая в те годы комиссия по пересмотру горного устава отказалась в феврале 1864 г. поддержать проект Коцебу, и в конечном итоге он так и не был проведен в жизнь [15, с. 45 – 55]. Причиной этого стал тот факт, что старые дореформенные методы формирования рабочих кадров в новых условиях уже не могли быть эффективными, будущее было за свободным рынком рабочей силы.

К сожалению, имевшие место мнения о необходимости более полного наделения земель крестьян и прочих зависимых категорий населения, а также их частичного освобождения от обременительных повинностей зачастую не поддерживались властями, что подтверждается данными архивных документов, в частности рапортом начальника Луганского завода Аполлона Федоровича

Мевиуса начальнику штаба корпуса горных инженеров Василию Евграфовичу Самарскому-Быховцу. Данный документ является достаточно красноречивым свидетельством правительственного подхода к обустройству жизни бывших крепостных рабочих.

А.Ф. Мевиус в своем докладе отмечал, что «Вступив в управление Луганским горным округом, я прежде всего обратил свое внимание на настоящее положение и быт мастеровых, частью освобожденных, частью имеющих вскоре освободиться от обязательной работы. Безотлагательно рассмотрев отношение этих людей к заводу и ко вновь изданному 8 марта 1861 г. высочайше утвержденному положению, нахожу, что сие последнее в приложении к Луганскому заводу необходимо требует некоторых дополнений, без которых оно трудно и может навлечь значительные затруднения. По сему, я осмеливаюсь представить Вашему превосходительству мои заключения по сему предмету и почтительнейше просить об исходатайствовании Луганскому округу некоторых дополнений к положению 8 марта» [16, л. 1].

Начальник Луганского завода предлагал следующие меры:

«1. Наделение освобожденных рабочих людей одною десятиною земли на душу оказывается здесь крайне недостаточным по той причине, что земли около завода каменистые и малопроизводительны. Дать же мастеровым наделы, удаленные от завода, значит, вынудить их к долговременным от работы отсрочкам. Кроме того, так как завод Луганский постоянно определенных и гарантированных правительством работ не имеет, да и вообще число его мастеровых слишком велико противу действительной обыкновенной в них потребности, то все не занятые в заводе мастеровые, не получая оттуда никакой платы, должны будут вносить подати преимущественно от земледельческих произведений, которых с одной десятины они много не соберут, а заработки их как мастеровых на стороне здесь еще недостаточно выгодны. Словом сказать, последствием столь малого надела землею может быть чрезвычайное для этих людей затруднение во взносе податей. А так как завод Луганский имеет пахотных и покосных земель до 22 тыс. десятин, нижних же чинов, мастеровых и детей их считается 4 783 души мужского пола, то не благородно ли будет наделить их землею в количестве трех десятин на душу, с тем чтобы заводское начальство имело право для привлечения мастеровых в заводские работы отводить поступающим в оныя еще хотя бы до полутора десятин во временное пользование. Таковое распределение земель не только даст возможность [16, л. 3] всем мастеровым исправно вносить следующие с них подати и повинности, но в то же время, сделав их совершенно оседлыми – предохранит навсегда от развратной и буйной жизни, каковую ведут в промышленных губерниях большая часть фабричных. Что же касается самого Луганского округа, то и этим наделом он придержит в непосредственном своем распоряжении еще до 8 000 десятин пахотной и сенокосной земли, что и составляет несколько более 1/3 полного ее количества, как-то требуется параграфом 21 Высочайше утвержденного Положения о мастеровых.

2. По смыслу статей 1 (примеч. 2) и 6, урядники и нижние чины, будучи уволены от обязательной заводом службы и перейдя в податные сословия, подлежат наравне со всеми рекрутской повинности. Между тем они имеют теперь звание урядников, соответствующее чину унтер-офицеров, и поступая при наборе в рекруты должны сделаться рядовыми и, следовательно, будут, так сказать, разжалованы, хотя того, конечно, не заслужили. По сему не благородно ли было бы всех урядников, получивших эти звания до издания положения 8 марта, освободить навсегда лично от рекрутской повинности, число же их составляет всего мастеровых до 120 человек.

3. Положением о мастеровых Императорской Петергофской гранильной фабрики дарована им пунктом 2 льгота на 12 лет от казенных податей, от рекрутской и других личных и денежных повинностей; между тем как казенных горных заводов мастеровые обязаны нести все повинности немедленно по освобождении от обязательного труда, за исключением лишь тех, кои остаются при заводах в работе. По другим [16, л. 4] горным округам обстоятельство это не может быть немало отяготительным для рабочих потому что там они все, если только пожелают, могут найти занятие и работу при заводах, но в Луганском округе нет никакой возможности дать работу всему количеству мастеровых, почему очень многие из них при всем желании своем останутся без занятий и не воспользуются льготами, предоставленными параграфом 39. В следствие чего я осмеливаюсь ходатайствовать о даровании таковым мастеровым 10-летней льготы от рекрутской, государственной и земской повинностей. Если же рекрутскую повинность они должны отправить непременно, то не благородно ли будет исходатайствовать им то, чтобы при поступлении их в рекруты, считать им в службу время, проведенное в заводских работах, по той причине, что до сего времени мастеровые считались всегда на правах военнотружеников. Подполковник Мевуис. 11 июня 1861 г. [16, л. 5].

Ответ от Комиссии по пересмотру Горного устава был следующим:

1. Относительно первого вопроса по увеличению земельного на душу надела: статья 20 Положения 8 марта назначает обязательный для заводов надел освобожденным мастеровым покосною землею, определяя участки, которые они имеют право требовать от завода. За таковым наделом покосами всего горнозаводского населения, свободные заводские земли, не нужные заводу, могут быть предоставлены в пользу тех же мастеровых или посторонним за определенную Министерством Финансов установленную плату, с тем чтобы таковые свободные земли были предоставляемы преимущественно лицам, нанявшимся в заводские работы.

2. Относительно ходатайства Луганского горного начальника по второму и третьему вопросам, отказать, как противоречащим буквальному смыслу законов 8 марта [16, л. 10].

Подобный подход сохранялся и в дальнейшем. Как считал П.И. Ляшенко, «в интересах промышленной буржуазии было возможно более скорое и полное уничтожение всякого рода крепостнических пережитков, препятствующих

свободе капиталистического развития, уничтожение остатков полукрепостнических отношений в деревне, развитие товарности и увеличение емкости деревенского рынка. Интересы руководящей крепостнической части помещичьего класса шли по линии закрепления сословной изолированности крестьянства, сохранения его земельной тесноты и полукрепостнических способов эксплуатации» [7, с. 215]. Данное положение сохранялось до начала XX в., когда в ходе столыпинской аграрной реформы была предпринята очередная попытка решить крестьянский вопрос.

В 1867 г. были составлены новые грамоты, согласно которым бывшим каменобродцам и верхнесельцам было дополнительно прирезано в среднем 5 – 6 десятин земли на душу населения. Луганским, а также лисичанским мастеровым в дополнительном земельном наделе было отказано на том основании, что «они в прежнее время были мастеровыми, а не непременно работниками и землепашеством не занимались никогда» [1, с. 97]. Только в 1879 и 1882 гг. в связи с предполагавшимся закрытием Луганского завода мастеровые в две нарезки получили надел наравне с государственными крестьянами, однако наделение землей без хозяйственного инвентаря привело к сдаче полученной земли в аренду [17, с. 194].

Таким образом, отдельные руководители на местах сразу же после отмены крепостного права предлагали достаточно действенные варианты для решения основной проблемы пореформенного периода – недостаточного наделения землей отдельных категорий населений, в частности бывших крепостных рабочих-мастеровых, однако центральная власть, как правило, не вникавшая в специфику складывавшейся ситуации на местах, не оказывала поддержки этим инициативам, а запланированный реформаторами переход от подушной модели налогообложения к подоходной, который позволил бы облегчить налоговое бремя большей части населения Российской империи, во второй половине XIX в. реализован не был.

Ссылки и примечания:

1. Потолов С.И. Рабочие Донбасса в XIX веке. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. – 256 с.
2. Мошкин А., Белоноженко Е. Съезды горнопромышленников Юга России и торгово-промышленное налогообложение в пореформенной России в 80 – 90-е годы XIX в. / А. Мошкин, В. Белоноженко // Вестник ЧГУ. – Челябинск, 2009. – № 32 (170). – С. 55 – 58.
3. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание. – Донецк: «Донбасская Русь», 2015 г. – 402 с.
4. Бельдюгин В.А., Пробейголова С.В., Федоровский Ю.Р. История Отечества: курс лекций. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. – 288 с.

5. Скоков А.С. Налоги и повинности крестьян Донбасса в контексте социально-экономических преобразований второй половины XIX в. / А.С. Скоков // Вестник ЛНУ им. В. Даля. – № 6 – 7 (12 – 13). – Луганск, 2018. – С. 148 – 154.
6. Скоков А.С. Проведение Крестьянской реформы на Донбассе во второй половине XIX в. / А.С. Скоков // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – № 4 (67). – Донецк, 2018. – С. 77 – 85.
7. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – Т. II. – 735 с.
8. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 2006. – 296 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXVI. – СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1863. – № 36719.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 47. Оп. 1. Д. 20. О сборе статистических сведений по казенным и частным горным заводам. – 350 л.
11. Государственный архив Одесской области. Ф. 3. Главный статистический комитет Новороссийского края. 1843 – 1863. Оп. 1. Д. 21. Сведения о Луганском литейном заводе. 47 л.
12. Павлович В.В. Екатеринославская губерния. – СПб.: тип. Деп. Ген. штаба, 1862. – 352 с.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1. Положение об учебных заведениях Луганского горного округа и о мерах к обеспечению быта горно-заводских поселений. – 79 л.
14. РГИА. Ф. 37. Оп. 45. Д. 1573. По просьбе свободных сельских обывателей Луганской волости о притеснительных и противозаконных мерах, предпринятых начальством Луганского завода против общества Луганских сельских обывателей по наделу их землей. – 45 л.
15. Журналы учрежденной при Министерстве финансов комиссии по пересмотру горного устава за первую половину 1864 года. – СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1864. – 179 с.
16. РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. О предоставлении особых льгот и преимуществ горнозаводскому населению Луганского округа и о наделе землей лиц, служащих при Луганском заводе. – 28 л.
17. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Выпуск третий. Славяносербский уезд. – Екатеринослав: типография Я.М. Чаусского, 1886. – 319 с.

УДК 94:622(477.61+470.61)"1941/1942"

В.Л. Агапов

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: agarov_donetsk@mail.ru

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ОКТЯБРЕ 1941 Г. - ИЮЛЕ 1942 Г.

Аннотация

В статье исследуются процессы, протекавшие на шахтах комбинатов «Ворошиловградуголь» и «Ростовуголь» в октябре 1941 г. – июле 1942 гг. Автором показаны усилия органов власти по восстановлению угледобычи на свободной от немецко-фашистских захватчиков части Донбасса, результаты восстановительных работ, освещается проведение эвакуации угольных предприятий в июле 1942 г.

Ключевые слова: *угольная промышленность, эвакуация, Государственный комитет обороны*

Summary

The article examines the processes that took place at the mines of the plants "Voroshilovgradugol" and "Rostovugol" in October 1941 - July 1942. The author shows the efforts of the authorities to restore coal mining in the part of Donbass free from the Nazi invaders, the results of restoration work, highlights the evacuation of coal enterprises in July 1942

Keywords: *Coal Industry, Evacuation, State Defense Committee*

Изучение история экономики СССР периода Великой Отечественной войны многие годы является одним из важнейших направлений исследовательской практики. Среди изданных в последние годы научных трудов обращают на себя внимание седьмой том «Экономика и оружие войны» коллективной монографии «Великая Отечественная война 1941–1942 годов» [1], «История промышленности Донбасса» [2], статьи, посвященные отдельным аспектам экономической истории Донбасса рассматриваемого периода. В частности, это публикации В.С. Околотина [3], Ю.И. Красняковой [4], автора статьи [5]. В данном случае предпринята попытка на основе рассекреченных архивных документов и ранее неиспользовавшихся источников выяснить процессы, которые протекали в изучаемый период на территории Ворошиловградской и Ростовской областей в базовой отрасли Донбасса – в угольной промышленности.

Накануне Великой Отечественной войны из 314 основных шахт Донбасса Наркомата угольной промышленности СССР (далее – НКУП) 129 располагались на территории Ворошиловградской области УССР, 36 – на территории Ростовской области РСФСР. В Ворошиловградской области наряду с комбинатом «Ворошиловградуголь» добычу осуществляли трест «Донпромуголь», который объединял 50 мелких шахт, шахты треста «Наркомместпрома» и «Облтопуправления». Общее число действовавших в Донбассе шахт составляло 882. В 1940 г. в Донецком бассейне было добыто 94 319 тыс. т угля, что составляло 56,8% общесоюзной добычи. Из этих объемов 36,7% угля было добыто на шахтах Ворошиловградской области, 11,3% – на шахтах Ростовской области. 52% угля поднимали на-гора горняки Сталинской области.

8 октября 1941 г. немецкие войска ворвались в Мариуполь и в этот же день они вторглись в пределы Ростовской области. 9 октября 1941 г. ГКО принял постановление «Об эвакуации из Сталинской области угольных шахт и заводов Наркомугля» [6].

12 октября 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР дал разрешение на проведение перебазирования предприятиям НКУП, расположенным в Ростовской области. 14 октября такое же разрешение получило руководство комбината «Ворошиловградуголь». Горняки комбинатов обоих загружали в вагоны основное оборудование. Из Восточного Донбасса (Шахтинский промышленный район) предполагалось вывезти 40 тыс. чел. промышленно-производственного персонала и 72 тыс. членов их семей. Для вывоза оборудования шахт предусматривалось загрузить 994 вагона [7, с. 45]. Организаторы эвакуации сразу же столкнулись со сложнейшей проблемой – дефицитом вагонов. При таком количестве вагонов (в среднем 27 вагонов на шахту) много вывезти в тыл было невозможно. Находящиеся в нашем распоряжении документы не позволяют установить ведомственную принадлежность подававшегося под погрузку подвижного состава. Скорее всего, для этих целей использовался железнодорожный транспорт самого комбината «Ростовуголь».

При эвакуации предприятий Ворошиловградской области наблюдалась аналогичная ситуация. При запланированной подаче 21 511 вагонов, НКПС к 25 ноября на погрузку подал 7 149 вагонов, или 33,2% потребности [8, с. 648]. Эвакуацию осуществляли, используя, прежде всего, ведомственный железнодорожный транспорт. В комбинате «Ворошиловградуголь» для этих целей были задействованы 64 паровоза и 292 вагона, из которых 104 вагона были приспособлены для пассажирских перевозок, а 188 вагонов были заполненных металлом и оборудованием. Около 250 вагонов под погрузку предоставили железнодорожники. Всего к 27 октября шахтерами комбината «Ворошиловградуголь» было погружено, а железнодорожниками вывезено 233 вагона с людьми и 306 вагонов с оборудованием. Только рабочих и специалистов треста «Боковоантрацит» выехало 3 900 чел. Материальные ценности, которые не могли быть вывезены, шахтные сооружения подлежали уничтожению.

Часть шахтеров не могла быть эвакуирована. Выполняя решение Военного совета Южного фронта, комбинат «Ростовуголь» выделил на строительство оборонительных сооружений (их протяженность составила 115 км) 7 тыс. горняков. 3 тыс. чел. на эти работы отправил комбинат «Ворошиловградуголь».

Выехавшие эвакуировались в основном на Урал. Горняки треста «Несветайантрацит» (Новошахтинск) были направлены в пос. Таянды Челябинской области. Оборудование разгружалось на площадках треста «Коркинуголь». Комбинат «Ворошиловградуголь» был эвакуирован в Копейск, поселки Бреды и Еткуль на площадки шахт трестов «Копейскуголь» и «Полтаво-Бредуголь». Промышленно-производственный персонал и оборудование треста «Первомайскуголь» перевозились в Чкаловскую (Оренбургскую) область. В октябре 1941 г. в Караганду прибыли оборудование и люди Ворошиловградского завода горно-шахтного оборудования им. Пархоменко.

В конце октября 1941 г. после захвата Сталинской области немецкие и итальянские воинские части вели бои на Ворошиловградской земле. Фронт проходил по линии Изюм - Красный Лиман - Дебальцево - Красный Луч - Хопры. На территории Красного Луча располагались шахты треста «Донбассантрацит», от которых до линии фронта было 6 км. До 15 ноября 1941 г. войска Южного фронта и 56-й отдельной армии сдерживали войска противника, наступавшего на шахтинском направлении до тех пор, пока враг не перебросил свои силы под Ростов. В это время важнейшей задачей советских войск являлось «удержание за собой восточной части Донбасса и выигрыш времени для эвакуации ценного оборонного имущества» [9].

Вступив на землю Ворошиловградской области, саперные подразделения Южного фронта продолжали минирование промышленных объектов и осуществляли подрывы подъездных путей. К 25 октября все шахты комбината «Ворошиловградуголь» были заминированы.

28 октября, когда возникла угроза прорыва войск противника в направлении городов Красный Луч и Ровеньки, Военный совет 18-й армии приказал: «Приступить к подрыву шахт в г. Красный Луч и Ивановском районе. Разрушение произвести последовательно по шахтам, не создавая общих взрывов по всему району, хозяйственные сооружения, подготовленные к взрыву, как-то: хлебозавод, водонапорные башни и другое — пока не разрушать до особого на это указания Военного совета армии» [10].

В конце октября – в первые числа ноября взрывались шахты трестов «Донбассантрацит» и «Боковоантрацит», «Кировуголь», «Первомайскуголь», «Сергоуголь» (Кадиевка-Стаханов), «Ворошиловскуголь» (Коммунарск-Алчевск), «Брянскуголь». Шахты, находившиеся в центре городов, пока не взрывали. 4 ноября 1941 г. штаб Южного фронта докладывал: «3 ноября 13 отряд заграждения минировал объекты гор. Серго (Стаханов)» [11]. Работы по эвакуации и подрыву объектов продолжали находиться под контролем командированного в Донбасс заместителя Наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга И.А. Серова.

Как и в Сталинской области, вследствие отсутствия разъяснительной работы среди населения о необходимости проведения взрывных работ, «на шахтах чувствовалось брожение среди женщин и оставшихся рабочих», – писал в своем дневнике находившийся в Ворошиловградской области замнаркома угольной промышленности СССР В.И. Поченков [10]. В некоторых шахтерских поселках прошли бунты, в том числе на шахтах треста «Кировуголь» и Перевальского района. Здесь были арестованы 87 шахтеров, 67 из них были расстреляны. В области за препятствия проведению эвакуации были арестованы 122 чел. [8, с. 641].

Как и в Сталинской области, во время эвакуации проявлялась несогласованность действий Инженерного управления Южного фронта и угольщиков. К. И. Поченков 31 октября записал в своем дневнике: «Подрывной батальон 18-й армии преждевременно подорвал ж/д пути на шахтах «Лобовка», № 30, 35, 17 и 2/3 треста Фрунзеуголь. В данное время железная дорога дает вагоны, а грузить оборудование и материалы невозможно» [10]. В таких случаях, чтобы не оставлять врагу ценное оборудование, горняки на телегах и автомашинах везли моторы, врубные машины на соседние шахты, на которых подъездные пути не были повреждены.

В стране положение в энергетической сфере, в металлургической отрасли, на транспорте становилось критическим. Суммарная производственная мощность по добыче каменного угля сократилась с 241 млн т в начале 1941 г. до 152 млн т в ноябре. Около 2 млн. т донецкого угля оставалось невыверенным, что в условиях надвигающейся зимы и прекращения угледобычи в Донбассе создавало беспрецедентную по своим разрушительным последствиям ситуацию. В топливном балансе страны на долю угля в 1940 г. приходилось 59%, из которых около 57% был уголь Донбасса. К зиме электростанции центральных районов России и Урала исчерпали собственные запасы и государственные резервы. Из-за нехватки топлива в декабре была остановлена ЦЭС Уралмаша, встали Усть-Катавский, Кусинский и Симский металлургические заводы. Не получали уголь города. Паровозный парк дорог был переведен на дровяное топливо и топливную смесь.

19 ноября из Москвы в Ворошиловград поступило распоряжение об отгрузке угля 1 000 вагонов угля в сутки. Поскольку запасы добытого угля были значительны (оставались не вывезенными 2 млн т) из Донбасса можно было ежедневно вывозить до 20 тыс. т угля, находившегося на взорванных шахтах, удаленных от линии фронта трестов. За период с 15 ноября по 5 декабря 1941 г. с шахт треста «Свердловуголь» было отгружено более 12 тыс. т угля, «Сергоуголь» – 260 т; «Ворошиловскуголь» – более 4 тыс. т; «Краснодонуголь» – почти 13 тыс. т, «Лисичанскуголь» – 2680 т; «Фрунзеуголь» (Ровеньки) – 2,2 тыс. т [10]. Но была вывезена крайне незначительная часть угля.

На большее не было вагонов. К зиме 1941 г. на железнодорожном транспорте создалась критическая ситуация: Ярославская, Сталинградская, Пензенская, Куйбышевская, Рязанско-Уральская, Южно-Уральская дороги были на грани паралича. 23 ноября трест «Свердловуголь» получил всего 13 вагонов, 24 ноября

«Краснодонуголь» – 10 вагонов. С 20 по 25 ноября горняки смогли отгрузить, а железнодорожники вывезти только 160 вагонов с углем. 14 декабря в Ворошиловград поступило указание об отгрузке, начиная с 15 декабря, хотя бы 5 тыс. т угля в сутки. Количество оставшегося угля на шахтах позволяло надеяться, что его хватит на 2 месяца.

Успешное проведение ростовской наступательной операции (17 ноября – 2 декабря 1941 г.) позволило отстоять Восточный Донбасс. С 30 ноября по 2 декабря, преследуемые нашими войсками, потрепанные соединения немецких моторизованных корпусов отходили на рубеж р. Миус. Угроза захвата немцами Шахтинского промышленного района пока что была снята. В Ворошиловградской области врагом были оккупированы только отдельные населенные пункты Лисичанского, Попаснянского, Кадиевского, Краснолучского, Боково-Антрацитовского, Ровеньковского и Свердловского районов. Стабилизация фронта позволяла задуматься о том неоправданном экономическом ущербе, который понес угольный Донбасс вследствие преувеличенного представления о наступательном потенциале врага, несогласованности действий армейского командования и региональных органов власти, панических настроений и боязни должностных лиц быть обвиненными в пособничестве врагу. Были взорваны шахты, на которых до войны добывалось 48% донецкого угля.

В годы Великой Отечественной войны, мотивируя горняков на высокоэффективный труд, политотделы убеждали шахтеров: «Из одной тонны угля путем соответствующей переработки можно получить взрывчатку для начинки 100 бомб весом 250 килограммов!», «Одной тонной угля можно выплавить 750 килограммов чугуна или 2,5 тонны стали!». На взорванных шахтах к июлю 1942 г. можно было бы добыть более 20 млн т угля. Урон, который понесла воюющая страна, вероятно, сродни поражению армии в крупной военной операции.

Стабилизация фронта позволяла задуматься о восстановлении угледобычи. По инициативе заместителя Председателя ГКО В. Молотова в г. Молотов, где размещался НКУП СССР, начала работать комиссия, задачей которой была выработка предложений по восстановлению Донбасса. 12 декабря в г. Шахты и Ворошиловград поступило указание НКУП изучить состояние шахт, подъездных путей и в течение какого-то времени, возможно, начать производственный процесс. К. И. Поченков, с именем которого связано восстановление угледобычи в первом полугодии 1942 г., писал в эти дни: «Командования 18-й, 12-й и 6-й армий поспешили с приказом по взрыву шахт... Часть из этих шахт восстановить нельзя. При осмотре сейчас обнаруживается много вполне годного оборудования и материалов – все это берется сейчас на учет... Перед нами стоит ответственнейшая задача – сохранить от расхищения имеющийся уголь, форсировать восстановление шахт и организовать на них добычу» [10].

В связи с выдвиганием на первый план вопросов организации хозяйственной жизни, инициативу по реализации планов взяли в свои руки партийные органы. 26 декабря 1941 г. состоялось заседание бюро Ворошиловградского обкома КП(б)У, на котором решили:

- восстановить аппараты управления комбинатом и трестами, укомплектовать их инженерно-техническими работниками;
- поставить перед НКУП СССР вопрос о возвращении необходимого количества специалистов-угольщиков, эвакуированных из Донбасса;
- добиваться возвращения паровозов, вагонов и снегоочистителей, принадлежавших комбинату «Ворошиловградуголь»;
- изъять у населения шахтных поселков лошадей и повозки, принадлежащие шахтам и трестам;
- обратиться к Ворошиловградскому облсовету депутатов трудящихся с просьбой о выделении комбинату 500 лошадей из эвакуированного поголовья;
- просить командование Южного фронта выделить для комбината «Ворошиловградуголь» 50 автомашин, в том числе трофейных.

Было решено добычу угля осуществлять, в первую очередь, на шахтах, расположенных вблизи железнодорожных путей и станций [12, с. 45].

При осуществлении первых же шагов по возобновлению угледобычи горняки столкнулись с огромнейшим дефицитом электроэнергии. ГКО отреагировал на эту проблему. 11 января 1942 г. он принял постановление «О частичном восстановлении электростанций Ростовской, Ворошиловградской и Калининской областей». На Северодонецкую и Шахтинскую ГРЭС, Каменскую и Серговскую ТЭС возвращалась часть оборудования. В Ворошиловграде и Ростове были созданы специальные восстановительные батальоны численностью по 500 чел. каждый. Наркомат обороны формировал бригады специалистов, откомандировав из Действующей армии 2,2 тыс. чел., имевших необходимую профессиональную подготовку [13]. Распоряжения ГКО неукоснительно выполнялись. Участникам восстановительных работ было известно, что в соответствии с Постановлением ГКО № 903сс от 17 ноября 1941 г. возобновляло деятельность Особое совещание при НКВД с правом вынесения расстрельных приговоров. Тем не менее, топливный и энергетический кризис нарастали. Запасы коксующегося угля были исчерпаны. 22 января 1942 г. остатки угля по комбинату «Ворошиловградуголь» составляли 42 тыс. т, и было понятно, что через несколько дней вывозить будет нечего и что без вмешательства государства эту проблему решить будет невозможно.

23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «О восстановлении угольных шахт комбинатов Ворошиловградуголь и Ростовуголь». Этим постановлением СНК СССР утвердил программу восстановительных работ, которая была разработана специалистами угольных комбинатов под руководством К.И. Поченкова. Программа предполагала первоочередное поэтапное восстановление 51 шахты, в том числе 36-ти в Ворошиловградской области и 16-ти в Ростовской области. Ставилась задача возобновить угледобычу на 17 шахтах в феврале (11 в Ворошиловградской области и 6 в Ростовской), 13 в марте (6 и 7 соответственно) и 19 в апреле (16 и 3). Исходили из того, что по мере ввода в эксплуатацию шахт будет расти суточная добыча с 10 тыс. т угля в феврале, до 20 тыс. т в марте и до 40 тыс. т в апреле (в апреле предполагалось довести

среднесуточную угледобычу до 27 тыс. т в комбинате «Ворошиловградуголь» и до 13 тыс. т в комбинате «Ростовуголь») [14]. В случае успешного выполнения программы угольщики должны были выйти на уровень 35% довоенной угледобычи.

Вскоре планы восстановительных работ были пересмотрены. Сложившаяся в довоенные годы практика, когда трудовые коллективы и органы власти на местах брали на себя «повышенные социалистические обязательства», проявилась и в данном конкретном случае. 2 февраля 1942 г. бюро Ворошиловградского обкома КП(б)У «принимает предложение» начальника комбината «Ворошиловградуголь» о восстановлении 49 шахт, оставляя без изменения объемы суточной угледобычи, утвержденные правительственным решением [12, с. 70]. Партийными и хозяйственными руководителями в 1942 г. не учитывался опыт восстановления угольной промышленности в 1920-1924 гг., когда для выхода из кризиса минимизировалось число действующих шахт с концентрацией на оставшихся всех наличных ресурсов.

По решению правительства часть эвакуированных специалистов и горняков возвращалась в Донбасс. На восстановительные работы отправляли излечившихся после ранений демобилизованных красноармейцев и демобилизованных по возрасту солдат. Было возвращено в Ворошиловград оборудование и специалисты завода горно-шахтного оборудования им. Пархоменко.

С трудом решалась проблема энергетического обеспечения угледобычи. Горняки по этой причине не справлялись с заданиями по откачке воды. 2 марта ГКО принял решение форсировать восстановление мощностей Шахтинской ГРЭС им. Артема. Не хватало рудничной стойки. 17 апреля 1942 г. ГКО принял постановление «Об организации заготовок крепежного леса в ближайших районах к Подмосковному и Донецкому угольным бассейнам в 1942 г.». Лесозаготовительные организации РСФСР обязывались предоставить шахтам Ворошиловградской области 600 тыс. т леса [15]. Весной нечем стало кормить лошадей, и поэтому начался их падеж. Существовали серьезные проблемы со спецодеждой. Не хватало инструментов. Комсомольские организации шахтерских городов и поселков проводили мероприятия по сбору инвентаря и механизмов.

Проблема дефицита рабочих рук была в значительной мере решена. 13 февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Все мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет, не работавшие в государственных учреждениях или на предприятиях, подлежали обязательной мобилизации. Освобождались только юноши и девушки, подлежавшие призыву в ремесленные училища, и женщины, имевшие детей до 8 лет (в случае, если не было других членов семьи, способных обеспечить уход). Уклонение от мобилизации каралось в уголовном порядке. Благодаря этим чрезвычайным мерам число работников угольной промышленности в марте в Ворошиловградской области достигло 10 тыс. чел. Велось обучение почти 20 тыс. женщин горняцким профессиям. 10 июня

1942 г. предполагалось открыть шахту «Общественница», коллектив которой формировался в основном из женщин.

Принятые меры позволили горнякам и горнячкам комбината «Ворошиловградуголь» досрочно двадцать восьмого мая выполнить месячный план. Уголь поступал на коксохимические заводы, электростанции, в города. Ежедневно из Ворошиловградской области отправлялись 2 эшелона донецкого угля в Ленинград. В марте суточная добыча в Ворошиловградской области составляла 11 тыс. т, в июне 24 тыс. т., в «Ростовуголь» – 16 тыс. т. Однако объемы добывавшегося угля были несопоставимы с довоенным периодом. В марте все шахты Ворошиловградской области в сутки добывали угля столько, сколько составляла суточная добыча только одного треста «Донбассантрацит» в 1940 г.

В Ростовской области летом работали 33 шахты из 36. 4 июня 1942 г. состоялось вручение наркомовских наград лучшим шахтерам комбината «Ростовуголь». В числе награжденных был Б. Ф. Братченко – будущий министр угольной промышленности СССР.

После разгрома советских войск под Харьковом немецкие захватчики готовились к наступлению на Кавказ и Сталинград. Ситуация на фронте ухудшалась. 15 июня 1942 г. штаб 12-й армии Южного фронта приказал комбинату «Ворошиловградуголь» подготовиться к взрывам шахты треста «Первомайскуголь». 23 июня была дана команда вывести подвижной состав со ст. «Лисичанскугля» и взорвать шахту «Кременная». 24 июня на шахтах были прекращены восстановительные работы.

25 июня ГКО принял постановление № 1928сс «Об эвакуации оборудования и материалов с угольных шахт, заводов и предприятий Наркомата угольной промышленности, расположенных в прифронтовой полосе Ворошиловградской и Ростовской областей». Реально эти работы начались днем ранее в соответствии с устным распоряжением Наркома угольной промышленности В.В. Вахрушева. Несомненно, ГКО учел горький урок 1941 г., когда приказ об эвакуации промышленных предприятий Сталинской области был дан только 9 октября, после того, как захватчики 8-го вошли в Мариуполь. В июне 1942 г. постановление ГКО было принято за 3 дня до начала реализации немцами плана «Блау» и за 2 недели до начала наступления в центральной и южной части Донбасса 17-ой немецкой полевой армии. ГКО распорядился а) временно прекратить восстановительные работы; б) начать вывоз неиспользуемого оборудования и материалов, работы предусматривалось завершить 3 июля; в) приступить к демонтажу и отправке на восток основного оборудования шахт, находящихся в опасной близости от линии фронта (их перечень был дан).

ГКО учел еще одно ошибочное решение октябрьской эвакуации 1941 г., когда был запланирован вывоз 80% материальных ресурсов шахт, что имело следствием катастрофический дефицит вагонов. Теперь же решение было следующим: каждый из трестов согласно разрядке должен был загрузить от 45 до 75 вагонов. Такой подход ориентировал руководство трестов и шахт на

скрупулезный подход к определению перечня эвакуируемого оборудования и материалов.

К.И. Поченков в связи с начавшимися работами записал в своем дневнике: «Родной Донбасс, который все еще дышит, надолго потеряет признаки жизни. Этого допускать нельзя. Мною дано распоряжение, что взрыв производить только тогда, когда враг приблизится к территории шахты. Трудно себе представить и допустить мысль, чтобы отдать оставшуюся часть Донбасса. Это будет непростительная ошибка, так как с падением шахт Ворошиловградской и Ростовской областей наша Родина потеряет источник, снабжающий железнодорожный транспорт и промышленность, работающие по левую сторону Волги» [10].

Начинался вывоз в угольные бассейны СССР несмонтированного и неиспользуемого оборудования. Одновременно велся демонтаж оборудования на шахтах 9 угольных трестов комбината «Ворошиловградуголь» и в 2-х трестах комбината «Ростовуголь» (Несветайантрацит и Шахтантрацит). Из Ворошиловградской области должны были эвакуироваться 20 тыс. рабочих, из Ростовской области 5 тыс. рабочих с семьями. Практика эвакуации людей из Сталинской области свидетельствовала о том, что при составлении списков в них вносились, прежде всего, руководящий состав комбинатов и трестов, работники служб, партийные и профсоюзные активисты, стахановцы. Большинство из эвакуируемых должны были прибыть в комбинат «Уралуголь» (12,5 тыс. чел.), 8 тыс. чел. – в Кузбасс, 2,5 тыс. чел. – в Караганду, 2 тыс. чел. – в Подмосковский бассейн.

В распоряжение комбината «Молотовуголь» (Пермский край) должны были выехать горняки треста «Ворошиловскуголь», «Донбассантрацит», «Несветайантрацит» и рабочие Ворошиловградского завода имени Пархоменко. На Урал в комбинат «Челябуголь» выезжали работники трестов «Кировуголь», «Сергоуголь», «Свердловуголь» и «Шахтантрацит». В Кузбасс выезжали работники трестов «Боковантрацит» (Антрацит), «Лисичанскуголь», «Фрунзеуголь». По сравнению с эвакуацией октября 1941 г. для большинства трестов места разгрузки были изменены. Приоритетными теперь были шахты Молотовской области, куда выезжали коллективы 5 трестов, и отчасти Кузбасса (3 треста). Проектные организации Донбасса предусматривалось также передислоцировать в г. Молотов, где располагался НКУП СССР. Железнодорожники обязывались предоставить 730 вагонов для перевозки оборудования, материалов и 900 вагонов для перевозки рабочих [16]. Началась подготовка к эвакуации оборудования на предприятиях угольного машиностроения: заводе им. Пархоменко (Ворошиловград), им. Никольского (Новочеркасск) и на Краснолучском рудоремонтном заводе.

26 июня 1942 г. в Ворошиловградском обкоме КП(б)У проходило совещание по выполнению решения ГКО. Руководители Ворошиловградской области и комбината «Ворошиловградуголь» приняли решение в трестах «Сергоуголь», «Брянскуголь», «Ворошиловскуголь» и «Краснодонуголь» работу продолжить,

осуществляя при этом эвакуацию людей, неиспользованного оборудования и материалов, а в трестах «Донбассантрацит», «Боковоантрацит», «Фрунзеуголь», «Свердловуголь», «Первомайскуголь», «Кировуголь» и «Лисичанскуголь» проводить полную эвакуацию. В Ростовской области продолжалась угледобыча на шахтах трестов «Богуроевоуголь», «Гундоровуголь» (Донецк Ростовской области), «Гуковуголь».

Горняки были заняты не только угледобычей и эвакуационными работами. 7 тыс. рабочих были задействованы на строительстве железной дороги Лисичанск-Старобельск. 15 тыс. чел. принимали участие в строительстве оборонительных рубежей в Приазовье и в районе Северского Донца. В это же время начиналась проработка проведения второй очереди эвакуации.

В отличие от эвакуации комбината «Сталинуголь», где в 1941 г. катастрофически не хватало вагонов, в Ворошиловградской области железнодорожники задание ГКО СССР выполнили полностью. За период 25 июня – 6 июля с шахт области были вывезены 601 вагон оборудования. В них находились врубовых машин – 83, подъемных машин – 9, моторов – 851, трансформаторов – 181, вентиляторов – 44, лебедок – 103, копровых шкивов – 12, шахтных вагонеток – 433, шахтных канатов – 16, станков металлообрабатывающих – 90, железнодорожных рельсов – 8,2 км, насосов – 17, электровозов – 12, динамомашин – 2, компрессоров – 2. Установленный лимит вагонов не позволял вывезти значительную часть людей, оборудования, материалов и других ценностей.

За это же время было вывезено 16 тыс. рабочих и ИТР комбината «Ворошиловградуголь» и 7,5 тыс. рабочих «Ростовуголь». Всего 23,5 тыс. чел. Руководители НКУП, угольных комбинатов вывозили, прежде всего, кадры инженеров и инженерно-технических работников. Этим объясняется следующая статистика: из 3771 ИТР, работавших в 1941 г. в Донбассе, на шахты РСФСР было эвакуировано 2784 чел., в том числе из комбината «Ворошиловградуголь» – 1491 чел., «Ростовуголь» – 511 чел.

28 июня 4-я танковая армия Гота из района Курска начала наступление на Воронеж. 6 июля вражеские войска захватили правобережную часть города. Директива Вермахта № 41 предусматривала уничтожение «противника западнее Дона». Командование Южного фронта делало все возможное, чтобы задержать врага и выиграть время для проведения эвакуации. Осознавая возникшую угрозу окружения, 6 июля штаба Южного фронта издал приказ: «Полностью эвакуировать все мужское население, способное носить оружие... Подготовить эвакуацию оборудования предприятий Рубежная, Пролетарск, Лисичанск... Весь оставшийся подвижный состав и паровозы перевести на ветку и пути Лисхимстроя» [17].

7 июля за день до начала немецкого наступления в центральной и южной части Донбасса ГКО принял постановление «Об эвакуации II очереди предприятий комбинатов «Ворошиловградуголь» и «Ростовуголь». ГКО предписал: а) прекратить угледобычу и вывезти оборудование и материалы 8 угольных трестов Ворошиловградской области; б) вывезти людей, в том числе находящихся на возведении оборонительных рубежей.

Была названа группа трестов, подлежащих первоочередной эвакуации. К ним не относились «Краснодонуголь» (Ворошиловградская область), «Богураевоуголь», «Гуковуголь» и «Гундоровуголь» (Ростовская область). Были внесены изменения в географию прибытия эшелонов. Эвакуируемое оборудование и люди трестов «Лисичанскуголь», «Боковантрацит» должны были прибыть не в Кузбасс, а в трест «Молотовуголь». Трест «Свердловантрацит», который начал отправлять вагоны с оборудованием в Кузбасс, в соответствии с новым решением ГКО отправлял вагоны на Урал в комбинат «Челябуголь». Новым адресом для отправки оборудования треста «Фрунзеуголь» был определен Подмосковский угольный бассейн (первоначальный вариант – Кузбасс).

Предстояло вывезти на Восток лишь некоторые шахты и отдельные участки. К примеру, в тресте «Фрунзеуголь» насчитывалось 8 шахт, но подлежали эвакуации 2 и еще два участка. В тресте «Первомайсуголь» эвакуировалась одна шахта. Насколько оправданным был такой подход пока не ясно, так как мы не имеем информации о том, в каких масштабах была проведена реэвакуация в конце 1941г. – начале 1942 г.

ГКО намеревался вывезти на Восток вторую партию рабочих и ИТР опять же в количестве 25 тыс. чел. семьями. Народный комиссариат путей сообщения должен был выделить для эвакуации людей и оборудования угольных предприятий 2050 вагонов. ГКО, зная о критическом положении с обеспечением жильем эвакуируемого населения, расширил географию расселению жителей Донбасса. Их предстояло принять и разместить не только в городах и поселках Урала, Сибири и Казахстана, но и в населенных пунктах Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Окончательным сроком проведения работ была определена дата 16 июля [18].

Для успешного проведения второй очереди эвакуации не хватало времени и вагонов. Вагонный лимит всей Ворошиловградской области составлял 7,5 тыс. вагонов.

8 июля 1-я танковая армия Клейста нанесла удар по бойцам Красной Армии из района Славянска, а 17-я общевойсковая армия из района Артемовска. Их целью был Ворошиловград.

Летом 1942 г. военное командование рассматривало обеспечение эвакуации как одну из своих непосредственных задач. Генеральный штаб рекомендовал Южному фронту: «8-го отойти ... по восточному берегу р.Красная до р. Северский Донец, где прочно закрепиться... Выгода этого рубежа... дает нам возможность удерживать Лисичанский обвод и подготовить эвакуацию серию промышленных селений и городов, кроме того, к Лисичанску мы подводим железную дорогу, которая будет готова 12.7, что дает нам возможность вывезти свыше 2 500 вагонов, 117 паровозов и другого ценного оборудования» [19].

Советские войска покидали шахтерские города. 9 июля, как сообщало командование Южного фронта, в течение дня авиация противника группами по 5 самолетов бомбила шахту им. Крупской в Первомайске.

10 июля немцы взяли Лисичанск. В этот же день Военный совет Южного фронта приказал: немедленно вывезти своим ходом все мужское население Ворошиловградской области кроме Краснодона за Дон, все тресты подготовить к взрыву. Занимаясь организацией отпора врагу, командование фронта держало под контролем эвакуацию оборудования и людей. 10 июля в сводке командования Южного фронта сообщалось: «По Ворошиловградской области эвакуировано оборудование – 2 452 вагона, рабочих – 700 вагонов, часть рабочих идет пешком, вагонов угля – 3 142. Продолжается эвакуация, но с большим напряжением, городов Серго, Ворошиловск, которые начали эвакуацию только сегодня, но мы не имеем совсем порожняка, не только для эвакуации, но и для переброски, хотя бы одной дивизии с Ворошиловградского направления на Миллерово» [20].

Сведения командования Южного фронта о числе отправленных на Восток вагонов, скорее всего, приблизительные. В цитированном фрагменте документа содержится обобщающая цифра – 8241 отправленный вагон. 13 июля 1942 г. Ворошиловградский обком КП(б)У докладывал, что задание ГКО об отправке 7 499 вагонов оборудования и материалов выполнено частично, «фактически на 12.VII. 1942 г. погружено и эвакуировано вагонов – 4 008(!). Вывезено и выведено пешим ходом 32 243 рабочих» [12, с. 70].

В эти дни донецкая железнодорожная магистраль была перерезана в двух местах – севернее и южнее Ворошиловграда. Коллективы шахт двигались к ст. Морозовской Ростовской области. К. И. Поченков в дневнике писал: «Рабочие идут неохотно. Зарплату не выплатили. Облбанк дал распоряжение работникам банка уезжать раньше, чем расплатились с шахтерами. Посланный в Сталинград за деньгами самолет не вернулся» [10].

В этих экстремальных условиях отдельные шахты трестов «Кировуголь», «Сергоуголь», «Брянскуголь», «Ворошиловуголь», «Свердловугля» продолжали отгрузку угля. При отступлении войск Красной Армии невывезенное оборудование сбрасывалось в стволы, шахты взрывались.

Немецкая авиация наносила бомбовые удары по железнодорожным станциям и промышленным объектам. В Ворошиловграде бомбовый удар был нанесен по подготовленным к отправке эшелонам с оборудованием и людьми завода имени Октябрьской революции. О последних днях пребывания на земле Донбасса К.И. Поченков писал: «Мы покинули г. Ворошиловград. От Ворошиловграда до Краснодона ехали спокойно. На всем пути непрерывным потоком движутся войска и рабочие... На всем пути до Новошахтинска лежат расстрелянные с самолетов автомашины. Таких насчитали около 16 штук. Путь более свободный, но по нему движутся массы людей. Решили ехать вечером в г. Несветай, так как колонны рабочих идут непрерывно. На пути валяются дымящиеся автомашины и трупы людей» [10].

В Ворошиловград немцы вошли 17 июля, в Ровеньки, Боково-Антрацит, Красный Луч, Каменец-Шахтинский 18 июля, в Краснодон – 19 июля, в Донецк (Ростовская обл.) – 20-го, в Шахты – 21-го. 22 июля они захватили г. Свердловск, 23 июля вошли в Новошахтинск, в Гуково – 28 июля. Весь Донбасс был оккупирован.

Проведенные мероприятия позволили сохранить для народного хозяйства страны сталь дефицитные в условиях войны угольную технику, материалы, оборудование и, главное, людей. В восточных районах СССР велось интенсивное шахтное строительство и в условиях, когда все заводы угольного машиностроения были переведены на выпуск военной продукции, каждая вывезенная из Донбасса врубовая машина, лебедка, подъемная машина или вентилятор были, что ни на есть, на вес золота. 8 декабря 1942 г. в своем отчете о вторичной эвакуации народного хозяйства Ворошиловградский обком КП(б)У и исполком областного Совета депутатов трудящихся сообщали, что было эвакуировано 35,7 тыс. угольщиков, вывезено оборудования - 2527 вагонов, угля - 4275 [12, с. 71]. Названная цифра о числе эвакуированных горняков требует к себе осторожного отношения. Работа по выяснению числа прибывших в восточные угольные бассейны шахтеров в декабре 1942 г. только начиналась. Главное управление рабочих кадров в Наркомате угольной промышленности было создано 26 ноября 1942 г. и именно на него был возложен учёт эвакуированных горняков.

Прибывшие из Донбасса специалисты позволили существенно смягчить кадровый голод на шахтах угольных бассейнов страны. В Кузбассе в январе 1942 г. дефицит рабочих рук составлял 43,5 тыс. чел., в июле 1942 г. - 34 583 чел. [21, с. 173]. В 1942 г. на шахтах Кузбасса трудилось около 8 тыс. горняков Донбасса, что составляло 17 % общей численности кузбасских шахтеров. В конце 1942 г. шахты Кузбасса в определенной мере благодаря прибывшим из Донбасса были укомплектованы. В конце войны эвакуированные рабочие составляли 4,4 % от общего числа тружеников отрасли. [22, с. 204-205].

В Кузбасс в 1942 г. прибыло 446 инженеров и техников. Специалисты Донбасса в это время составляли 24,7 % всех ИТР комбината «Кузбассуголь». При этом инженеры Донбасса составляли 32 % общего их числа. Из 277 прибывших инженеров - 241 чел. (87 %), а также 164 из 169 техников были направлены на работу в шахты. 1 января 1943 г. в комбинате «Кузбассуголь» работало 1 008 ведущих специалистов Донбасса, в том числе 349 инженеров и 344 техника.

На шахтах Урала в 1942 г. трудились 5065 чел., эвакуированных из Донбасса. В комбинате «Молотовуголь» в январе 1945 г., т. е. уже после начала реэвакуации горняков, 50 % инженеров и 40 % техников составляли лица, прибывшие из Донбасса [21, с. 136].

В комбинат «Карагандауголь» прибыли свыше 3 тыс. шахтеров, и около 2 тысяч шахтостроителей Донбасса. В Карагандинскую область, в частности, эвакуировались горняки треста «Краснодонуголь». В докладной записке руководства комбината «Карагандауголь» в ЦК КП(б) Казахстана «О состоянии и подготовке кадров специалистов» от 25 июля 1945 г. отмечалось: «В связи с временной оккупацией немецкими захватчиками Донбасса в Карагандинский бассейн прибыло 416 инженерно-технических работников, из них инженеров - 178, техников - 107, ответственных - 36, практиков - 95.

За счет эвакуированных донбассовцев бассейн был укомплектован командными кадрами почти в достаточном количестве» [23, с. 124]. В Караганде бывшие

донбассовцы возглавили 22 шахты, на 16 шахтах работали главными инженерами. Из 353 руководящих должностей в комбинате «Карагандауголь» на 165 работали посланцы Донбасса.

Инженерно-технические работники, прибывшие из Ворошиловградской и Ростовской областей, составляли 72% от числа всех эвакуированных ИТР Донбасса.

Повсеместно специалисты из Донбасса становились ключевыми фигурами на строящихся и уже эксплуатировавшихся шахтах. Начальник комбината «Ростовуголь» Г.Г. Спицын был назначен начальником комбината «Карагандауголь». Главный инженер треста «Боковантрацит» Н.И. Ларютенко трудился районным инженером в комбинате «Кузбассуголь», с августа 1942 г. по июль 1943 г. он занимал должность главного инженера шахты № 5/7 треста «Анжероуголь», затем до марта 1945 г. являлся начальником шахты № 9/15. За работу в Кузбассе был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Начальник лисичанской шахты им. Мельникова Ф.С. Капуста в июле 1942 г. был направлен на шахту «Центральная» треста «Кемеровуголь», где работал помощником заведующего. Заместитель управляющего треста «Боковоантрацит» Т.Н. Белевцев занимал должность заместителя начальника комбината «Кузбассуголь». Главный инженер треста «Свердловуголь» М.С. Архангельский был командирован в Караганду. Управляющий трестом «Фрунзеуголь» Т.П. Шпанько возглавлял вначале трест «Киргизуголь», затем был переведен на должность заместителя начальника комбината «Карагандауголь». В октябре 1942 г. А. Стаханов возглавил шахту № 31.

Таким образом, в течение октября 1941 г. – июля 1942 г. угольные предприятия, расположенные на территории Ворошиловградской и Ростовской областей, шахтерские коллективы пережили самый критический период в своей советской истории. С одной стороны, властные структуры организовывали эвакуацию людей, техники, материалов и оборудования для последующего их использования в целях достижения Победы. С другой стороны, передача в октябре 1941 г. всей полноты полномочий армии, командованием которой была преувеличена степень опасности, угрожавшей шахтерским городам и поселкам Ворошиловградской и Ростовской областей, степень боеспособности немецких и итальянских войск, привели к неоправданному разрушению угольных шахт и подъездных коммуникаций, что крайне усложнило задачу энергообеспечения страны.

Восстановление угольного производства в первой половине 1942 г. было далеко не полным. Тем не менее, достигнутый рубеж в угледобыче на уровне трети от довоенного уровня, позволил ослабить энергетический кризис в Европейской части СССР. Опыт эвакуации угольных предприятий в 1941 г. был учтен как ГКО, так и командованием Южного фронта и Народными комиссариатами СССР в июне-июле 1942 г., что позволило сберечь материальные и людские ресурсы в масштабах, намного превышавших результаты эвакуации в октябре 1941 г.

Ссылки и примечания:

1. Великая Отечественная война 1941–1942 годов: в 12 т. / глав. редкол. Шойгу С. К. – Т. 7. Экономика и оружие войны / [редкол.: Панов В. В. (председатель) и др.]. – М.: Кучково поле. 2013.
2. История промышленности Донбасса : монография / А. А. Саржан, В. В. Липинский, Л. А. Рощина [и др.] ; под ред. А. А. Саржана ; ГОУВПО «ДОННТУ». – Донецк : ДОННТУ. 2020. – 357 с.
3. Околотин В.С. О мерах Государственного Комитета Обороны по восстановлению угольных шахт Донбасса в январе-марте 1943 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. №1/2. – С. 72-78.
4. Краснякова Ю.И. Особенности процесса эвакуации населения Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. – Луганск, 2015. – С. 43-46.
5. Эвакуация заводов угольного машиностроения Донбасса в октябре-декабре 1941 г. // Историческая память о Великой Победе как основа духовного единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы): Материалы международной научно-практической конференции (Донецк, 1 декабря 2020 г.) / под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 177-179.
6. См: Агапов В.Л. Эвакуационные мероприятия в комбинате «Сталинуголь» в сентябре - октябре 1941 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2020. № 1-2. – С. 44-57 , № 3-4. – С. 145-158.
7. Цымбалов Н.Ю. Организация эвакуации производительных сил СССР в начале Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) // Известия вузов. Северо-Кавказский Регион. Общественные науки. 2011. № 5. – С. 44 – 46.
8. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучеково поле. 2013. – 864 с.
9. Оперативная инженерная сводка Инженерного управления Южного фронта № 32/оп о действиях инженерных войск фронта (31 октября 1941 г.) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/SbornikBoevyhDokumentov/Issue42/Issue42_106.html
10. Цит. по: Поченков К.И. Дневники. Библиотека краеведа - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kashkaha.livejournal.com/39746.html> (дата обращения : 15 08 2020).

11. Оперсводка № 0263/оп к 20.00 4.11.41. Штаб Южного фронта. Каменск. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа- http://www.teatrskazka.com/Raznoe/SbornikVoevyhDokumentov /Issue42/Issue42_118.html
12. Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Сб. материалов и док. — Донецк: Донбасс. 1969. – 380 с.
13. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 51–52.
14. РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 2. Д. 186. Л. 22–29.
15. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 31. Л. 64–71.
16. Там же. Д. 40. Л. 68–73.
17. Боевое распоряжение штаба Южного фронта №0340 от 6 июля 1942 г. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/dokumenty-yuzhnogo-fronta-do-16-iyulya-1942>.
18. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 76. Л. 105–109.
19. ЦАМО. Ф.228. Оп.701. Д.1024. Л.18.
20. Документы Южного фронта до 16 июля 1942. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/dokumenty-yuzhnogo-fronta-do-16-iyulya-1942>
21. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка : монография. – Челябинск: Энциклопедия. 2012. – 328 с.
22. Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны //Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1: История. – С. 201-210.
23. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 2 т. Т. 2. 1944-1945 гг.: Сб. док. и материалов. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1967. – 326 с.

УДК 94:378.091:37.018.3(477.6)"1945/1955"

М.А. Соловей

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m.solovey@donnu.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ ДОНБАССА В 1945 – 1955 ГГ.

Аннотация

Статья посвящена проблемам трудоустройства и социализации выпускников детских домов Сталинской и Ворошиловградской областей в послевоенный период. Автор на основе архивных документов прослеживает, как именно детские дома занимались социальной адаптацией сирот и их подготовкой к будущей самостоятельной жизни.

Ключевые слова: *детские дома; трудоустройство, социальная адаптация, народное образование.*

Summary

The article is dedicated to the problems of employment and socialization of graduates of orphanages in Stalino and Voroshilovgrad regions during the post-war period. By using archival documents, the author traces exactly how orphanages were engaged in the social adaptation of orphans and their preparation for future independent life.

Keywords: *orphanages; employment, social adaptation, public education.*

Актуальность. Военные действия, продолжающиеся на территории Донбасса с 2014 года, в последние месяцы приобрели особенно ожесточенный характер. Это приводит к многочисленным жертвам среди гражданского населения, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение количества детей, потерявших родителей и нуждающихся в долговременной опеке со стороны государства. Для успешного решения этой задачи определенный интерес может представлять опыт, накопленный СССР в послевоенный период. Тогда, в 1940-е, государство взяло под свою опеку сотни тысяч сирот. При этом оно поставило цель не просто разместить их в детские дома, но и дать им возможность начать после выхода из них нормальную трудовую жизнь. Поэтому детдома были обязаны обеспечить своим воспитанникам профессиональное обучение, место работы и позаботиться о том, чтобы сироты имели крышу над головой после выпуска.

Историография проблемы. Изучение вопросов создания и организации работы детских домов на территориях, освобожденных от фашистских захватчиков, началось в 1950-е годы. Однако исследователи обращали внимание главным образом на формирование сети детских учреждений призрения, их материальное обеспечение и бытовые условия. Проблемы же трудового обучения и последующего трудоустройства сирот долго оставались вне поля зрения историков. Впервые об организации трудового воспитания в детских домах упомянули авторы коллективной монографии «Народное образование в СССР», выпущенной в 1957 г. [1]. Отдельные сюжеты о трудовом воспитании и определении на работу выпускников детдомов можно найти в работах М.В.Ромашовой [2], М.Р.Зезиной [3], Т.А.Подрезовой [4], А.С.Бобровского [5]. Однако все названные авторы касались этой темы лишь в постановочном плане, не называя конкретных путей решения проблемы и не прослеживая ее в динамике. Таким образом, данный вопрос остается недостаточно изученным.

Поэтому **цель статьи** состоит в том, чтобы выяснить механизм осуществления трудоустройства выпускников детских домов; проанализировать уровень обеспеченности жилищных и материальных потребностей сирот при трудоустройстве; проследить, как предприятия в дальнейшем способствовали их адаптации, а также показать механизмы осуществления контроля со стороны государственных и партийных органов за выполнением плана трудоустройства сирот и условиями их проживания.

Источниковой базой для статьи стали материалы Госархивов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Это, в первую очередь, документы фондов Сталинского (Донецкого) и Ворошиловградского облОНО, Сталинского (Донецкого) и Ворошиловградского областных комитетов КП(б)У и ЛКСМУ, исполнительных комитетов Сталинского (Донецкого) и Ворошиловградского областных Советов депутатов трудящихся, областных статистических управлений г. Ворошиловград и г. Сталино и др.

Нормативной базой исследования стали постановления Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»; Совета Министров УССР от 5 июля 1947 г. «О комплектовании контингента учебных заведений Министерства трудовых резервов» и от 23 марта 1949 г. «О ликвидации недостатков в деле трудоустройства детей-сирот», а также постановление Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У от 8 мая 1952 г. «О мероприятиях по ликвидации детской беспризорности в Украинской ССР». Именно они определили общую стратегию государства в вопросе трудоустройства выпускников детских домов и четко зафиксировали, какие условия для сирот должны создавать предприятия, взявшие их на работу.

Восстановление сети детских домов в Донбассе началось с 1943 года. Поначалу судьбу всех взятых на учет сирот определяли специальные комиссии, созданные при местных исполкомах. Малолетних детей они отправляли в детские учреждения, на усыновление, отдавали под патронат или опеку. Подростков от 14 лет и старше направляли на работу в промышленность и сельское хозяйство или

для обучения в учебные заведения министерства трудовых резервов. К ним относились ремесленные и железнодорожные училища (РУ и ЖУ), школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Укомплектованию этих учебных заведений выпускниками детдомов придавали особое значение, поскольку в стране ощущалась острая нехватка рабочих рук. Поэтому в документах того времени наборы в РУ, ЖУ и ФЗО назывались «призывом» или «мобилизацией» и детские дома постоянно отчитывались о выполнении планов по направлению своих воспитанников в них на обучение. Так, в 1944 г. из числа взятых на учет 8 787 сирот Сталинской области на работу в колхозы, совхозы, МТС и производство было устроено 486 подростков, а в школы ФЗО и училища – 806 [6].

Впоследствии детдома также ежегодно направляли своих выпускников на работу и учебу. Например, в 1945 г. из детских домов Сталинской области было трудоустроено 368 детей, из них в ремесленные училища 116 чел., в нахимовское училище – 2 чел., в пединститут – 4 чел., в педтехникум – 2 чел., в совхозы и колхозы – 58 чел., в школы ФЗО – 150 человек, на промышленные предприятия – 36 детей [7]. Из детдомов Ворошиловградской области в 1947 г. было трудоустроено 466 воспитанников. При этом руководители детдомов должны были проследить, чтобы их воспитанникам обязательно предоставили общежитие, а также поддерживать с ними связь, интересоваться их материальным положением и бытовыми условиями. ОблОНО ежегодно направлял письма директорам детдомов, в которых обязывал их «проверить, в каких условиях находятся Ваши воспитанники, трудоустроенные в РУ, школы ФЗО, колхозы и совхозы (материальное обеспечение, успеваемость и поведение в училище, отношение к ним на производстве, овладение производственной специальностью)» [8].

Сами детдома давали своим выпускникам «приданое» в соответствии с установленным перечнем. В него входили: пальто, головной убор, шарф, перчатки, одна пара кожаной обуви, галоши, два костюма для мальчиков (хлопчатобумажный и шерстяной) и два платья для девушек, три комплекта нательного белья, пара чулок или носков, носовой платок, простыня, две наволочки, два полотенца, байковое одеяло и чемодан. Если подростка отправляли на работу зимой, то к его обмундированию добавляли еще валенки [9].

Трудоустройство воспитанников осуществлялось по плану, составленному облОНО и утвержденному исполкомами облсоветов. Выполнение этого плана контролировалось органами народного образования, исполкомами и прокуратурой. Однако архивные документы свидетельствуют, что в первые послевоенные годы нередко были случаи отказа в приеме детей из детдомов на работу. Например, в декабре 1947 г. проверка Сталинской областной прокуратуры выявила, что из 703 воспитанников, подлежащих трудоустройству в этом году, 227 остались нетрудоустроенными и по-прежнему проживали в своих детских домах.

Такая практика жестко пресекалась, в первую очередь – прокуратурой. Так, прокурор Сталинской области в 1946 г. отмечал: «Случаи отказа от приема детей на трудоустройство были налицо. Директор доломитного комбината отказался от приема 20 детей, мотивируя отсутствием жилплощади. Однако после

вмешательства прокуратуры дети были приняты на различные другие предприятия. Директор доломитного комбината не привлечен к ответственности в связи со снятием его с работы» [10].

Исполкомы городских, районных и областных Советов также регулярно рассматривали вопрос о ходе трудоустройства сирот. Так, Сталинский облсовет своим постановлением от 21.05.1946 г. обязал директоров заводов «Главмашчермет» и «Красный металлист», которые уклонялись от приема на работу подростков из детдомов, немедленно сделать это. А Славянский горисполком потребовал создать для сирот нормальные жилищно-бытовые и материальные условия и приставить к ним воспитателя для проведения работы. Директорам также пригрозили передать дела горпрокурору в случае срыва своевременного трудоустройства подростков. Ворошиловградский облисполком также 5.11.1946 г. рассмотрел соответствующий вопрос. Он подчеркнул, что трудоустройство сирот находится в неудовлетворительном состоянии, потому что в детдомах еще остается 177 детей, подлежащих трудоустройству. От «проштрафившихся» директоров потребовали немедленно решить вопрос, а также в качестве наказания увеличили им план приема подростков-сирот на 1946 – 1947 годы [11].

Органы народного образования не только ежегодно отчитывались о результатах трудоустройства воспитанников детдомов, но и тщательно разбирались в причинах отказа им в приеме на работу. Например, в 1946 г. Сталинский облОНО отмечал: «Остались неустроенными 73 девочек 14 – 15 лет из-за отсутствия мест в РУ и ФЗО для девочек. 43 из них учатся в 7 классе, по окончании учебного года часть из них пойдет в техникумы, остальные – на предприятия местной промышленности. Трудоустройство детей в РУ и ФЗО проходит без осложнений. Нужно лишь чтобы дети имели соответствующий возраст и образование (не ниже 4-х кл.), но девочек берут мало, потому что РУ и ФЗО рассчитаны на подготовку специальностей для тяжелой и угольной промышленности. Трудоустройство в совхозы и промышленные предприятия затрудняется обеспечением детей общежитиями и питанием» [12].

В ходе проверок, регулярно проводимых исполкомами, иногда выявлялись случаи, когда принятые на работу на предприятия выпускники детских домов в дальнейшем не получали материальной поддержки и внимания трудовых коллективов. Это приводило к побегам подростков с мест работы. Так, например, в результате того, что руководство предприятия не создало для сирот нормальных бытовых условий (обеспечение питанием, одеждой и обувью), из 13 трудоустроенных на работу на завод им. Артема детдомовцев, к концу года там не осталось ни одного.

Однако были и совсем другие примеры. Так, в 1946 году в качестве образца для подражания предприятиям Ворошиловградской области рекомендовано было перенять опыт завода им. Пархоменко, где работало 8 сирот из детдомов других областей. Для них в общежитии была выделена и оборудована специальная комната для проживания. За средства завода им покупали костюмы, обувь, белье,

обеспечивали ежедневно трехразовое горячее питание. Для присмотра и помощи к ним была прикреплена «хозяйка-мать». Завком комсомола назначил специального «культурмейца» для культурно-просветительской работы с ними [13]. Такие же хорошие условия были созданы для выпускников детдомов, которых приняли на работу в колхоз им. Кирова Славянского района. Для них даже готовила специально нанятая колхозница, которую сироты именовали «мамой» [14]. Этот опыт рекомендовано было сделать повсеместным.

Для ликвидации недостатков в деле трудоустройства сирот постановление Совета Министров УССР №598 от 23.03.1949 г. наметило ряд мер. Среди них – организация 5 новых специальных ремесленных училищ, исключительно для выпускников детских домов, а также разрешение направлять отличников, получивших семилетнее обучение в школе, на обучение в 8-10 классы или техникумы, где их было предписано содержать на полном государственном обеспечении по нормам детдомов. В 1951 г. Министерство образования и Министерство трудовых резервов Украинской ССР специальными телеграммами разъяснили своим подчиненным на местах, что воспитанники детских домов должны приниматься в училища по удостоверениям об образовании, поэтому любые вступительные экзамены для них незаконны. После этого практика конкурсного отбора сирот была прекращена [15].

Постоянный жесткий контроль за процессом трудоустройства сирот и оперативное вмешательство в случаях отказа им в приеме на работу или учебу быстро дали свои плоды: в 1950-е годы количество неустроенных выпускников детских домов заметно снизилось. Так, в Ворошиловградской области на 01.01.1953 г. таких осталось 21 человек; на 01.01.1956 – 44 человека. В Сталинской области на 01.01.1952 г. эта цифра составила 113 человек; а на 01.01.1955 – всего 15 человек [16].

Таким образом, к середине 1950-х годов проблема трудоустройства выпускников детских домов была почти полностью решена. Это стало возможно благодаря системной и плановой работе, которую проводили совместно детские дома, исполкомы областных, городских и районных советов, отделы народного образования и руководство предприятий, принимавших сирот на работу.

Поскольку рабочих рук после войны не хватало, трудоустройство подростков из детских домов рассматривалось как один из источников пополнения народного хозяйства рабочими кадрами. Поэтому выполнение планов направления сирот на работу или учебу в школы ФЗО, РУ и ЖУ строго контролировалось и подлежало обязательному выполнению. Руководители предприятий, уклоняющихся от приема на работу выпускников детских домов, вынуждены были объяснять свои действия в прокуратуре, нередко получали партийные взыскания или даже освобождались от занимаемых должностей.

Сироты, приходившие на работу на предприятия, в колхозы и совхозы или на учебу должны были в обязательном порядке получать место в общежитии. Минимальный набор одежды и обуви им выдавали при выпуске из детдома. Таким образом, их первостепенные потребности в жилье и товарах первой необходимости

были удовлетворены. К выпускникам детских домов на производстве, в колхозах и совхозах также прикреплялись наставники, которые должны были обучать их на рабочем месте, а также контролировать их поведение и процесс адаптации в коллективе.

Процесс трудоустройства сирот и их бытовых условий постоянно отслеживался руководством детдомов, а также контролировался отделами народного образования, исполкомами местных Советов и прокуратурой. Их совместная активная работа дала позитивный результат и к середине 1950-х годов число неустроенных выпускников детских домов было сведено к минимуму.

Ссылки и примечания:

1. Народное образование в СССР / под ред. И.А. Каирова и др. – М.: Изд-во АПН, 1957. – 783 с.
2. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): Автореф. дис. на соискание науч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / М.В. Ромашова. – Пермь, 2006. – 29 с.
3. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945 – 1955) / М.Р. Зезина // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 127–136; Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР / М.Р. Зезина // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 58-67; Зезина М.Р. Без семьи: сироты послевоенной поры / М.Р. Зезина // Родина. – 2001. – № 9. – С. 82-87.
4. Подрезова Т.А. Социальная защита детей-сирот на Ставрополье в первые послевоенные годы [Электронный ресурс] // Университетские чтения 2006. Симпозиум 3. Секция № 5. Отечественная и зарубежная история. – URL: <http://pn.pglu.ru/index.php?m=odulesubject&function=printpage&pageid=1648&score=page>.
5. Бобровський А.С. Соціальна політика Радянської держави та її реалізація в Донбасі у 1943 – середині 1960-х років / А.С. Бобровський, В.М. Нікольський. – Донецьк: Норд-Пресс, 2008. – 245 с.
6. Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.424. – Оп.3. – Д.72. – Л.13.
7. Там же . Ф.Р-2852.– Оп.1. – Д.659. – Л.214; Ф.326. – Оп.4.– Д.513. –Л.12.
8. Там же. Ф.326. – Оп.7. – Д.840. – Л.112.
9. Госархив Луганской Народной Республики. – Ф.Р-1067.– Оп.4. –Д.453.– Л.1; Д.445. – Л.14; Госархив Донецкой Народной Республики.– Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.399. – Л.62.

10. Госархив Донецкой Народной Республики. – Ф.2852.– Оп.1. – Д.368. – Л.31(об.); Ф.326. – Оп.4. – Д.513. – Л.49.
11. Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-3307. – Оп.1. – Д.20. – Л.12(об.); Госархив Луганской Народной Республики. Ф.Р-1067. – Оп.4.– Д.445.–Л.26.
12. Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.326. – Оп.4. – Д.513. – Л.99.
13. Госархив Луганской Народной Республики. Ф.Р-1067. – Оп.4. – Д.445. – Л. 25; Ф.П-179. – Оп.3. – Д. 550. – Л.38.
14. Большевик. Орган Славянского городского и районного комитетов КП(б)У и городского и районного Советов депутатов трудящихся Сталинской области. – 1952. – 4 апреля.
15. Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.326. – Оп.4. – Д.513. – Л.99; Ф.Р-2794. – Оп.1. – Д.442. – Л.294-295; Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.407. – Л.115.
16. Подсчитано автором по: Госархив Луганской Народной Республики. Ф.Р-2519. – Оп.10. – Д.166. – Л.40; Д.214. – Л.26; Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-4249. – Оп.3. – Д.4157. – Л.2; Д.5710. – Л.12; Д.6184. – Л.3.

УДК 930.2+39:811.1/.2

М.И. Агаркова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m.agarkova@donnu.ru

СТАНОВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ В ПАРАДИГМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация

Рассматривается история становления и развития сравнительно-исторического языкознания в России, в частности, метода «ученой реставрации» в отечественной филологии и истории XIX-XXI вв. Существующие на данный момент исследовательские подходы и стратегии, типология источников в сфере лингвистической палеонтологии культуры – дисциплины, которая рассматривает возможности реконструкции древних культур по данным языков, интересны в контексте современной интеллектуальной истории, которая превращается в сферу междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: *сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая компаративистика, индоевропеистика, лингвистическая палеонтология культуры, интеллектуальная история, история идей.*

Summary

The article considers the history of the formation and development of comparative historical linguistics in Russia, in particular, the method of "scientific restoration" in Russian philology and history of the XIX-XXI centuries. The currently existing research approaches and strategies, the typology of sources in the field of linguistic paleontology of culture, a discipline that considers the possibilities of reconstructing ancient cultures from the data of languages, are interesting in the context of modern intellectual history, which is turning into the field of interdisciplinary research.

Keywords: *comparative historical linguistics, linguistic comparative studies, Indo-European studies, linguistic paleontology of culture, intellectual history, history of ideas.*

Исследователи в области индоевропеистики неоднократно подчеркивали, что, имея дело с локализацией дописьменной исторической общности, ценность любой другой дисциплины, например, археологии, будет зависеть от того, насколько реконструированные лингвистические единицы могут быть соотнесены с археологическими свидетельствами. Таким образом, решение, выходящее за пределы лингвистики, базируется на тех или иных предположениях, которые, в свою очередь исходят из трудно доказуемых предпосылок. Одной из научных

проблем, для которых очевидна необходимость применения лингвистических, археологических и ряда других источников, является проблема поиска индоевропейской прародины и древнейших миграций индоевропейских народов.

Эти задачи впервые были поставлены языковедами, поскольку именно они обратили внимание на родство современных и древних индоевропейских языков, разделенных тысячелетиями и удаленных друг от друга на тысячи километров. Это можно было объяснить лишь тем, что все эти языки происходят от одного праязыка, на котором когда-то разговаривало этнически разнородное население небольшого компактного региона.

В целом индоевропейская проблематика является проблемой мультидисциплинарной. Стремление к междисциплинарному синтезу, к целостному знанию становится определяющей чертой исторической науки на рубеже XX–XXI вв. Преодолев вызовы постмодернизма и доказав отличие исторического сочинения от литературного, историки всего мира попытались вернуть себе объективность, повсеместно создавая «новые истории», в том числе новую интеллектуальную историю, переориентируя фокус исследования с истории идей на личность самого интеллектуала, на изучение обстоятельств, влияющих на исследователя, и автора, влияющего на контекст времени [1].

Цель данной статьи – показать перспективы изучения истории идей ученых-индоевропейцев в России в качестве новой исследовательской парадигмы интеллектуальной истории на современном этапе. В русле общей историографической ситуации человек помещается в контекст трехуровневого комплекса «индивидуальное-социальное-всеобщее» [2], он рассматривается как обладатель и коллективного, и индивидуального сознания в их системном единстве и конкретном личностном воплощении [3], ярко проявляющемся в созидательной/творческой деятельности.

В связи с бурным развитием различных направлений описательного языкознания – структурально-функциональной лингвистики, теории перевода, теории информационных языков, лингвостатистики, генеративной грамматики, трансформационной грамматики и т.д. – создается мнение, якобы сравнительно-историческое языкознание исчерпало свои возможности и является «пройденным этапом» в развитии современного теоретического языкознания. Это мнение может быть оправдано лишь в том понимании, что в XIX в., когда собственно и возникла компаративистика на основе сопоставления отдельных индоевропейских языков, в этой области было сделано значительно больше открытий, чем в XX в. Надо, однако, не забывать, что почти каждая наука развивается неравномерно, и периоды бурного накопления новых фактов и блестящих обобщений чередуются с периодами длительного и незаметного для широкой общественности кропотливого процесса обработки материала. Такие периоды часто характеризуются сериями интересных исследований с далеко идущими выводами, которые, накапливаясь, создают условия для дальнейших периодов бурного развития. Значительными достижениями в области сравнительно-исторического языкознания, в частности в области исследования отдельных групп индоевропейских языков, а также

тюркских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков, характеризуются особенно отечественное языкознание, хотя развитие компаративистики в нашей стране было в определенной степени заторможено в сравнении с подобными исследованиями на Западе.

Одним из предвестников сравнительно-исторического языкознания является флорентийский путешественник и купец Ф. Сассетти (1540 – 1588 гг.), проживавший последние пять лет своей жизни в Индии и обративший внимание на поразительное сходство числительных латыни, индийского и итальянского языков, написавший об этом письма, однако не сделавший научных выводов, а лишь констатировавший сам факт схожести санскрита и европейских языков. В России же на протяжении XVII-XVIII вв. в основном шло накопление фактов и приемов описания в рамках старых идей, но некоторые ученые (больше философы, чем собственно лингвисты) высказывали и принципиально новые теоретические положения, постепенно менявшие общие представления о языке. Основателем первой русской филологической школы по праву считается М. В. Ломоносов, предвосхитивший основателя семиологии и структурной лингвистики, Ф. де Соссюра. Обращая внимание на связь языка с другими продуктами культуры – наукой, искусством, нравственностью и политикой – М.В. Ломоносов излагает свои лингвокультурологические воззрения [4]. В своей «Российской грамматике» ученый определил родственные связи славянских и балтийских языков и, основываясь на лексических и грамматических явлениях, высказал мысль об их общем происхождении [5]. Этим самым ученый заложил основы генеалогической классификации языков – ядра индоевропеистики, что было большим достижением для его времени.

В 1784 г. русская императрица Екатерина II заинтересовалась идеей о единстве всех мировых языков и занялась их сравнением, предоставив материалы своего изучения историку и лингвисту Л.И. Бакмейстеру [6]. Начиная со службы в Академической гимназии, последний занимался переводами, а в 1773 г. приступил к сравнительному изучению языков, исходя из сравнения только лексики и грамматики – принципа, положенного в основу лингвистической компаративистики [7]. В апреле 1785 г. Екатерина II привлекла к работе по сравнительному языкознанию П.С. Палласа – знаменитого немецкого и русского ученого-энциклопедиста, естествоиспытателя и путешественника. П.С. Палласом были составлены программа и анкета для сбора материала и сравнительного анализа языков народов России и всего мира. Анкета была разослана не только администраторам российских провинций, но и в Европу, Китай, Бразилию и Северную Америку, где президент Джордж Вашингтон поручил губернаторам Соединенных Штатов собирать материалы для ученых занятий русской императрицы. Предполагалось, что данное исследование могло бы «привести к решению о существовании одного первобытного языка». При этом особое внимание следовало обратить на языки «внутренней Азии» – области, которую П.С. Паллас считал очагом происхождения человеческого рода.

Примечательно в контексте постнеклассического подхода к изучению интеллектуальной истории, возвращение в историю идеи биографии автора, его целей, переживаний, а также понимание времени, в котором он творил. Такой контекстуальный подход помогает определить изучаемый объект, а также ответить на вопрос: почему именно в это время, именно в этой стране, городе, социальном институте, сословии, семье появилась та или иная идея [8]. Русским «пионером» индологии, по праву является лингвист, театральный деятель, переводчик, музыкант Г.С. Лебедев. Будучи странствующим музыкантом-исполнителем, он жаждал посетить Бенгалию, которая манила «наиболее смелого рода предприимчивых людей», в число которых Г.С. Лебедев включал и себя [9]. Обратившись с просьбой о протекции к цесаревичу Павлу Петровичу и его жене Марии Федоровне, в качестве цели путешествия Герасим Степанович указал изучение Индии и ее языков, самообразование, принесение посильной пользы Отечеству. В результате, исследователем были собраны и опубликованы материалы, вошедшие в «Грамматику чистых и смешанных восточноиндийских диалектов...» [10], в которой автор попытался объединить европейскую и индийскую грамматические традиции – наряду с европейскими грамматическими терминами приводил санскритские в бенгальском произношении [11]. Работы Г.С. Лебедева, посвященные индийским языкам и культуре, носят характер практических пособий, описательны и почти не содержат элементов исследования, но в то же время демонстрируют увлеченность автора, его особенный подход к изучению Индии, отличный от общепринятого в то время евроцентристского.

Величайший историк и лингвист Ф.П. Аделунг родился в Пруссии, но в двадцатишестилетнем возрасте переехал в Россию, где жил и трудился на поприще науки, сосредоточившись преимущественно на библиографических, лингвистических и археологических исследованиях. Ему мы обязаны созданием первой в России библиографии изучения санскрита, а также исследованиями в 1811 г. сходств и различий между русским языком и санскритом [12]. Ученый призывал исследовать свойства языков опираясь на изучение истории их носителей.

Мысли Ф.П. Аделунга развивал языковед, профессор и декан нравственного факультета Императорского Харьковского университета И. Ф. Тимковский. На основе своих исследований, ученый аргументировано доказывал родство славянских и кельтских языков, славянских языков и санскрита, чему посвящена работа «Опытный способ к философическому познанию российского языка» [13].

Уже на начальном этапе становления сравнительно-исторического языкознания в России объектом исследований становились не только проблемы зарождения, развития и функционирования языка, но и его структура, система, природа, принадлежность к различным общественным явлениям, взаимосвязь между языком и речью, между различными уровнями языка, что сделало лингвистические разработки серьезным вкладом в круг проблем, которые решает этническая история [14].

К числу основоположников сравнительно-исторического метода в языкознании относятся немецкий языковед Фр. Бопп, датский лингвист Р. Раск,

немецкий философ Я. Гримм) и русский филолог-славист А.Х. Востоков. Его труд «Размышления о славянском языке» (1820 г.) является фактически первой работой по исторической фонетике одной из групп индоевропейских языков. Его значение заключается как в тех конкретных выводах, которые сделаны по отношению к славянским языкам (периодизация истории славянского и русского языков, отношения древнерусского языка и церковнославянского, польского и сербского), так и в определении методов исторического изучения близкородственных языков. Исследователь сопоставил грамматические формы живых славянских языков с фактами старославянского языка, что было абсолютно новым и оригинальным и стало ценным вкладом в мировое языкознание.

В русском языкознании начала XIX в. прочно утверждалась мысль о необходимости изучения русского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками. Развитию сравнительного изучения языков в России в начале XIX в. содействовал интерес к изучению памятников церковнославянской письменности.

Во второй половине XIX в. главная роль в российской лингвистической науке принадлежала московской школе, которая сложилась вокруг Ф.Ф. Фортунатова, главным кругом интересов которого была сравнительная грамматика индоевропейских языков, что нашло свое отражение в работах «Общий курс сравнительного языкознания», «Сравнительная фонетика индоевропейских языков», «Лекции по сравнительной морфологии индоевропейских языков» [15]. Исследователь считал, что можно изучить языки путем их сопоставления и на основании определения внешнего сходства и различия. Огромная заслуга Ф. Фортунатова заключается в том, что он рассматривает слово как важнейшую единицу языка и берет ориентацию не на семантику, а на формальные показатели. Как у классического компаративиста, интерес Ф. Фортунатова направлен на фонетику и морфологию.

Неким конкурентом московской лингвистической школы выступила казанская школа, объединившая языковедов, работающих в Казанском университете в 1875-1883 гг. под руководством русского лингвиста польского происхождения, ставшего, в последствии, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, И. А. Бодуэна де Куртенэ. Предвосхитив Ф. де Соссюра, Иван Александрович разработал «социологическую модель языка», где главными являются не «звуковые законы», а психологические и физиологические явления.

В процессе становления сравнительного исторического метода были выдвинуты некоторые его принципы, которые до сих пор остаются незыблемыми: сравнительный исторический метод можно применять только к родственным языкам; основным материалом исследований должны быть древнейшие зафиксированные языки (санскрит, древнегреческий язык); компаративистика должна опираться на фонетику и морфологию, как на экспериментальную базу.

В начале XX в. русские ученые выявляют многочисленные заимствования в индоевропейских языках, исследуют процессы дивергенции и конвергенции. Место теории родословного дерева и единого праязыка, близкого к санскриту,

занимает теория диалектного континуума Н.С. Трубецкого[16]. Ученый приходит к выводу, что праиндоевропейского языка могло и не существовать, поскольку все языковые (словарные и грамматические) элементы, встречаемые в нескольких индоевропейских ветвях, могут быть не заимствованиями, а, напротив, приобретенной схожестью, вызванной постоянными контактами носителей языков. Н.С. Трубецкой обращает внимание на то, что в истории часто процессы конвергенции и дивергенции переплетаются друг с другом.

У истоков сравнительно-исторического языкознания в России стояли М.В. Ломоносов, Л.И. Бакмейстер, П.С. Паллас и др. Основные достижения первого периода развития индоевропеистики (XVIII – нач. XIX вв.) – определение круга индоевропейских языков, определение сходств и различий между русским и санскритом, и другими языками индоевропейской языковой семьи. Второй период (XIX в.) отмечен работами Ф.П. Аделунга, И.Ф. Тимковского, А.Х. Востокова и др. демонстрирует появление новых вариантов сравнительной грамматики, интерпретации родства индоевропейских языков как результата их происхождения от общего праязыка. Третий период (конец XIX – начало XX в.) связан с работами Ф.Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др., которые выдвинули вопрос надежности соотношений и разработки жестких критериев, что привело к открытию ряда лингвистических законов.

В дальнейшем, развитие сравнительно-исторического языкознания в России характеризуется расширением исследуемого материала, разработкой критериев реконструкции; новыми гипотезами относительно диалектического членения праиндоевропейского континуума и его генетических связях.

Ссылки и примечания:

1. Ноздринов В.В. Перспективы интеллектуальной истории в рамках новых направлений историографии // Научная мысль Кавказа. – № 1. – 2017. – С.87–90.
2. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
3. Поршнева О.С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. – № 2 (39). – С. 128 – 141.
4. Даниленко В.П. Лингвокультурологические воззрения М.В. Ломоносова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. № 1 (13). – С. 247 – 255.
5. Рыжков Л.Н. О древностях русского языка. – М.: Древнее и Современное, 2002. – С. 17.
6. Генидзе Н.К. История лингвистических учений: сравнительно-историческое языкознание и младограмматизм: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – С. 6.

7. Foertsch H. Missionarsmaterialien und die Entdeckung amerikanischer Sprachen in Europa: Vom Sprachensammler Lorenzo Hervás y Panduro zum Linguisten Wilhelm von Humboldt (нем.) // Sammeln, Vernetzen, Auswerten : Missionare und ihr Beitrag zum Wandel europäischer Weltsicht / Hrsg. von R. Wendt. Tübingen: Narr, 2001. – S. 75–130.
8. Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. – М.: Наука, 1989. – С. 80.
9. Лебедев Г.С. Меморандум // Исторический архив. – 1956. – № 1. – С.161 –169.
10. Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Г.С.Лебедев (1749-1817) // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Т. 2. – С.36 –73.
11. Агаркова М.И. Лингвистическая компаративистика в России: история становления // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Междунар. научн. конф. – Т.7. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С.128 – 130.
12. Алпатов В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – С. 250.
13. Никитин О.В. Илья Федорович Тимковский и его «Опытный способ к философическому познанию российского языка» // образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс] – URL www.portal-slovo.ru/philology/43832.php (дата обращения: 12.10.2022)
14. Березин К.С. Общее языкознание. – М.: Альянс, 2000. – С.32.
15. Рыжков Л.Н. О древностях русского языка. – М.: Древнее и Современное, 2002. – С.14 – 15.
16. Бескровный В.М. Из истории изучения живых индийских языков России в XIX веке // Вестник Ленинградского университета. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. – № 8. – С. 42.

УДК 93/94(3), 908

Д.А. Ющенко

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный университет»

e-mail: yuschenko.d@gmail.com

БЕРЕГОВОЕ ПРАВО В АЗОВСКОМ МОРСКОМ БАССЕЙНЕ В XIII-XV ВВ.: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА И ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БЕРЕГОВОГО ПРАВА

Аннотация

*В данной работе рассматриваются основные вехи развития обычая берегового права, начиная с появления *lex Rhodia de iactu* (VII-IX вв.) и до конца XIV века, который ознаменовался глобальными изменениями в морском деле. Географический регион охватывает практически всю средневековую ойкумену, в то же время особое внимание уделяется использованию береговых норм и законов в империи Великих Моголов и в Улусе Джучи, как пример интеграции государств в международное юридическое поле. Внимание автора акцентируется на эволюции и рецепции берегового права, связанного с изменением геополитической ситуации в мире.*

Ключевые слова: береговое право, Средние века, Золотая Орда, Улус Джучи, Приазовье, ярлык

Summary

*This paper examines the main milestones in the development of the custom of coastal law, starting with the appearance of the *lex Rhodia de iactu* (VII-IX centuries) and up to the end of the XIV century, which was marked by global changes in maritime affairs. The geographical region covers almost the entire medieval ecumene, at the same time, special attention is paid to the use of coastal norms and laws in the Mughal Empire and in the, as an example of the integration of states into the international legal field. The author's attention is focused on the evolution and reception of coastal law related to the changing geopolitical situation in the world.*

Keywords: coastal law, Middle Ages, Golden Horde, Jochi Ulus, Azov region, label

Работа выполнена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР РФ.

Введение

С развитием человеческого общества закономерно формируются положения обычного права, регламентирующего сферы общественных отношений. Дальнейшее развитие цивилизаций и достижения во всех областях экономической, политической и социальной жизни, в свою очередь формирует новые права и обязанности людей, приводит к оформлению права. Культурные контакты, которых на Европейском континенте становится все больше, начиная с Великого переселения народов, выявили еще более узкоспециализированные аспекты отношений между отдельными социальными группами и государствами. Одной из сфер права стало мореплавание, которое позволило расширить ойкумену и ускорить развитие экономических контактов. Морские законы существовали еще в античности, однако некоторые исследователи отмечают, что зачастую они были заимствованы из обычного права и приведены в жесткие рамки, связано это было с необходимостью обезопасить торговые взаимоотношения. Первые из таких законов приписывают Родосу, с развитием торговых домов связано создание свода морских законов – *lex Rhodia de iactu*, однако другие предполагают, что такое название они получили из-за того, что Родос был крупным морским государством, в то время как Рим своего флота не имел, и понятие *lex Rhodia* следует трактовать как «по-родосскому принципу» [1]. Тем не менее, как бы мы ни толковать само название свода, он включает в себя определённые принципы взаимоотношений между *vector* (владелец товара, лат.) и *magister navis* (капитан корабля, лат.), описывает риски и материальные обязательства, которые связаны с транспортировкой товара и обязанностями сторон в случае форсмажоров. В области морского права под береговым правом имеется ввиду обычай, в силу которого, владелец береговой линии присваивал себе все, что выбрасывается на берег. При этом, материальные ценности могли либо выноситься морем, либо оказаться на берегу в случае непосредственного кораблекрушения. Гибель корабля даровала владельцу берега не только ценности, но и экипаж с пассажирами, несмотря на то, живые были они или нет. Живые попадали в плен и обращались в рабов, а мертвых грабили догола, в исключительных случаях, за пленника или тело, могли получить выкуп. Так как многие прибрежные правители отрицали право сервитута, морские крушения становились их прямым доходом. В данном случае, уповать на стихию не стремились. Крушения устраивались умышленно, например, установкой маяков и сигнальных огней в заведомо опасном месте [2]. В некоторых странах береговое право предусматривало отсрочку в случае, если владелец имущества заявит о себе, еще более редкие случаи связаны с взиманием подати с кораблевладельца, чей корабль потерпел крушение.

Законодательная база и практика берегового права в Средиземноморском бассейне в средние века

В странах Средиземноморья береговое право оформилось уже в XI в. В силу того, что нечестное применения берегового права наносило ущерб, сравнимый с морским пиратством, и противоречил христианской морали, долгое

время различные общественные структуры пытались его нивелировать. В *Maritime Ordinances of Trani*, написанном в 1063 году кодифицируются действия в случае обнаружения материальных ценностей:

«**XIX** These wise consuls of the sea propound and say and define, that if any person find goods on the sea, which are floating, it shall be lawful for him to take them and deliver them up to the court and give a written list of them within three days, after he has found them and taken them. And of those goods so recovered he shall have the half if the owner of them is found. And those goods shall remain in the hands of the court thirty consecutive days. And if at the end of thirty days the owner shall not appear, nor any lawful person on his behalf the goods shall belong to him, who has found them». (**XIX** Эти мудрые морские консулы утверждают, говорят и определяют, что если кто-либо найдет в море товары, находящиеся на плаву, то он имеет законное право взять их и доставить в суд и составить письменный список о них в течение трех дней после того, как он их нашел и забрал. И из этих возвращенных таким образом вещей он получит половину, если найдется их владелец. И эти товары должны оставаться в руках суда тридцать дней подряд. А если по истечении тридцати дней не явится ни собственник, ни какое-либо законное лицо от его имени, то товары принадлежат тому, кто их нашел) [3, p. 524-543].

Стоит обратить внимание, что ценности, найденные под водой, то есть остатки кораблекрушений, регулировались иной статьей кодекса:

«**XX** The aforesaid consuls propound, say, and define, that if any person finds goods under water, two thirds of them shall belong to him, who has found them, and one third of those goods shall be given up to the owner in the case of goods which have a mark upon them». (**XX** Упомянутые консулы утверждают, говорят и определяют, что если кто найдет под водой товары, то две трети из них принадлежат тому, кто их нашел, а одна треть этих товаров отдается собственнику в случае товаров, на которых есть клеймо) [4].

Очевидно, что данные статьи соблюдались крайне редко, только в случае честной передачи найденного товара, при присутствии клейма исконного владельца.

Законодательная база и практика общеевропейского берегового права в средние века

Закон, обязывающий сообщать о находке за вознаграждение, фактически не работал. В ряде случаев эпизоды нарушения берегового права прямо осуждалось церковью, но так же безрезультатно. В XII в. был составлен еще один кодекс морского права, который действовал на территории всей Европы – «*Roles d'Oleron*». Он регламентировал взаимоотношения владельца корабля, купца, арендатора, матросов и пассажиров. Он также регулировал имущественные отношения на корабле в случае различных возможных форс-мажоров. Конечно же, материальную составляющую, которая волновала крупные торговые дома, этот Закон полностью урегулировать не мог. В нем осуждалось береговое право,

независимо от того, кто был инициатором разграбления – лорд или пират, он должен был быть строго наказан. Рассмотрим основные статьи Закона.

«**Article XXX.** If a ship or other vessel entering into harbor, happens by misfortune to be broken and perish, and the master, mariners and merchants, which were on board her, be all drowned; and if the goods thereof be driven ashore, or remain floating on the sea, without being sought after by those to whom they belong, they being ignorant of this said disaster, and knowing nothing thereof in this most lamentable case, the lord of that place or country ought to send persons to save the said goods, which he ought to secure and to put into safe custody; and give the relations of the deceased persons who were drowned, notice of it, and to satisfy for the salvage thereof, not out of his own purse, but of the goods saved, according to the hazards run, and the pains taken therein; and what remains must be kept in safe custody for one year or more; and if in that time they to whom the said goods appertain, do not appear and claim the same, and the said year be fully expired, he may publicly sell and dispose thereof to such as will give most, and with the monies proceeding of the sale thereof, he ought to give among the poor, and for portions to poor maids, and other charitable uses, according to reason and good conscience. But if he assumes the said goods either in whole or in part unto himself, he shall incur the curse and malediction of our mother the holy church, with the aforesaid pains and penalties, without ever obtaining remission, unless he make satisfaction». (Если корабль или другое судно, вошедшее в гавань, по несчастью разобьется и погибнет, а капитан, матросы и купцы, находившиеся на нем, все утонут; и если имущество будет выброшено на берег или останется в море, и его не разыщут те, кому оно принадлежит, то сеньор этого места или страна должна послать людей, чтобы спасти упомянутые товары, которые он должен сохранить и поместить под надежное хранение; и сообщить об этом родственникам умерших, которые были утоплены, и получить компенсацию за его спасение не из своего собственного кошелька, а из спасенного имущества, в зависимости от опасностей и усилий, предпринятых при этом; а то, что осталось, должно храниться в надежном месте в течение одного года или более; и если в течение этого времени те, кому принадлежат указанные товары, не явятся и не потребуют их, а указанный год полностью истечет, он может публично продать и распорядиться ими тому, кто даст больше, и часть деньги, полученных при продаже он должен потратить на благотворительность раздавать бедным и на порции бедным девицам, а также на другие благотворительные нужды, согласно разуму и доброй совести. Но если он присвоит себе указанные блага полностью или частично, то навлечет на себя проклятие нашей Святой церкви, с вышеупомянутыми муками и наказаниями, никогда не получая прощения, если только не выплатит компенсацию) [5].

Очевидно, что упомянутый выше отрывок регламентировал лишь формальное право, фактически ситуация с крушениями кораблей зачастую была иная. Даже угроза смертной казни не действовала на преступников.

«**Article XXXI.** If a ship or other vessel happens to be lost by striking on some shore, and the mariners thinking to save their lives, reach the shore, in hope of help,

and instead thereof it happens, as it often does, that in many places they meet with people more barbarous, cruel, and inhuman than mad dogs, who to gain their monies, apparel, and other goods, do sometimes murder and destroy these poor distressed seamen; in this case, the lord of that country ought to execute justice on such wretches, to punish them as well corporally as pecuniarily, to plunge them in the sea till they be half dead, and then to have them drawn forth out of the sea, and stoned to death». (Если случается, что корабль или другое судно погибает, ударившись о какой-нибудь берег, и моряки, думая спасти свою жизнь, достигают берега в надежде на помощь, а вместо этого случается, как это часто бывает, во многих местах встретиться с людьми более варварскими, жестокими и бесчеловечными, чем бешеные собаки, которые, чтобы получить свои деньги, одежду и другие товары, иногда убивают и уничтожают этих несчастных бедствующих моряков; в этом случае сеньор этой страны должен осуществить правосудие над такими негодьями, наказать их как телесно, так и материально, погрузить их в море до полумертвого состояния, а затем вытащить их из моря, и забить камнями до смерти) [6].

Стоит отметить, что часто в крушении корабля была виновата не стихия, или умышленное решение действие владельца участка берега, а действия самой команды корабля. Специально повреждая основные части судна, либо наводя его на заведомо непроходимый берег, матросы преследовали цель наживы. Связано это было с тем, что за испорченный или потерянный в ходе крушения товар, с них не снималась оплата, материальная ответственность лежала лишь на владельцах ценностей, причем платили они, деля сумму ущерба поровну [7]. В морских кодексах, безусловно, это осуждалось, но часто преступление было недоказуемо.

Законодательная база и практика берегового права в западных улусах Золотой Орды

Со временем, морское право реципировалось в кодексы стран, которые интегрировались в международные отношения. Например, рассматривая Великую Ясу Чингисхана, мы не увидим прямых законов, касающихся морского или берегового права [8]. Но мы хорошо знаем нормы Ясы, которые карали за посягательство на чужое имущество – «Любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих; за нарушение – смертная казнь» [9, с.286]. Плано Карини, во время своего путешествия составил детальное описание быта и норм жизни. Он писал следующее: «Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления» [10, с.343]. И если рассматривать его описание жизни монголов, то в отличие от Европейских стран закон здесь уважали и боялись сильнее - «Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками» [11]. Суровый закон монголов распространялся на все слои населения, независимо от

положения человека в иерархии. «Уличенного преступника должен карать каждый, без различия знатности, возраста или чина. Уклонение от наказания приравнивается к соучастию» [12, с.293]. Если же говорить об утерянных вещах, то Плато Карпини отмечал, что в случае, если вещь была потеряна, хозяин вещи может ее беспрепятственно забрать, если же с вещью что-то произошло во время ее хранения, это расценивалось как воровство, и кару можно было избежать, заплатив десятикратную стоимость [13, с.343]. Недопустимо также присваивание вещей умершего и передачу их в казну. В таком правовом пространстве нормы европейского берегового права теряли смысл.

С децентрализации империи Чингисхана, на территориях, которые были переданы его сыновьям и их потомкам, правовое регулирование жизни разнилось [14]. При этом нормы права по-прежнему основывались на Великой Ясе [15]. В локальных документах уже можно встретить региональные особенности. В зоне постоянного контакта с европейцами появляются прецеденты смешанного права, отражающие реальности совместной социально-экономической жизни.

Так, во втором ярлыке хана Джанибека венецианским купцам Азова 1347 года, помимо разграничения прав генуэзцев и венецианцев в акватории морей, описывались имущественные отношения: «Наше, Джанибека, слово, сохраняющее силу и на море: Когда на ваших, венецианских, навах и галях перевозятся мусульманские паломники и торговцы, пусть не причиняются им насилие и ущерб. Вам не следует причинять ущерб и по отношению к приморским селениям Монгольского государства. Если же кто-нибудь из венецианцев причинит ущерб нашим подданным, вы сами должны разыскать, захватить и выдать преступника нам. В случае, если вы не в состоянии его схватить, вам надлежит известить об этом нас, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, а старший брат — за младшего» [16]. Таким образом, фактически отменялось давнее право присваивания себе выброшенного на берег имущества, которое было заимствовано из исламских государств Ордой [17]. «Если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в море крушение, то ни население Азова, ни другого города, ни кто-либо еще не имеют права похищать выброшенные морем вещи, наносить им ущерб и даже притрагиваться к ним» [18]. Ярлык направлен на охранение венецианской собственности, что ясно указывает на инициаторов этих правовых новелл. Данное ханское распоряжение стало частью распространявшегося прецедентного права, и по своей сути, стало общеобязательным для исполнения всех категорий населения. Интересно то, что в этот же период времени (XIV в.) запрет на присваивание чужого имущества, вынесенного на берег в результате стихийных бедствий, принимается в Новгороде и странах Балтии [19].

Заключение

Таким образом, можно сказать, что унификация и рецепиация берегового права происходит на большей территории ойкумены, связано это с укоренением

дипломатических взаимоотношений, которые влекли за собой обязательства между государствами-партнерами. Признание законодательной базы европейских стран в области берегового права было важным элементом политической культуры Золотой Орды, продиктованным установлением устойчивых экономических отношений со Средиземноморьем. Исламизация Золотой Орды сопровождалась дальнейшим развитием правовой базы [20], как видим, с заимствованиями из европейской правовой базы. Новый, мирный формат отношений между правительствами, приводит к иному формату ведения внешней политики, которая отныне сосредоточена не столько на территориальных завоеваниях, сколько на геополитическом влиянии, основанном на праве. Азовский морской бассейн в XIII-XV вв. полностью входил в правовое поле берегового права.

Ссылки и примечания:

1. Шевро Э. *Lex Rhodia de iactu*: Пример рецепции иноземного института в римском праве // *Древнее право: Научно-практический журнал*. No. 1 (31). – М.: ИД В. Ема, 2015. С.152-170.
2. *The Rules of Oleron*: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admiraltylawguide.com/documents/oleron.html> (Дата обращения 15.04.2022).
3. Twiss T. IV *The Black Book of Admiralty*. – London: Longman, 1871. 635 p.
4. Там же.
5. *The Rules of Oleron*: ...
6. Там же.
7. Там же.
8. Трепавлов В.В. История и историческое время у позднесредневековых кочевников Евразии // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001. – М., 2003. – С. 191 – 203.
9. Чингис-хан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. – М.: ЭКСМО. 2021. – 286 с.
10. Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны/ Перевод А.И.Малеина. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957, – 321 с.
11. Там же.
12. Чингис-хан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса...
13. Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны...

14. Ванчикова Ц.П. Монгольские правовые памятники и история их изучения // Мункуевские чтения–2: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2004. – С. 23-36.
15. Юрченко А.Г. Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica VI. М., 2002. – С. 160–190.
16. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека венецианским купцам Азова от 1347 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.Н.Дьяков. – СПб., 1995. Вып. 15. – С. 36-83.
17. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. – М., 2001. С. 172–196.
18. Там же.
19. Клейненберг И.Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X–XII вв. берегового права // Правоведение. 1960. № 2. – С. 158 – 161.
20. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 177-185.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (728.3) «1982/1989»

А.В. Бредихин

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Р.Н. Коваленко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kovalienko-86@mail.ru

ГОНДУРАС В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация

В статье исследованы и комплексно проанализированы особенности политического развития Гондураса в 1982–1989 гг., определена его роль в Центральноамериканском конфликте.

***Ключевые слова:** Гондурас, Центральноамериканский конфликт, США, источник дестабилизации.*

Summary

The article explores and comprehensively analyzes the features of the political development of Honduras in 1982-1989, and its role in the Central American conflict is determined

***Keywords:** Honduras, Central American conflict, USA, source of destabilization.*

Конфликт в Центральной Америке шагнул далеко за свои географические границы, несмотря на низкую интенсивность. Интерес вызывают не только последствия, которые могли возникнуть в случае его эскалации, но и политика различных сторон конфликта, применяемая ими для достижения своих целей в конкретных обстоятельствах.

Целью данной статьи является определение и исследование особенностей политического развития Гондураса в 1982 – 1989 гг. в условиях Центральноамериканского конфликта. Для выполнения данной задачи необходимо раскрыть основные тенденции политического развития Гондураса в указанный период, установить взаимосвязь внутренних, региональных и международных процессов, влияющих на конфликт в Центральной Америке, а также определить роль Гондураса в этом конфликте.

При написании статьи были использованы данные из периодических изданий и мемуаров непосредственных участников событий. Так, в работе Вентура Рамоса освещается сотрудничество властей США и Гондураса в течение рассматриваемого периода [1], а в книге Эдгардо Паса Барники, бывшего министром иностранных дел Гондураса в 1982 – 1986 гг., отражен взгляд официальных властей на течение Центральноамериканского конфликта [2]. В статьях периодических изданий «TIME» [3] и «Latin America Weekly Report» [4] дана актуальная, современная оценка громким политическим событиям того периода, касающихся Центральноамериканского региона. На страницах журнала «Латинская Америка» публиковались репортажи, аналитика региональных обозревателей и экспертов, а также интервью с политическими деятелями [5 – 6].

13 июня 1983 года американский еженедельный журнал «TIME» опубликовал интервью с Президентом Гондураса Роберто Суазо Кордова, вступившим на пост 27 января 1982 года, и главнокомандующим вооруженными силами Гондураса Альваресом Мартинесом. В этих интервью оба подтвердили соблюдение властями законов государства, а также опровергли информацию о том, что правительство страны, якобы, является, лишь фасадом для тех, кто обладает действительной властью [3].

Роберто Суазо Кордова – лидер Либеральной партии, которая на протяжении многих лет состояла в оппозиции к реакционным военным режимам Гондураса, что немало способствовало победе этой партии на выборах в ноябре 1981 года. После прихода к власти он поставил цель: демократизация общественной жизни страны, возвращение военных к своей профессиональной деятельности с отказом их от участия в политике.

К середине 1982 года главнокомандующий вооруженными силами Гондураса Альварес Мартинес играл одну из главных ролей в стране. После подписания с правительством США договора о взаимопомощи в Гондурасе началось значительное усиление силового блока. 23 августа 1982 года силами безопасности была проведена контртеррористическая операция в пригороде Тегусигальпы, заселенном, в основном, представителями среднего класса, которая, по сути, являлась мероприятием по ликвидации внутренних «подрывных сил» [4].

Вместе с тем в стране усиливалось присутствие вооруженных сил США. Здесь находились американские военные базы, к 1985 году военный контингент увеличился до 1 500 человек [5, С.13]. В 1986 году Генеральный секретарь Коммунистической партии Гондураса заявил, что в разное время на базе в Пармероле насчитывается до 1 700 бойцов морской пехоты США и, кроме того, в распоряжении вооруженных сил Соединенных Штатов имеется до полутора десятков взлетно-посадочных полос, предназначенных, в том числе, и для грузовых самолетов [6, С. 19]. Помимо казарм, в Пармероле находились склад горючего, госпиталь и система радаров. С 1983 года в Гондурас направляется большой контингент, не менее 340 человек, американских инструкторов, осуществлявший подготовку армейских и контрдиверсионных подразделений, а

также летчиков. Начиная с этого периода, вооруженные силы Гондураса проводят на своей территории масштабные военные учения совместно с вооруженными силами США. Маневры «Биг пайн-II» длились более полугода, в разный период их проведения на территории Гондураса находилось до 6 тысяч американских военнослужащих, и более 1 тысячи солдат США остались здесь после завершения учений. В 1984 году были проведены морские маневры «Океанское приключение-84» и сухопутные учения «Релампаго-II», «Гренадеро-I», в 1987 году проводились военные маневры «Надежный Щит» и военно-воздушные учения «Пегас-87». По мнению автора, данные мероприятия позволяли США размещать свой военный контингент на территории Гондураса, а также усилить контроль и давление на приграничные государства [8, С. 38-39].

С 1981 г. по 1985 г. послом США в Гондурасе был Джон Негропonte, который являлся инициатором и принимал непосредственное участие в организации репрессивных операций батальона «3-16» и обеспечении деятельности «контрас». О его действиях стало достоверно известно, благодаря внутривластным процессам в США, когда кандидатуру бывшего посла в Гондурасе рассматривали для назначения постпредом при ООН в 2001 году, и сенаторам были представлены соответствующие документы Госдепартамента и ЦРУ [9 – 10].

Уже в 1988 году организация «Амнисти Интернейшнл» обладала доказательствами не просто сотрудничества представителей Госдепа США с репрессивными органами Гондураса, но и их основополагающей роли в организации деятельности батальона «3-16» [11]. Кроме того, фамилия Негропonte фигурировала в деле о покушении на Президента Кордова, которое было профинансировано за счет трафика кокаина в США на сумму 40 млн. долларов [12]. По мнению автора, скандалы, связанные с наркотиками, рост наркотрафика через Гондурас [13, С.91], как и скандал «Иран-контрас» в этот период, связаны с проблемами финансирования конгрессом политики Госдепа в Центральной Америке [14].

В этот период промышленность государства переживает достаточно острый кризис. В течение 1982 года в Гондурасе закрылось около 100 предприятий, остальные были загружены, в среднем, наполовину. Более 1 500 предприятий были закрыты за первую половину 1983 года, а безработица в этом же году достигла 66% [14, С. 16-17]. Экономическое положение страны ухудшалось на фоне падения инвестиций, коррупции и военной оккупации. К 1987 году внешний долг государства составлял около 3 млрд. долларов, из которых только в предыдущем 1986 году 200 млн. были получены от США [8, С. 40 – 41]. Госдеп США делал ставку на создание в Гондурасе хорошо управляемого силового блока под прикрытием демократического правительства с целью противодействия нежелательным процессам, как в самом Гондурасе, так и в Никарагуа, Сальвадоре и Гватемале.

Несмотря на такое состояние дел в государстве, либералы удостоились доверия большинства избирателей на выборах 1985 года. Возможно, благодаря

оригинальной системе определения победителя выборов, а также отставке и выдворению из страны в 1984 году Альвареса, который до самого конца пользовался полной поддержкой посла США [8], их представитель Аскона Ойо стал Президентом Гондураса. В августе 1987 года он в числе президентов остальных государств подписал гватемальские договорённости «Эскипулас-II», определявшие для Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа, Коста-Рики и Гондураса ряд мер по прекращению боевых действий, контролю за вооружением, а также по запрету поддержки нерегулярных воинских формирований. Несмотря на активизацию внутри страны политических сил, связанных с отставным генералом Альваресом и критикующих подписание гватемальских соглашений, обязательства Гондураса по урегулированию Центральноамериканского конфликта были подтверждены Президентом Аскона Ойо в декларации, подписанной в Сан-Хосе 16 января 1988 года.

При этом он сам после подписания «Эскипулас-II» встречался с лидерами «контрас», обещая им поддержку. Кроме того, после создания Комиссии национального примирения в Гондурасе, которое предусматривалось соглашениями «Эскипулас-II», Аскона Ойо заявил, что пошёл на это с целью недопущения обвинить Гондурас в невыполнении гватемальских договорённостей.

Такое противоречивое поведение Президента вполне вписывалось в сложившуюся к тому моменту внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Было заметно размывание политических границ между либералами и националистами, борьба велась уже на более локальных идеологических полях.

Экономическая группа «Континенталь», связанная с еврейскими общинами и военными Гондураса, поддерживала политический блок, критикующий США за поддержку «контрас». Однако эта группа боролась не против «контрас», а против того, чтобы их снабжением занималось ЦРУ, и при этом не возражала против поддержки их Израилем. Посредством подконтрольных СМИ эта группировка поддерживала «Эскипулас-II».

«Ассоциация за прогресс Гондураса», связанная с бывшим Президентом-либералом Кордова и генералом Альваресом, включала в себя представителей различных политических взглядов. Против «Эскипулас-II» от лица этого блока в правительстве выступал министр иностранных дел Лопес Контррерас. В парламенте две трети депутатов, возглавляемые Карлосом Мантойя, выступали за установление дипломатических отношений с СССР и порицали союз с США. Эта группа депутатов, в основном, поддерживала гватемальские соглашения, и при этом Карлос Мантойя политически сотрудничал с лидером ПН Рафаэлем Леонардо Кальехасом, одним из руководителей «Ассоциации за прогресс Гондураса» [16, С.14-16].

По мнению автора, большая, если не основная, часть политического сообщества Гондураса, вероятнее всего, та его часть, которая лоббировала интересы финансовых групп, действующих и зарабатывающих внутри страны

уже к 1987 году, осознавала всю опасность обострения Центральноамериканского конфликта.

В такой политической обстановке в 1989 году в Гондурасе прошли выборы и власть получили националисты, а Президентом стал Рафаэль Леонардо Кальехас, публично занимающий прагматичную политическую позицию и выступающий за выдворение «контрас» с территории Гондураса. В этом же году в Гондурасе были убиты генерал Альварес и Адан Ругама, один из руководителей «контрас» [13, С.89]. С 1981 г. по 1989 г. ежегодные военные расходы Гондураса увеличивались с 60,5 млн. до 138 млн. долларов, а в 1990 г., после подписанных годом ранее соглашений между правительствами Центральной Америки в Сальвадоре и Гондурасе, а также принятой Генасамблеей ООН резолюции, касающейся этих соглашений и «Эскипулас-II», резко снизились до 67 млн. долларов [17 – 18].

Таким образом, с 1982 года четко обозначается тенденция зависимости развития политики Гондураса от США. Ставка, главным образом, делалась на контроль силового блока правительства и армии. Здесь создаются репрессивные органы, размещаются американские военные контингенты и отряды «контрас», уделяется внимание военной инфраструктуре, на суше и в море проводятся совместные военные учения. Безусловно, нельзя забывать и об экономической зависимости Гондураса от США, кредитах и американских корпорациях, осуществлявших свою деятельность на территории этой страны, что так же являлось существенным рычагом влияния [8, С.40 – 41]. Гондурас становился одним из основных источников дестабилизации региона, что не могло, не отразиться на внутренней ситуации в стране.

Реализация этой политики в Гондурасе требовала финансирования конгрессом США, с чем у правительства Рейгана возникли проблемы уже не позже 1984 года, а попытки Госдепа изыскать ресурсы самостоятельно приводили к политическим скандалам и могли стоить администрации Рейгана очень дорого. Такая ситуация привела к ослаблению силовой политики в Гондурасе, а вместе с нарастанием недовольства внутри страны и с международной обстановкой, касающейся урегулирования Центральноамериканского конфликта, побудила правительство Гондураса во второй половине 1980-х годов перейти к сотрудничеству с силами, выступающими за мирное урегулирование.

Ссылки и примечания:

1. Ramos V. Honduras: Guerra y Anti-nacionalidad. – Tegucigalpa: Editorial Guaymuras, 1987. – 205 p.;
2. Paz E. 3 temas internacionales, – Tegucigalpa: Iberoamericana, 1986. – 248 p.
3. Time, 1983, No. 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,952007-1,00.html>; <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,952006,00.html>

4. Latin America Weekly Report, London, 1982, №36, p.3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.latinnews.com/ search.html?i d=80&ar chive=46097&search =WR-8 2-36](https://www.latinnews.com/search.html?i d=80&archive=46097&search =WR-8 2-36)
5. Строк И.Н. Противоборство в ЦА: политика США и освободительный процесс / И.Н. Строк // Латинская Америка, 1985, №2 – С.5 – 14.
6. Руш Р.П. Новые политические моменты и наши задачи / Р.П. Руш // Латинская Америка, 1986, №7 – С.18 – 25.
7. ООН, Совет Безопасности, Официальные Отчеты, 7.09.1984, №2557, Нью-Йорк, стр.5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.2557\(OR\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.2557(OR))
8. Морозов С.Ю. Гондурас на привязи Вашингтона / С.Ю. Морозов // Латинская Америка, 1987, №6, – С. 37 – 42.
9. Washington Post, April 12, 2005, Page A04 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com /wp-dyn/ articles/ A 44944-2005 Apr11.html>
10. Nomination of John Negroponte, statement of Sen. Chris Dodd, September 14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fas.org/irp/congress/2001_cr/s091401.html
11. “Disappearances” in Honduras: a wall of silence and indifference. Amnesty International. AI index: AMR37/02/1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amnesty.org/en/documents/amr37/002/1992/en/>
12. White House, PROFS (e-mail) message from Oliver North to John Poindexter, September 17, 1986 // National Security Archive. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nsarchive.gwu.edu/ document/ 16595-document-07- white-house-profs-e-mail-message>
13. Кузьмищев А.В. Гондурас на рубеже десятилетий / А.В. Кузьмищев // Латинская Америка, 1990, №4, – С.88 – 95.
14. NSC, National Security Planning Group Minutes, "Subject: Central America," June 25, 1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22302-01-nsc-national-security-planning-group-minutes>
15. Торрес Л.О. Гондурас в период Центральноамериканского конфликта (1979-1989 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, – Москва, 1990, С.16 – 17.
16. Кузьмищев А.В. Гондурас после «Эскипулас-II» / А.В. Кузьмищев, А.В. Морозов // Латинская Америка, 1988, №4, – С. 14 – 20.
17. Военные расходы правительства в локации Гондурас [Электронный ресурс]. Режим доступа :[https://datacommons.org/ place/country/](https://datacommons.org/place/country/)

HND?topic=Economics&hl=ru - %D0%9 2%D0%BE%D0%B5% D0%BD %D0%B D% D1%8B% D0%B 5%20 %D1% 80%D0%B 0%D1%81%D1%85%D 0%BE %D0 %B4 %D1 %8B%20%D 0%BF%D1%80%D0 %B0%D0%B2%D0% B8%D 1 %82 %D0 %B5%D0 %BB%D1%8C%D1% 81%D1%82%D0%B2% D0%B0_https://datacommons.org /place/ country/ HND?topic= Economics &hl=ru#%D0% 92%D0 %B E %D 0 % B5%D0 %BD% D0%BD%D1%8B %D0%B5%20 %D1% 80%D0%B0 %D1%8 1%D1%85 %D0%BE% D0%B4 %D1%8B %20%D0%BF% D1%8 0%D0%B 0%D0 %B2%D0% B8%D1%8 2%D0%B5 %D0% BB%D1% 8C%D1% 81%D1%8 2%D0%B2%D0 %B0

18. Генассамблея ООН, № документа A/RES/44/10, отчет A/44/PV.35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datacommons.org/place/country/HND?topic=Economics&hl=ru> - %D0%92%D0%BE% D0%B5%D0 %BD% D0%BD%D1%8B%D 0%B 5%20%D1% 80%D0%B0%D1%81%D1 %85%D0% BE%D 0%B4% D1 %8B%20% D0%BF%D1%80 %D0%B0%D0 %B2 %D0% B 8%D1%82%D 0% B5%D0% BB%D 1%8C% D1%81%D1 %82%D0%B2% D0%B0 <https://www.un.org/ru/ga/44/docs/44res.shtml>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94:623:339((470+57):597)

М.В. Кулага

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: maks.kulaga.97@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация:

В статье рассматривается эволюция российско-вьетнамских отношений в политической и военно-технической сферах сотрудничества. В статье дается ретроспективный обзор развитию политического сотрудничества, где особенный упор делается на развитие статуса сотрудничества, а также военно-технической сферы, с учетом влияния внешних факторов. В статье дается развернутая характеристика российско-вьетнамского сотрудничества с точки зрения исторического развития.

***Ключевые слова:** Россия, Вьетнам, военно-промышленный комплекс, стратегическое партнерство.*

Summary

The article examines the evolution of Russian-Vietnamese relations in the sphere of political and military-technical cooperation. The article gives a retrospective review of the development of political cooperation, where special emphasis is placed on the development of the status of cooperation, as well as the military-technical sphere, taking into account the influence of external factors. The article gives a detailed description of Russian-Vietnamese cooperation from the point of view of historical development.

***Keywords:** Russia, Vietnam, military-industrial complex, strategic partnership.*

Между Россией и Вьетнамом уже не первое десятилетие существуют глубокие социо-политические и исторические связи. За последние несколько лет эти связи только углублялись и укрепились, так как Россия стремится активно действовать на территории Юго-Восточной Азии (ЮВА). Историческая преемственность сотрудничества между странами в конце XX в. стала основой для дальнейшего развития отношений и до сих пор существует как часть историко-политологического дискурса в межгосударственных отношениях.

С учетом изменения глобальной геополитической ситуации в мире и смещения векторов развития внешней политики Российской Федерации, а также необходимости осмысления пройденного пути в отношениях между странами, автор поставил перед собой цель дать комплексную характеристику характеру и динамике российско-вьетнамских отношений в политической и военно-технической сферах. Данная цель подразумевает решение нескольких задач:

- 1) изучить развитие сотрудничества России и Вьетнама в военно-технической и политической сферах;
- 2) рассмотреть общую динамику взаимодействия российско-вьетнамских отношений и внешние факторы влияющие на них.

Проблематикой нормативно-правового и статусного осмысления российско-вьетнамских отношений занимались И. В. Бриттов [1] и А. А. Крылов [2], Е. А. Канаев [3]. В своих работах они обосновали особенности развития нормативно-правовой базы между странами, а также обозначили, какое влияние на партнерство между ними влечет изменение статуса партнерства. Кроме того, общую характеристику военно-техническому и политическому сотрудничеству дали В. Б. Кашин [4], Ву Тхуи Чанг [5], Г.М. Локшин [6]. В исследовании используются методы ретроспективного анализа, анализа документов, системности. Дополнительно, следует указать на работы Е. В. Кобелева [7] и Л.Б. Вардомского [8], в которых проводится исторический анализ трансформации российско-вьетнамских отношений и формирование новых областей сотрудничества.

Актуальность и значимость данного исследования определяется необходимостью анализа уровней межгосударственного взаимодействия на разных исторических этапах и формирования четкой характеристики текущего состояния отношений между странами. Дополнительная значимость исследования придается с учетом усложнения международной политической обстановки и возможности смещения внешнеполитических приоритетов России и Вьетнама. В этом контексте, важно точно определить меры межгосударственного доверия и способности эффективно взаимодействовать в различных политических условиях.

Политическое взаимодействие России и Вьетнама.

Вьетнам является традиционным союзником России. Еще с периода Вьетнамской войны между СССР и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) были сформированы союзнические отношения, которые только развивались в дальнейшем. После распада Советского Союза СРВ одной из первых азиатских государств признала Российскую Федерацию, как преемницу СССР в 1991 г. При этом, следует подчеркнуть, что незадолго до окончания существования СССР контакты с Вьетнамом стали постепенно сходить на нет и после 1991 г. существовал трехлетний период фактического отсутствия значимых связей между странами, что было связано как со сложной внутренней ситуацией в России, так и с реформами, проводимыми во Вьетнаме. Важной вехой в отношениях можно назвать заключение 16 июля 1994 г. Договора «об

основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» [9]. Этот договор определил основу межгосударственного взаимодействия, сформировав основные направления сотрудничества и официально закрепив дружественный статус отношений между государствами. Особенное внимание стоит уделить статье 3 данного договора, которая постановляет необходимость проведения межгосударственных консультаций, при возникновении проблемы, которая будет угрожать международной безопасности. Это положение свидетельствует о высокой степени доверия между странами. Первая встреча президентов России и Вьетнама состоялась в 1998 г., когда президент Вьетнама Чан Дык Лыонг посетил Москву. Основным вопросом этой встречи, помимо общих параметров развития двусторонних отношений, был вопрос статуса порта Камрань. Данный порт длительное время арендовался СССР, но после 1991 г. руководящие лица СРВ решили пересмотреть сделку и закрыть возможность аренды. В результате, уже к 2002 г. из Камраня были выведены российские войска и корабли, и данная проблема перестала быть значимой в отношениях между странами.

Важным этапом в развитии отношений между странами является подписание Декларации «о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом» в 2001 г. в Ханое [10]. Президент Российской Федерации В.В. Путин заложил традицию широкого диалога между странами и сформировал основные направления российско-вьетнамского сотрудничества. В частности, начинают расширяться взаимодействие в медицинской, торгово-инвестиционной, энергетической, туристической и иных сферах. Следует подчеркнуть, что статус «стратегического партнера» является крайне важным для развития отношений и только Вьетнам является стратегическим партнером России в ЮВА до сих пор. В 2006 г., в период посещения президентом России Вьетнама, в итоговом коммюнике была зафиксирована цель укрепления межгосударственных отношений как по линии двусторонних отношений, так и взаимодействия в рамках международных организаций, а также уточнены основные направления взаимодействия России и СРВ, в частности, совместной работы в области энергетики и торговли вооружением. Важной стратегической составляющей отношений между странами стало подписание в 2008 г. меморандума о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020 г., а также торжественное открытие памятника советским, российским и вьетнамским военнослужащим, погибшим во Вьетнаме при исполнении служебного долга около аэропорта Камрань.

Следующим важным этапом развития межгосударственных отношений следует назвать период 2012 – 2013 гг. В первую очередь следует говорить о том, что в 2012 г. в Указе президента РФ Путина В.В. № 605 от 7 мая 2012 г. [11] СРВ названа одним из трех самых важных (наряду с Китаем и Индией) стратегических партнеров России в Азии. Это документальное заявление также было закреплено дальнейшими визитами высоких государственных лиц России во Вьетнам и ответных визитах вьетнамской делегации. В этом контексте

следует говорить, что в период с 2012 по 2021 гг. происходили почти ежегодные визиты делегаций Вьетнама и России (7 визитов России, возглавляемых президентом России и премьер-министром и 9 визитов президента и Генсека Вьетнама за указанный период). 27 июля 2012 г. в ходе официального визита в Россию Президента СРВ Чыонг Тан Шанга стороны достигли исторической договоренности о принципиальном повышении уровня стратегического партнерства, подписав Совместное заявление «об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» [12]. А уже 12 ноября 2013 г. было подписано Совместное заявление «о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства» [13]. При этом, как отмечает И. В. Бритов, не смотря на повышение частоты встреч высокопоставленных лиц и повышения статуса партнерства, государства так и не смогли наладить высокоэффективный политический контакт [1, С. 13].

Конфликт на территории Украины в 2014 г. в целом не оставил значительного влияния на российско-вьетнамских отношениях. В официальных материалах Вьетнам выражал свою приверженность духу сотрудничества и мирного разрешения конфликтных ситуаций. В целом, в период с 2014 по 2021 гг., СРВ занимает нейтральную позицию по украинскому вопросу и продолжает развивать отношения с Россией в том же темпе. При этом в официальной прессе, при описании хода конфликта, часто видны тезисы о влиянии США в разжигании конфликта и миротворческой роли России, что видно на примере Минских соглашений. Положительно на динамику отношений между странами повлияло заключение соглашения о создании зоны свободной торговли СРВ и Евразийского экономического союза в 2015 г. В рамках данного соглашения дополнительно упрочилась позиция России, так как были установлены облегченные меры предоставления услуг в рамках согласованных контактов, углублены, в соотношении с договорами с другими членами организации, контакты в области санитарных и фитосанитарных норм, а также несколько облегчены таможенные пошлины на традиционно поставляемые Вьетнамом товары, такие как рис, сахар, кофе и т.д.

Дальнейший ход развития российско-вьетнамских отношений до 2020 г. характеризуется поступательным развитием в торгово-инвестиционной сфере, но при этом весьма слабое двустороннее политическое взаимодействие на высоком уровне. В период 2015 – 2020 гг. в политическом поле значимым является Совместная программа действий по борьбе с преступностью в период 2016 – 2018 гг. [14]. Начиная с 2020 г. двусторонние контакты России и Вьетнама отягчаются глобальной пандемией COVID-19. В рамках совместных мер противодействия пандемии Вьетнам передал России в дар медицинское оборудование, а Россия взамен, поставила партию сыворотки против болезни. Кроме того, в телефонном разговоре от 21 апреля 2020 г. между президентами двух стран было засвидетельствовано, что государства готовы помогать друг другу в такой сложной ситуации. Также, в рамках межгосударственного

сотрудничества Россия приняла участие во встрече министров обороны стран АСЕАН в 2020 г. и дополнительно обсудила вопросы противодействия пандемии [15, С. 181]. В 2022 г. отношения между странами подверглись еще одной серьезной проверке, когда Россия объявила о проведении специальной военной операции. Постоянный представитель Вьетнама в ООН Данг Хоанг Джанг, выступая на встрече Совета безопасности, отметил, что обеспокоен ситуацией и призывает все стороны сесть за стол переговоров. Вьетнам занял, в целом, нейтральную позицию и продолжает развивать отношения с Россией. Так, в августе 2022 г. СРВ приняла участие в военных играх «Армия-2022», ежегодно организовываемой Россией.

Военно-техническое сотрудничество.

Особенное место занимает военно-техническая сфера сотрудничества. После развала СССР все контакты в области строительства ведутся на коммерческой основе. В рамках развития стратегического партнерства между странами с 2001 по 2013 гг. заключаются несколько важных коммерческих контактов. В частности, следует упомянуть о контракте 2007 г. на постройку на территории Вьетнама российских военных катеров «Молния». Данный проект являлся важным этапом для развития сотрудничества между странами, так как указанные катера являлись важной частью российского военно-промышленного комплекса (ВПК).

При этом в настоящее время Россия сохраняет относительное доминирование в поставках вооружения на территорию Вьетнама. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, в последние годы в России закуплено шесть подводных лодок класса «Кило», четыре фрегата типа «Гепард», 36 многоцелевых истребителей Су-30 МК2, две мобильные единицы К-300П «Бастион» для береговой обороны. Оружие из России стоило 7,4 млрд. долл. США из 9,07 млрд. долл. США общих расходов в период с 1995 по 2021 гг. В период с 1995 по 2014 гг. на Россию приходилось 90% импорта оружия, хотя в период с 2015 по 2021 гг. этот показатель упал до 68,4%. Остаток импорта вооружений Вьетнама пришелся на Израиль (13,7%), Беларусь (5,7%), Южную Корею (3,3%), США (3%), Нидерланды (2,4%) [16, С. 235-237].

В 1990-х гг. закупки российского вооружения были несколько ограничены. В основном СРВ закупала военные самолеты модели Су-27. С 2002 г. между странами начинает выработываться более активная модель сотрудничества. В 2003 г. стабильного сотрудничества Вьетнам заказал 5 многоцелевых истребителей Су-30 МК2В, а позднее в том же году был дополнительно заказан ракетный комплекс С-300 ПМУ-1 и впервые закуплены истребители Су-34 МКВ. Кроме того, в том же году был подписан договор на закупку зенитных ракет большой дальности SAM, а уже в 2005 г. был заключен договор на поставку в СРВ ракетного комплекса «Бастион-П». В 2009 г. состоялся официальный визит, и подписание соглашения о разработке около шести дизель-электрических

подводных лодок, данное оборудование официально будет принадлежать заводу «Адмиралтейские верфи» [17].

Следует отметить, что в рамках расширения военного партнерства, Вьетнам в период с 2005 по 2011 гг. усилил взаимодействие с США, в частности, в 2007 г. проводились совместные военные учения, а в 2011 г. подписан меморандум об углублении сотрудничества в военной сфере. Тем не менее, данные обстоятельства не слишком затронули взаимоотношения с Россией. Уже в 2013 г. в рамках посещения Ханоя С. К. Шойгу согласовал несколько крупных заказов на российскую военную технику. При этом, были расширены рамки взаимодействия и кроме стандартной военной техники государство приобретает систему единого управления, обслуживание и подготовленный профессиональный кадровый состав, вплоть до формирования системы береговой охраны. С 2014 г. на аэродром Камрань могут заходить российские военные самолеты для ремонта и проведения техосмотра, а позднее в том же году подписано соглашение об упрощенном порядке захода российских судов в порт Камраня. Важно отметить, что последний упомянутый договор является знаковым событием для России, так как это второй, после Сирии, договор об упрощенном режиме захода кораблем ВМФ. В 2016 – 2017 гг. было принято решение о дополнительном обучении вьетнамских подводников в российских военных академиях, согласован заказ на постройку на территории Вьетнама нескольких фрегатов «Гепард», хотя и в ограниченном количестве, а также заключена сделка на поставку новейших российских самолетов Су-30 МК2В. Россия предоставляет Вьетнаму широкий спектр вооружений и военной техники: корабли, самолеты, танки, ЗРК. К началу 2017 г. Россия завершила поставки СРВ шести подлодок класса «Кило». Этот заказ стал самым крупным по стоимости и самым важным по значению в современном взаимодействии двух стран в области обороны [18, С. 499]. В 2018 – 2019 гг. состоялось несколько встреч на уровне министров обороны по согласованию взаимодействия в области ядерной техники и науку, развития совместных военных проектов, а также развития военно-технического партнерства со странами АСЕАН в целом и с СРВ, в частности.

Помимо непосредственно военно-технического сотрудничества Вьетнам и Россия взаимодействуют на уровне различных мероприятий. Так, Вьетнам является участником военного форума «RussianExpoArm» с 2011 г., а также последние несколько лет принимает участие в военных играх, организовываемых Российской Федерацией. Кроме того, Россия в 2012 г. построила для Вьетнама современное оборудованное военно-учебное учреждение, а в 2014 г. способствовала созданию модернизационных центров в бухте Камрань.

Проблемы российско-вьетнамских отношений.

С учетом приведенных ранее особенностей военно-политического взаимодействия России и СРВ следует также указать на ряд существующих проблем в их отношениях. В первую очередь, самую большую сложность в

межгосударственных отношениях составляет фактор Китая. С учетом того, что для России КНР является важным стратегическим партнером с большой долей разработанных экономических связей, а также «сдерживатель» геополитического влияния США на восточных рубежах, Россия не будет сильно рисковать отношениями с этим государством ради перспективных выгод от Вьетнама, который во много раз политически, военно и экономически слабее Китая. В тоже время для Вьетнама КНР является пассивным агрессором. Китай уже не первое десятилетие пытается укрепиться на рынках АСЕАН, а также создать монополию на иностранные инвестиции в целом в ЮВА и во Вьетнаме, в частности. Но наибольшей проблемой является вопрос принадлежности части территорий в Южно-Китайском море. И хотя данный вопрос является неурегулированным еще с времен Второй мировой войны, но в настоящее время эта тема особенно актуально в связи с тем, что двусторонние международные связи подвергаются сильному внешнему давлению. Россия, еще с момента подписания декларации о статусе стратегического партнера, поддерживала Вьетнам и страны АСЕАН в выработке правил поведения в Южно-Китайском море, на основании Декларации о поведении сторон 2002 г., а также согласованных в 2011 г. принципов ее реализации.

При этом официальная политическая позиция Москвы остается в целом нейтральной [19, С. 27]. В ряде конфликтных ситуаций Россия остается независимым участником и отказывается от участия в конфликте. При этом следует указать, что Южно-Китайском море является стратегически важной области взаимодействия России и СРВ, так как на этой территории расположены несколько важных нефтяных и газовых шельфов, которые по контракту разрабатываются крупными российскими фирмами, что вызывает умеренную критику в китайской прессе. Примечательным в контексте регионального китайско-вьетнамского конфликта является события 2015 г., когда патрульные суда двух держав столкнулись на границе спорных территорий и начали поливать друг друга из брандспойта. Российская реакция на данное событие и последующее разбирательство в Гааге, озвученное в начале 2016 г., было весьма сдержанным: «Мы выступаем за то, чтобы вовлеченные в территориальные споры в указанной акватории государства, строго следовали принципу неприменения силы, продолжали поиски путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся разногласий на основе международного права, прежде всего, конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также в духе асеановско-китайских документов» [20]. Тем не менее, уже в сентябре того же года, президент России, Путин В. В., уточнил позицию, указав на то, что Российская Федерация не признает решение гаагского суда. Это вызвало крайне негативную реакцию во Вьетнаме, но не слишком повлияло на официальную позицию Ханоя в отношении встраивания отношений с Россией.

Вторая проблема вытекает из предыдущей, так как усиление поставок вооружения России во Вьетнам крайне негативно оценивается китайским правительством, что усложняет треугольник взаимоотношений Китай-Россия-

Вьетнам. С учетом того, что Российская Федерация является самым большим поставщиком вооружения во Вьетнам, КНР остается крайне недоволен объемами поставок и качеством военного экспорта России, в который входят новейшие разработки. Поставки современных противоракетных систем, подводных лодок и современных корветов негативно оценивается китайской прессой [6, С. 154]. При этом СРВ стремится к большей диверсификации вооружения. Как уже было указано ранее, общий поток российского вооружения во Вьетнам в целом снизился приблизительно на 20% за период 2015 – 2021 гг., но до сих пор является доминирующим. При этом сейчас больше закупок делается у западных компаний из Бельгии, США и т.д. С учетом современного неустойчивого геополитического ландшафта и попыток США упрочить свое влияние на территории Азии, Китаю выгодно сохранять относительную монополию российского вооружения во Вьетнаме и не допускать больших вливаний со стороны США. Сам Вьетнам при этом, стремится к большей независимости в плане вооружения и формированию паритета сил в Азии, что ведет необходимости частичного снижения темпов сотрудничества с Россией.

Исходя из вышесказанного, следует сделать несколько выводов. В первую очередь, между Россией и Вьетнамом идет регулярный политический диалог на высшем уровне, который стабильно развивается. При этом влияние внешних факторов на двусторонние контакты относительно слабое. Во-вторых, военно-техническое сотрудничество между странами является одной из ведущих областей сотрудничества. В рамках военно-технического взаимодействия осуществляется регулярная закупка российской техники и организации совместных мероприятий военного характера. Кроме непосредственной закупки вооружения осуществляется также углубление контактов между представителями профильных ведомств, перенос производства вооружения на территорию СРВ, а также участие в многосторонних форумах по безопасности. Вместе с тем, стоит отметить, что за последнее десятилетие, не смотря на регулярные контакты в области военной техники влияние России во Вьетнаме снижается. Это происходит из-за того, что СРВ стремится стать более независимой от российского военного влияния, а также нарастание геополитических трений в регионе и соответствующего влияния США. При этом, Российская Федерация до сих пор доминирует на вьетнамском военном рынке. Стоит отметить, что наиболее крупным осложняющим фактором в российско-вьетнамских отношениях является Китай. С учетом сложности регулирования территориальных споров в Южно-Китайском море, а также объемов поставок российского вооружения складывается ситуация, когда Китай пассивно давит на Россию, склоняя ее принять более прокитайскую позицию. В то же время сама Россия не готова полностью отказаться от сотрудничества с СРВ, но вынуждена отдавать преимущественное внимание именно Китаю в виду абсолютного доминирования в экономической и политической сфере в Азии. Но, не смотря, на сложности во взаимоотношениях, Россия и Вьетнам продолжают стабильно выстраивать свои взаимоотношения на равноправной основе, а

крупные экономические проекты, как например, зона свободной торговли ЕАЭС – СРВ и ряд контрактов в энергетической области, способствуют дальнейшему углублению отношений.

Ссылки и примечания:

1. Бритов И. В. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 4-17.
2. Крылов А.А. Правовые аспекты феномена стратегического партнерства как особой формы экономических отношений между Российской Федерацией и другими государствами / А. А. Крылов // Юридические Исследования. – 2020. – № 4. – С. 62–72.
3. Канаев Е. А. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство РФ и Социалистической Республики Вьетнам: взгляд из России / Е. А. Канаев // Россия и АТР. – 2019. – № 1 (103). – С. 154-164.
4. Кашин В.Б. Военно-техническое сотрудничество РФ и СРВ на современном этапе // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. – М.: идв РАН, 2020. – С. 72–86.
5. Ву Тхуи Чанг Шпаковская М. А., Куклин Н. С. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства / Ву Тхуи Чанг, М. А. Шпановская, Н. С. Куклин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 2 (39). – С. 136-145.
6. Локшин Г. М. Российско-вьетнамские отношения и фактор Китая // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 36. – С. 146-159.
7. Кобелев Е. В. Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы / Е. В. Кобелев // Вьетнамские исследования. – 2015. – № 5. – С. 21-43.
8. Российско-вьетнамские отношения в современном мире: Коллективная монография / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун. – М.: Институт экономики РАН, 2021. – 147 с.
9. Договор «об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» (Подписан в г. Москве 16.06.1994).
10. Декларация «о стратегическом партнёрстве между Россией и Вьетнамом» (Подписан в г. Ханой 01.03.2001).
11. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».
12. Совместное заявление «об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» // Официальный сайт Президента РФ. – 27.07.2012. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1279> (дата обращения: 22.10.2022).

13. Совместное заявление «о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» // Официальный сайт Президента РФ. – 12.11.2013. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1562> (дата обращения: 22.10.2022).
14. Россия и Вьетнам договорились о совместной борьбе с преступностью / ТАСС. – 21.03.2016. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160321/1394065841.html> (дата обращения: 18.10.2022).
15. Динь Ле Хонг Занг. Российско-вьетнамские отношения в контексте COVID-19 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2020. – Т. 2. – № 2 (47). – С. 174–185.
16. SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. – Oxford: University Press. – 2022. – 784 p.
17. Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС // EastRussia. – 22.04.2014. – Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/soyuz_medvedya_i_drakona_o_rossiysko_vetnamskom_vts/ (дата обращения: 21.10.2022).
18. Федоров Н. В. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 496-507.
19. Мосяков Д. В. Политика России в отношении конфликта в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 1 (38). – С. 24–34.
20. МИД России прокомментировал решение суда в Гааге по Южно-Китайскому морю / Коммерсантъ. – 14.07.2016. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3038013> (дата обращения: 25.10.2022).

УДК 327.56

А.Ю. Козловский

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: a.kozlovskiy@donnu.ru

ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ В 2014-2022 ГГ.

Аннотация

В рамках данной научной статьи автором рассмотрена политика КНР в отношении конфликта на Донбассе в 2014-2022 гг. Автором затронуты вопросы отношения КНР к причинам конфликта, способам его разрешения, признанию Россией ДНР и ЛНР.

Ключевые слова: *КНР, конфликт на Донбассе, ДНР, ЛНР.*

Summary

Within this scientific paper the author the policy of PRC concerning the conflict in Donbas in 2014-2022. The author touched upon the issues about PRC` attitude to the reasons of the conflict, ways to solve it, Russian recognition of DPR and LPR.

Keywords: *PRC, conflict in Donbas, DPR, LPR.*

Конфликт на Донбассе – это продолжительное военно-политическое столкновение между правящим на Украине режимом, насильственно захватившим власть в этой стране в 2014 г., и Донецкой и Луганской Народными Республиками (далее – ДНР и ЛНР), законно провозгласившими свою государственную независимость и сделавшими свой свободный исторический выбор в пользу самой глубокой политической, социально-экономической и культурной интеграции с Россией.

Данный трагический восьмилетний конфликт, происходящий в Восточной Европе, знаменует на своем примере, по мнению многих отечественных и зарубежных специалистов, начало глобальных конфликтогенных международно-политических перемен. Эти серьезные перемены означают окончательный крах и теории, и практики построения однополярного мирового порядка под главенством США и его союзников по НАТО [1].

Несмотря на географическую локализованность данного конфликта, многие страны, расположенные очень далеко от зоны боевых действий, были и остаются глубоко обеспокоенными его текущими и будущими итогами. Многие из этих стран, в частности те, которые являются супердержавами, на протяжении всех восьми лет продолжения конфликта открыто высказывали свое официальное мнение о его причинах и общих способах разрешения. Так или

иначе, но в свете сказанного, конфликт на Донбассе косвенно затрагивает национальные интересы и безопасность многих стран современного мира.

Поэтому определенный интерес представляет собой и позиция Китайской Народной Республики (далее – КНР) в отношении данного военно-политического конфликта. Данный вопрос является мало исследованным в отечественной международно-политической литературе. Например, российские публикации по данной теме появлялись преимущественно в самом начале войны на Донбассе. Ввиду этого, значительный информационный массив по рассматриваемой теме имеется в материалах российских, а также китайских и иных зарубежных средств массовой информации.

Итак, естественно, что первоначальная реакция официального Пекина на события, происходящие на далеком Донбассе в 2014 г., была довольно сдержанной. Хотя в ней уже и тогда были прямо обозначены причины и виновники разгоревшейся войны – «внешние силы». Причем под таковыми в КНР прямо подразумевали никак не Россию, а именно «коллективный Запад» [2].

Однако тогда КНР не решалась на провозглашение открытой и официальной «политизированной» поддержки той или иной стороны, понимая все невыгоды такой поспешной позиции с точки зрения ее отношений либо с Россией, либо же с Украиной, странами-членами Европейского Союза и США. Не было ничего заявлено и о степени легитимности нового киевского режима. Поэтому МИД КНР ограничивался призывами к политико-дипломатическому разрешению конфликта, приветствуя в частности подписание всего комплекса договоренностей «Минска-1» и «Минска-2», одобренных впоследствии Советом Безопасности ООН.

«Сдержанно-комплементарную», благожелательную в отношении России позицию КНР заняла и в вопросе о воссоединении Крыма с Россией, воздержавшись от голосования за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 «по вопросу о территориальной целостности Украины», принятую странами-членами ООН 24 марта 2014 г. на 80-м пленарном заседании 68-й сессии. Отечественными авторами указывается, что такая сдержанность КНР была обусловлена опасениями относительно перспектив активизации уйгурского и тибетского сепаратизма [3]. Однако в итоге, 24 ноября 2014 г. МИД КНР официально заявил, что разделяет подход России к урегулированию украинского кризиса и крымского вопроса [4]. Но ведущие страны Запада (например, США и ФРГ) неоднократно, но безуспешно старались склонить КНР к поддержке их позиции в отношении конфликта на Донбассе [5]. Немалую озабоченность правительства КНР и правящей в ней КПК вызывали и сами киевские дестабилизирующие протесты, напоминая об антиправительственных акциях на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

В 2015 г. позиция КНР по данному конфликту претерпела определенные перемены в связи явной русофобской радикализацией украинских общественно-политических кругов и силовых структур. Важно отметить, что в своих

дальнейших заявлениях МИД КНР постоянно подчеркивал необходимость «сохранять хладнокровие и сдержанность *на основе полного учета законных интересов и озабоченностей разных регионов и национальностей* (курсив мой. – А.К.)...» [6].

Этот «этнический акцент» был и остается принципиально важным ввиду того, что КНР, как известно, является чрезвычайно многонациональным государством.

Причем в заявлениях официальных лиц КНР все чаще и чаще стали звучать обвинения в адрес Запада в его приверженности «двойным стандартам» в вопросе о праве отдельных народов на самоопределение. Так, указывалось на различие и необъективность позиций США и ЕС в вопросе о самоопределении Косово и Южной Осетии, а также целого ряда других стран и народов мира, на беспардонное вмешательство Запада в их внутренние дела. В общем и целом, такая позиция КНР по крымскому и донбасскому вопросам была воспринята Россией с благодарностью. Хотя немаловажным в данном случае фактором был и простой глобальный расчет КНР с позиций «политического реализма» и «общемирового баланса сил». Так, с точки зрения публицистов-аналитиков китайской газеты «Хуанцю шибао» (она же «Global Times»), «в ближайшие несколько десятилетий Россия, в отличие от США, не будет представлять для Китая стратегической угрозы» [7].

Так или иначе, но все эти годы КНР занимала солидарную с Россией позицию и в отношении «безальтернативности» Минских соглашений, юридически не предусматривавших превращения ДНР и ЛНР в самостоятельные, суверенные государства – субъекты международных отношений [8]. Нормандская четверка, в составе России, Германии, Франции и Украины, рассматривалась в КНР в качестве достаточно приемлемого межгосударственного переговорного формата, призванного привести конфликтующие стороны к миру и выработке взаимоприемлемого политического решения по урегулированию конфликта. Однако официальный Пекин дистанцировался от регулярно выдвигавшегося российского предложения в адрес Украине начать непосредственные переговоры с властями ДНР и ЛНР.

Наряду с этим, на протяжении 2015 – 2021 гг. в КНР фиксировался и абсолютный тупик и нормандских, и минских переговоров по урегулированию конфликта на Донбассе, несмотря на объективно признававшиеся китайским руководством колоссальные дипломатические усилия России.

Безусловно, кульминацией конфликта на Донбассе стало признание 21 февраля 2022 г. Россией ДНР и ЛНР в качестве суверенных государств, заключение с ними договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также проведение с 24 февраля 2022 г. Россией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины.

На фоне ожидаемой, крайне негативной реакции стран-членов Европейского Союза, США и их союзников по НАТО и во всем остальном мире (например, Федеративные Штаты Микронезии) КНР заняла ответственную и

взвешенную позицию в связи с обретением ДНР и ЛНР статуса частично признанных государств. Так, например, на следующий день Постпред КНР в ООН Чжан Цзюнь, выступив на экстренном заседании Совета Безопасности ООН, воздержался от поддержки территориальной целостности Украины и осуждения действий России [9].

Не менее дружественным шагом КНР стал отказ этой страны от поддержки мировых и введения собственных социально-экономических санкций против России, в частности от отключения России от Общества всемирных межбанковских финансовых каналов связи (SWIFT), о чем было заявлено представителем МИД КНР Хуа Чуньин 23 февраля 2022 г. [10].

В свете позиции, занятой КНР в отношении событий 21-24 февраля 2022 г., началась и продолжается достаточно острая китайско-американская двухсторонняя обвинительная полемика об ответственности этих великих держав за сложившуюся на Украине ситуацию [11]. Однако эта полемика идет параллельно с регулярными российско-китайскими «стратегическими консультациями». Это свидетельствует о наличии практически единой российско-китайской позиции относительно причин, виновников и путей урегулирования конфликта на Донбассе в настоящее время.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы.

С самого начала конфликта на Донбассе в КНР внимательно следили за его ходом, выражая обеспокоенность его началом, соболезнуя о жертвах народа Донбасса, призывая стороны к конструктивному диалогу. Несмотря на то, что в 2014 – 2021 гг. КНР не занимала откровенно продонбасской позиции, эта великая страна несколько не была и враждебной по отношению к народу Донбасса и его справедливой борьбе за собственное историческое самоопределение.

Официальная позиция Пекина сводилась к посильной поддержке и одобрению усилий России по разрешению конфликта в рамках нормандского и минского переговорных форматов.

С признанием Россией ДНР и ЛНР и началом российской военной операции на Украине руководство КНР отказалось занять антироссийскую политическую и экономико-санкционную позицию, справедливо возложив всю ответственность за сложившуюся трагическую ситуацию, прежде всего, на США и их союзников по НАТО.

Ссылки и примечания:

1. Исаев А.С. Китай и «украинский кризис»: выбор стратегии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2014. – С. 213-214.
2. Там же. С. 214.
3. Там же. С. 216.

4. Киреев А.А. Российско-китайские отношения после украинского кризиса // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 176.
5. Ганьшина Г.И. Украинский кризис глазами стран АТР // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». – 2014. – № 4. – С. 48.
6. Китай призывает разные стороны в Украине сохранять хладнокровие и сдержанность – МИД КНР // Газета «Жэминь Жэбао», 15.04.2014. – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8598005.html> (04.03.2022).
7. Putin urges all sides in Ukraine to end military hostilities // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201502/905562.shtml> (04.03.2022).
8. Узнародов И.М., Узнародов Д.И. Перспективы развития народных республик Донбасса в качестве самостоятельных субъектов международных отношений // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. – 2018. – № 3. – С. 97.
9. Китай отреагировал на признание Москвой ДНР и ЛНР // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/21/kitai/> (04.03.2022).
10. Китай отказался присоединяться к западным санкциям против России // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/02/911664-kitai-otkazalsya-prisoedinyatsya-k-zapadnim-sanktsiyam-protiv-rossii> (04.03.2022).
11. Китай обвинил США в перекладывании ответственности за ситуацию на Украине // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20220304/ssh-1776429163.html> (04.03.2022).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.013; 327.88

Е.А. Пожидаев

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: e.pozhidaev@donnu.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ НА ДОНБАССЕ И УКРАИНЕ

Аннотация.

Предметом исследования данной статьи являются предпосылки геополитического противостояния на Донбассе и Украине. Автором даётся обзор различных научных взглядов на проблему выявления истоков конфликта на Донбассе и украинского кризиса в целом. Предлагается комплексный анализ вопроса на основе обращения к исторической ретроспективе, цивилизационному (социокультурному) подходу, закономерностям и категориям классической геополитики, делает акценты на локальном и глобальном контекстах противостояния. Автор приходит к выводу о неизбежности взрывного роста напряженности у юго-западных российских границ, обусловленных как антагонизмом между отдельными регионами Украины, так и эскалацией глобального геополитического противостояния России и Запада. Глубокое и всестороннее осмысление предпосылок геополитического противостояния на Донбассе и Украине необходимо для выработки упреждающей стратегии активного противодействия антироссийских действий коллективного Запада, системного, продуманного подхода в принятии нужных решений.

Ключевые слова: *Донбасс, геополитическое столкновение, украинский кризис, историко-геополитическая конструкция / модель, цивилизационно-геополитическое противоборство, лимитрофное государство, римланд, антагонизм.*

Summary

The subject of this article is the prerequisites of the geopolitical confrontation in the Donbass and Ukraine. The author gives an overview of various scientific views on the problem of identifying the origins of the conflict in the Donbass and the Ukrainian crisis as a whole. A comprehensive analysis of the issue is proposed based on an appeal to historical retrospect, a civilizational (socio-cultural) approach, patterns and

categories of classical geopolitics, focuses on local and global contexts of confrontation. The author comes to the conclusion about the inevitability of an explosive growth of tension near the southwestern Russian borders, due to both antagonism between certain regions of Ukraine and the escalation of the global geopolitical confrontation between Russia and the West. A deep and comprehensive understanding of the prerequisites of the geopolitical confrontation in the Donbass and Ukraine is necessary to develop a proactive strategy for actively countering the anti-Russian actions of the collective West, a systematic, thoughtful approach in making the necessary decisions.

Keywords: *Donbass, geopolitical clash, Ukrainian crisis, historical and geopolitical construction / model, civilizational and geopolitical confrontation, limitrophic state, Rimland, antagonism.*

Вооружённый конфликт на Донбассе вырос в один из наиболее затяжных и масштабных из числа локальных военных конфликтов современности, в том числе, и в сравнении с рядом вооружённых столкновений на постсоветском пространстве. Гибридная природа современных кризисов и войн неимоверно усложняет путь к их всестороннему и объективному пониманию. Очевидно, что вооружённое столкновение – не только проявление непримиримости непосредственных сторон конфликта и последний довод в их политике, но результат сложнейших внешне- и внутривнутриполитических, экономических и социальных процессов на разных уровнях – от локального до глобального.

Прежние представления о войне о том, что цель войны есть достижение мира на благоприятных для победителя условиях уже не соответствует реалиям многополярности, где достижение мира далеко не всегда является основополагающей идеей. Ведь для некоторых противоборствующих сторон (причём, не обязательно государств), состояние перманентной войны может оказаться более выгодным, нежели мир, что и является отличием «гибридных конфронтаций» от войн прошлого.

Геополитический взгляд на развернувшиеся события актуален сегодня как никогда. Тем более, что современная геополитика стремится синтезировать достижения целого ряда теорий и концепций социо-гуманитарного знания, формируя тем самым комплексный подход в изучении явления. Столкновения цивилизаций, кризисы мир-системы, конфликты идентичностей, закономерности исторического развития и многое другое берётся во внимание при геополитическом анализе. Таким образом, украинский кризис и силовое столкновение на Донбассе закономерно рассматривается многими исследователями и обозревателями именно в качестве геополитического противостояния. Более того, отмечается роль Донбасса, как индикатора новейших геополитических процессов. На его территории идет новый тип войны – гибридной, с привлечением сил и ресурсов разнокачественных акторов, связанной с формированием новой эпохи и выраженной в локальном формате.

Вопросы интерпретации исторического пути, цивилизационного развития, геополитического статуса России и Украины, Донбасса, представлялись актуальными, начиная ещё с постсоветской эпохи «довоенного» периода (до 2014 г.). Безусловно, интерес к ним неизмеримо возрос с обострением украинского кризиса и силового столкновения на Донбассе. Современные отечественные исследователи всё больше отходят от пересказа западных классиков геополитики, достаточно известных и широко цитируемых и ранее, к критическому анализу их постулатов. Заметно стремление адекватно соотнести теоретические выводы, сформулированные порой не одно десятилетие тому назад, с современными тенденциями, с точки зрения, альтернативной западной.

При этом, очевидно, что чрезмерная политизированность, ангажированность данных вопросов в целом, так же как и незавершённость событий, серьёзно усложняют их объективный и всесторонний анализ. Вновь обращаясь к вопросу о геополитическом противостоянии на Донбассе, становится очевидна необходимость углубления понимания его причин и предпосылок, обобщения и комплексного анализа различных научных взглядов на изучение данного явления / события / процесса. Вышесказанное и является целью этой статьи.

Вопрос выявления причин и предпосылок лежит в основе осмысления всего явления в целом и выбора научно-методологического подхода к проблеме. Любое политическое явление, в том числе в фазе кризиса, представляет собой хитросплетение многих процессов, интересов, присутствий, внешних и внутренних, из прошлого, настоящего и будущего, из виртуального пространства. Геополитические теории являются важной теоретико-методологической опорой в изучении предпосылок обострения глобального противостояния в данном конкретном регионе.

В поисках корней геополитического противостояния исследователи обращаются к разным теориям и концепциям, среди которых наиболее популярны анализ исторического развития территорий, оформившихся в XX в. в СССР, а затем в постсоветскую Украину [1, 6], цивилизационный подход, прежде всего с опорой на концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона [11, 14, 15], ценностно-ориентированный подход, акцентирующий внимание на идентичности [4, 9, 16], наконец, классический геополитический подход обращённый к противостоянию мировых «суши» и моря», концепция баланса сил [2, 3, 11].

Эскалацию современного конфликта обусловило, прежде всего, само историческое формирование Украины, в которую вошла большая часть Донбасса. Огромное значение исторического права народа и государства – на существование, на заметную роль в мире – подчеркивал ещё Н. Я. Данилевский, правда, при условии что таковое, «будучи историческим, продолжает корениться в действительных потребностях людей текущего века и составлять их прирожденное право» [5, с. 55].

Весьма актуальным и представляется геополитический ретроспективный анализ, результатом которого становится построение определённых геополитических конструкций украинских земель, наглядно подтверждающих распространённый тезис о том, что территория Украины в современных границах сложилась в результате длительного развития, под воздействием различных внешних факторов.

Так, П. Белов, анализирует одну из известных схем исторического формирования территории советской и постсоветской Украины [1, с. 137], в которой выделяется четыре «системообразующих» элемента:

а) Малороссия (как ядро современной Украины) в примерных границах, определенных Зборовским миром 1649 г.;

б) Галиция (Червонную Русь), вошедшую в территорию, воссоединенную с Советской Украиной в 1939 г.;

в) Карпатская Русь, большая часть которой оставалась за пределами СССР даже после того, как ее ядро – Закарпатье – было присоединено к Советской Украине в 1945 г.;

г) и, наконец, Новороссия, т. е. практически все восточные и южные регионы, включая и Крым и Донбасс – геополитический и экономический проект светлейшего князя Г. А. Потемкина, усилиями которого Дикое Поле было не просто заселено выходцами из центральных русских губерний, но и превращено в индустриальный оплот Российской империи.

Несмотря на видимость компактности, за исключением двух выраженных выступов (Крым, Закарпатье), фактически отрезанных от основного массива земель постсоветской Украины, при ближайшем рассмотрении обнаруживается ещё несколько территориальных элементов, в той или иной степени отделённых от основного массива земель Украины. При этом все украинские государственные рубежи почти нигде не совпадают с естественными.

Таким образом, в силу специфики исторической конфигурации и ландшафтов, (помимо культурно-цивилизационной и этоконфессиональной неоднородности населения) постсоветской Украины, были все основания усомниться в ее длительном стабильном и безопасном существовании, в её целостности. Напротив, наличие крупных элементов страны (Галиция, Закарпатье), десятилетиями входивших во враждебный России стан (Австро-Венгрия, Речь Посполитая) не мог не оказать негативного влияния, приведшего в результате к масштабной геополитической диверсии против России.

Историко-геополитическая модель В. Дергачева предполагает три основных элемента постсоветской Украины – Западную, Восточную и Южную Украину, каждая со своей четко выраженной спецификой. Дергачев отмечает, в частности, что «в отличие от украинцев Галиции, бывшей колониальной окраины Австро-Венгерской империи, в менталитете новороссов межэтническая солидарность всегда доминировала над идеями национализма».

Потенциальная и реальная расколотость пространства, за которым в советское время закрепилось название «Украина», находит также обоснование в

феномене «Руина», характерном для всего нового и новейшего периода социально-политической истории этого региона. Одним из первых связывает это явление с текущими событиями на Украине В. Дергачев, определяя их как «периоды украинской контрреформации с характерной междоусобной борьбой за передел собственности с упором на «многовекторную» внешнюю политику, когда тактические задачи борьбы за власть и шкурные интересы украинской псевдоэлиты доминируют над стратегическими целями становления государственности» [6, с. 66–67].

Каждая из «Руин», по В. Дергачеву, имеет свои особенности, но к общим чертам можно отнести отказ власти от опоры на народ и ориентацию на внешние силы: в «Первую Руину» это была Польша для западных территорий и Россия для юго-восточных и центральных, во Вторую – фашистская Германия для западных территорий и Советский Союз для остальных, на протяжении Третьей Руины также западные и центральные земли ищут поддержки в ЕС и США, в то время, как юго-восточные районы не скрывали своих надежд на вхождение в состав Российской Федерации.

Современный конфликт на Украине представляется логическим продолжением «Третьей Руины», которая может последовать по сценарию Первой, то есть привести к разделу территории современного государства между разными странами, так и может стать отправной точкой объединения этих территорий.

На постсоветский период пришелся очередной этап междоусобной борьбы за передел собственности с упором на «многовекторную» внешнюю политику, с приоритетом сиюминутных целей в борьбе псевдоэлиты за власть над стратегическими целями становления государственности. И вновь проявилась принципиальная неоднородность страны, региональные различия отразились как в зеркале в четырех ведущих группировках правящей элиты Украины.

Одним из главных удерживающих факторов оказалась единая в целом позиция относительно главных стратегических приоритетов Киева на международной арене, сформировавшаяся уже к концу 1990-х гг. Концептуальную сущность данной геополитической и геоэкономической программы Украины стала определять установка, согласно которой основной внешнеполитической задачей украинского государства является интеграция именно с Западом.

Таким образом, в 2014 – 2016 гг. Украина проводила в жизнь ту внешнеполитическую программу, которая была разработана «галицко-волынской» и «киевской» группами ещё в 1990-е – начале 2010-х гг. Главная ее особенность – это открытое восприятие РФ как враждебной для Украины страны, а также стремление осуществить интеграцию украинского государства в структуры Запада как можно быстрее. Причем несмотря ни на какие материальные потери, которые при этом могли понести общество, а также национальная экономика и бизнес. Вместе с тем представители «днепропетровских» и «донецких» элитных кланов в указанные годы в целом

также полностью поддержали данный новый «тренд» украинской внешней политики на международной арене, хотя такого рода прозападный вектор однозначно не совпадал в первую очередь с их жизненно важными на тот момент финансово-экономическими интересами.

Главную роль в осуществлении доминирующими группировками украинской финансово-экономической и политической элиты этой столь глубокой трансформации внешнеполитической стратегии Киева на международной арене сыграло, прежде всего, соответствующее массивное воздействие со стороны США и ЕС, которое было оказано на данные элитные объединения в конце 2013 – начале 2014 гг. по разным каналам. [2, с. 37–40].

Черета «цветных революций», на постсоциалистическом пространстве, докатилась и до Украины. Очевидно, это была реакция коллективного Запада на восстановление геополитических позиций новой России, стремление к региональному лидерству, а, в последствии, и к преобразование мирового порядка из однополярного в многополярный, попытки реализовать подобный сценарий в самой России под предлогом недовольства существующей властью не увенчались успехом, как в силу недостаточного понимания специфики российского менталитета, так и благодаря работы специальных служб. Однако цель серьезной дестабилизации положения у границ России была достигнута, происходит втягивание РФ в заведомо продолжительный конфликт, продолжаются попытки превращения политического оппонента в изгоя.

Украинский кризис заставил многих авторов обратиться к цивилизационной теории, которая объясняет противоречия в развитии современного мира, и региональные в том числе, одновременным существованием нескольких отличных друг от друга цивилизаций. Эта концепция, основные идеи которой впервые отмечаются у Н. Данилевского [5], а затем обрела всемирную популярность благодаря С. Хантингтону [17], сегодня в очередной раз приобретает особую актуальность. Черета путчей и локальных конфликтов по периметру границ современной России и бывшего СССР убеждают в том, что многие проблемы развития современного мира объясняются параллельным существованием разных цивилизаций, то есть принципиально разных миров. Вероятность антагонистического противостояния в таком случае представляется практически неизбежной. С. Хантингтон в своём исследовании упоминает и Украину, по территории страны проходит так называемая «линия разлома» между цивилизациями – западной и восточной (православной).

Как отмечал русский историк В. Ключевский: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа наложила на нее особенности и влияние, которые всегда влекли ее к Азии или в неё влекли Азию» [7, с. 27].

Вот почему отдельные регионы Украины имеют объективно разные социально-культурные и геополитические приоритеты, которые оказали

существенное влияние на процессы её современного развития, векторы интеграции и происходящий раскол страны.

Тезис о цивилизационно-геополитическом противоборстве России и Запада, реализующемся в масштабе постсоветской Украины, актуален как в историческом контексте, так и в современности, отображён посредством концепта «точка вспышки» («Flash point»), связанного с конкретным регионом на мировой геополитической арене. Смысловая нагрузка имеет несколько сюжетов, которые вполне уместно состыковать в единую канву. Эта процедура нужна для того, чтобы увидеть общую связь в интересующем нас противостоянии, точнее, вовлечении Украины в геополитическую схватку с Россией на стороне её стратегического противника.

Как образно отмечает профессор Д. Е. Муза, в этой эпопее новейшей истории Юга России именно Донбасс, а не Крым, стал своеобразным «камнем преткновения», с одной стороны, геополитической «доктрины сдерживания» США (с их желанием тотального администрирования украинским проектом), а с другой – России (с ее желанием «собирать камни», т. е. территории и народы, около 25 лет назад «канувшей в Лету» Советской империи). При этом перспективы европейской (евроатлантической) интеграции и ее альтернативы – евразийской интеграции, были и остаются своеобразными полярными инвариантами цивилизационного и геополитического позиционирования Украины [11, с. 49–50].

Одной из ключевых категорий в этом контексте выступает термин «страна – лимитроф», сложившийся в геополитических и международных исследованиях начала XX в. Первоначально он применялся к созданным в результате Версальского договора 1919 г. слабым, «буферным» государствам Восточной Европы, основной смысл создания которых для Антанты был в изоляции России и поощрении этнического сепаратизма.

В теоретическом аспекте лимитрофное государство – это объект, а не субъект мировой геополитики как вследствие слабости своих ресурсов влияния, так и отсутствия самостоятельных геостратегических проектов. Такие страны в итоге своей этнической, языковой, религиозной, экономической дезинтегрированности, а также отсутствия исторической традиции национальной государственности, обречены быть «полем битвы» между субъектами геополитики. Часто само существование и поддержание на плаву лимитрофов возможно только в итоге международной, эксрегиональной «подпитки». Стремясь сохранить свою власть, элиты стран-лимитрофов обычно проводят этнократический курс, искусственно конструируя национальное единство – как в государственном, так и в этнокультурном смыслах.

Анализируя предвыборную социологию 2014 г., В. Рябцев выделяет в качестве основных выводов:

а) Украина как страна была и остается чрезвычайно гетерогенным образованием (и в этнокультурном, и лингвистическом, и в конфессиональном отношении); численно доминирующее «украинское» население не является

этнонацией и состоит из субэтнических, языковых и конфессиональных групп, имеющих взаимоисключающие исторические традиции и представления о своём политическом идеале;

б) будучи формально субъектом международного права с легитимными границами, которые она (тогда как одна из союзных республик СССР) получила в 1945 г. от И.В. Сталина, Украина не может обеспечить в достаточной мере законность и порядок на подконтрольной территории;

в) по большинству признаков, определяющих состояние государственности, т.е. институциональной эффективности и дееспособности государственной системы, Украина являет собой «failed state» («провалившееся государство»). И будет ли когда-нибудь создано нормальное национальное государство Украина (в нынешних границах и с составом населения, тяготеющим к ориентированным контрастно в цивилизационном и политическом отношении центрам силы) – большой вопрос [14, с. 381–382].

На феномен лимитрофных стран как одну из основных предпосылок геополитического столкновения на Донбассе указывает также российский историк В.И. Сальников [15, с. 361]. Украина является типичным примером лимитрофных, глубоко расколотых цивилизационными и историко-культурными размежеваниями, стран. Подобная неоднородность весьма долговечна и преобразуется в политический раскол страны, что неизменно оборачивается трагически для населения страны. В результате – перманентная «многовекторность», а по сути – геополитическая неопределённость в условиях острой борьбы полноценных акторов мировой политики, значительно более мощных и устойчивых, по сравнению с лимитрофом, центров силы и влияния, исторически сложившихся наций, образующими «ядра» отдельных (суб) цивилизаций. Любой интегративный процесс, независимо от принадлежности того или иного центра притяжения, гарантирует фиаско этого искусственного государства, его условного суверенитета.

Нахождение в зоне подвижного цивилизационного разлома между западной и православной (русской) цивилизациями, усугублённое включением в состав советской, а затем постсоветской Украины – искусственного лимитрофного образования – обеспечила очередной рост конфликтного потенциала на Донбассе.

Индустриальный русскоязычный Донбасс представлял собой «плавильный котёл» самых различных народностей, поэтому резко контрастировал с сельской и моноэтнической Центральной и Западной Украиной. В результате геополитической катастрофы – распада СССР – это противостояние усилилось, обретя цивилизационные основы.

Одно из главных преимуществ Донбасса, как отмечают исследователи – это особая культурная и институциональная среда, способствующая индустриальному развитию, традиции созидательного труда, творческая ментальность населения, обретающая особое значение в условиях новой промышленной революции, культурное и языковое многообразие,

соответствующее ценностям, которые провозглашает и защищает многонациональная и многоконфессиональная Россия. Поэтому, вне зависимости от особенностей политического устройства, залогом успешного развития Донбасса является стратегическая ориентация на Россию, обусловленная цивилизационными факторами [4].

А ведь ещё в 1990-е гг. отечественный философ и политолог А. С. Панарин, успешно применяющий цивилизационный подход, пророчески предупреждал об опасности превращения Украины (в силу культурного доминирования Правобережья и Галиции при активной помощи Запада) в зону цивилизационного противостояния [12, с. 372]. Поэтому война на Донбассе и отношения с Украиной – это огромный цивилизационный вызов для России, ответ на который может определить ее судьбу. Исходя из этого, урегулирование украинского кризиса и вооруженного конфликта на Донбассе должно осуществляться не только с учетом национальных интересов РФ, но и исходя из цивилизационных задач, стоящих перед Россией. В данный момент идет гармонизация двух находящихся в диалектическом взаимодействии цивилизационных проектов – Русского мира и евразийского. А Донбасс является местом практической сборки этой цивилизации.

Распад Российской империи обусловил разрушение общерусских основ идентичности и появление на обломках империи национально-государственных идентичностей у малороссов (украинцев), белорусов, народов Кавказа и в других регионах. Для идентификации южнорусского населения стали активно внедрять этноним «украинец», вместо бытовавшего ранее понятия «малоросс». Следует заметить, что не только деятели УНР поставили его в центр своей национально-государственной концепции. «Украинскую идею» решительно поддержали большевики, попытавшись внедрить свой вариант украинской советской идентичности в массовое сознание. А во время украинизации речь пошла не только о внедрении в массовое сознание украинской идентичности, но о придании ей довольно высокого статуса. Как итог, этнически однородное население ряда областей оказалось разделено между УССР и РСФСР, что, как показывают современные события на Донбассе, имело самые трагические последствия [16].

Постсоветские государства активно разрушали старую идентичность наряду с форсированным созданием новой истории, обоснованием этнической самобытности, при этом отрицая и целенаправленно дискредитируя прошлое. Многие новые конструкты идентичности имеют конфликтный потенциал, что подтверждается, в том числе, событиями на Донбассе. Украинский социум поражён кризисом, вызванным конфликтом региональных идентичностей и примитивностью этнократических построений. Коллективное сознание украинцев противоречиво, фрагментировано и раздроблено в связи с отсутствием устойчивой национальной идентичности у большинства граждан. Консолидирующие начала слабы или отсутствуют, преобладают локальные идентичности.

В российско-украинском приграничье, географически охватывающем современный Донбасс, сложился уникальный тип идентификации населения, резко контрастирующий с современными украинскими политическими практиками. Термин «приграничье» (borderland) охватывает пространство, прилегающее к государственной границе, выполняющее особые приграничные функции, обладая в связи с этим специфическими особенностями. Донбасс как пограничье выступает в качестве уникального пространства особого политического, экономического и культурного взаимодействия, в котором задействованы различные акторы.

Наконец, классический геополитический подход, оперируя специфическими категориями, такими как «суша» и «море», представляя оригинальную точку зрения на политические явления и процессы, в то же время тесно связан с цивилизационными (социокультурными), историческими интерпретациями. Так, Украина, Новороссия, Донбасс, в данном контексте – не просто осколки Российской империи и Советского Союза, но важнейшая часть геополитической «Большой игры».

Базовой основой содержания всего комплекса геополитической деятельности страны на международной арене, как можно констатировать, выступает именно так называемый фактор борьбы и экспансии, ориентированный, в свою очередь, на установление господства над определёнными территориями, необходимыми для обеспечения её «нормальной» жизнедеятельности, прогресса и безопасности, а также их «интеграцию» в соответствующую государственную систему, с одной стороны, и на нейтрализацию тех государств и (или) иных акторов системы международных отношений, которые в силу различных причин могут помешать успешной реализации подобной геополитической программы, с другой. При этом также следует подчеркнуть, что именно «второй» компонент с точки зрения геополитической теории международных отношений фактически должен выступать в качестве ведущего в системе государственной геополитики.

В то же время, особенности современной геополитической картины мира объясняют необходимость согласованной стратегии, которая была бы направлена на создание концепции порядка внутри различных регионов и на взаимное увязывание этих региональных порядков. Концепция баланса сил предполагает такие условия, при которых бы ни одна держава не являлась бы доминирующей в регионе, но геополитические вызовы говорят об обратном. «Если в каком-то регионе мира одна страна приобретет доминирование в военном отношении и это обернется установлением порядка, то возможно возникнет кризис во всем остальном мире» [8, с. 482].

Один из законов геополитики, одно из важных явлений – это явление геополитических опорных точек, которые удерживают «тотальное поле» под контролем метрополии. И если мы посмотрим на Донбасс и на Украину, мы увидим интересное явление.

Донбасс, который абсолютно справедливо сегодня называют форпостом Русского мира. В чем его отличие от Приднестровья и Крыма? На Донбассе, изначально не было российского военного присутствия, нет российских военных баз. Но, тут мы наблюдаем появление своеобразного феномена – русской народной самоорганизации, цивилизационной по своему характеру, которая консолидирует и мобилизует народ на защиту своей земли и своих ценностей, в ответ на украинскую националистическую агрессию. Таким образом, здесь формируется одна из опорных точек Русского мира.

В связи с этим С. Пантелеев выдвигает тезис о существовании «Новороссийского треугольника». Если посмотреть на карту Украины и провести воображаемые линии от Приднестровья к Крыму, от Крыма к Донбассу и от Донбасса к Приднестровью, то мы увидим треугольник, который территориально совпадает с тем регионом, который часто называют «Юго-Восток», историческое наименование которого – «Новороссия», отмечает автор, и это тот регион, который через влияние на Слобожанщину, Киевщину и др. украинские регионы удерживает Украину в зоне влияния Русского мира. Он, к тому же, наглядно совпадает с украинской картой «электоральной географии» [13].

Один из наиболее известных современных отечественных исследователей А. Г. Дугин полагает, что геополитика южных регионов связана с планетарной миссией России-Евразии [3]. С геополитической точки зрения, всё пространство, отделяющее российскую территорию от южной береговой линии Евразии, является полосой, чью площадь необходимо свести к нулю. На значение этого пространства как внутреннего полумесяца или римланда, отсекающего континентальные страны от морей, который является не линией, но полосой, Х. Макиндер указывал в XIX в [10]. По мнению классика англосаксонской геополитики посредством самого существования римланда оказывается талассократическое (морское) воздействие, противоположное базовому импульсу континентальной интеграции. Таким римландом для России было Северное Причерноморье и Приазовье до его присоединения, таким римландом для неё стала и сделавшая «атлантистский», т. е. талассократический геополитический выбор Украина.

Возвращаясь к Х. Макиндеру, отметим, Украина в его геополитической картине играла главную роль. Это же, подчеркивает и А. Дугин. И, хотя известно, что наш отечественный классик рассматривает англо-саксонскую и континентальные школы как две принципиально разные теории – Геополитика-1 и Геополитика-2, в данном случае он охотно ссылается на предшественника. Эта территория вместе с Польшей и странами Восточной Европы составляла часть «санитарного кордона», стратегической зоны, которая должна находиться под прямым контролем Англии и Франции (в то время союзников по Антанте) и предотвращать сближение между Россией и Германией. Будучи сдерживаемой «санитарным кордоном», Россия-Евразия не сможет стать полноценной Империей. Без Украины Россия не Империя. И, кроме того, враждебная России

Украина, находящаяся под прямым контролем англосаксов, будет отрезать Россию от континентальной Европы.

Без Украины Россия никогда не сможет стать полноценной суверенной державой, Империей, самостоятельным полюсом многополярного мира. Значит, судьба однополярности и глобализма (для Бжезинского это почти одно и то же) зависит от того, сможет ли Запад осуществить отрыв Украины. Ведь если Россия и Украина соединятся – тем или иным образом однополярность рухнет и геополитическая карта снова необратимо изменится.

Если на севере и востоке Евразии римланд для России практически отсутствует, континентальное пространство здесь имеет логичную геополитическую завершённость на юге и западе очевидна актуальная проблема. И если в первом случае основным приоритетом является оборона и защита, «профилактические» геополитические ходы, то во втором случае напротив, необходима активная наступательная геополитическая стратегия, экспансия.

М. Масаев, анализируя взгляды А. Дугина, обращает внимание на концепцию «открытых лучей», идущих от центра к периферии, которые не останавливаются на собственно российских границах, но должны быть проведены до южного океанского берега. Те отрезки «лучей», которые приходятся на российские территории, являются актуальными, на те страны, которые стратегически солидарны с Россией – полуактуальными, а на те государства, которые следуют собственному геополитическому пути или (в худшем случае) входят в зону прямого атлантического контроля – потенциальными. Общая логика евразийской геополитики в этом направлении сводится к тому, чтобы вся протяженность лучей стала актуальной или полуактуальной [9, с. 167–168].

Итак, битва за Украину и против России является исторической константой геополитической стратегии Запада. Это объясняет всё – начиная с провозглашения независимости через "оранжевую революцию" Ющенко – Тимошенко и вплоть до Майдана, а также 8 лет усиленной подготовки Киевом под началом атлантистских инструкторов к военным операциям по захвату Донбасса и Крыма [3].

Таким образом, обращаясь к вопросу предпосылок геополитического столкновения на Донбассе и Украине, мы убеждаемся, что в чрезвычайной важности комплексного анализа различных аспектов данной проблемы. Историческая реконструкция построения Украины образца кон. XX – нач. XXI вв. демонстрирует искусственность объединения в значительной мере разнородных регионов, противоборство государственно-идеологических мотивов, с одной стороны, и сложившихся в ходе предшествующего исторического развития социокультурных границ. Сформировавшаяся устойчивая гетерогенность закономерно обуславливала рост внутренней напряжённости в стране-лимитрофе, которая по определению страдает серьёзнейшими «родовыми травмами», как то, неизбежная зависимость от прочих держав – региональных и глобальных лидеров, разновекторная

геополитическая ориентация различных регионов и представляющих их элит, и, наконец, фиктивность суверенитета. Донбасс практически изначально оказался в политически зависимом положении, в «плёну» различных геополитических моделей, экспериментальных по своей сути. Особое экономическое развитие с не менее специфическими демографическими и социокультурными процессами не нашли должного выражения в форме политической самостоятельности региона. Если в дореволюционный период экономический регион Донбасса находился в рамках геополитического проекта Новороссии, Юга России, то затем он оказался «в плёну» сначала советской, а затем постсоветской Украины. При этом, объективный потенциал региона не только в экономическом плане, но практически и во всех иных аспектах неизменно вёл к нарастанию дисбаланса официального и реального положения вещей. Оголтелый национализм, исходящий из галицийского сектора страны и из самой столицы, помноженный на беспринципность местных элит Донбасса лишь усугубил фундаментальные предпосылки, что привело к взрыву радикализма, открытому вооружённому столкновению.

Непосредственно связанный со всем вышесказанным ценностный (аксиологический) аспект проблемы представлен, прежде всего в вопросах формирования различной идентичности разных частей «украинского национального конгломерата». Национальная, гражданская, региональная идентичности существенно различаются как по своему содержанию, так и по реальному «весу» в разных регионах Украины. Практически абсолютная терпимость в межнациональных и межконфессиональных отношениях на Донбассе, зачастую даже индифферентность была обусловлена объективными историко-демографическими процессами. Сформировался особый «донбасский характер», менталитет, выделявшийся не только на украинском фоне, но и на фоне большого «союза братских народов» СССР. При этом, очевидная неконфликтность в большой многонациональной семье, свойственная населению региона, уживаются с обостренным восприятием «малой родины», «оборончества», повышенным уровнем витальности, которые отмечаются многими исследователями. Всё это формирует, с одной стороны, несомненные преимущества в возможностях культурного развития, способности к выживанию в условиях любых кризисов и пр. С другой стороны, очевидны проблемы с самоидентификацией, особенно в условиях резкого контраста с современными украинскими политическими практиками, в условиях «борьбы без правил» с чрезвычайно агрессивной и влиятельной идеологии этнонациональной идентичности.

Итак, комплексный ретроспективный анализ выявляет антагонизм цивилизационных, этнических и конфессиональных противоречий между историко-культурными регионами Украины, что неизбежно формирует внутреннюю конфликтность.

Разбор закономерностей и категорий классической геополитики фундаментально обосновывает и детально дополняет историческую и

социокультурную часть общей картины. Геополитические теории являются важной теоретико-методологической опорой, касающиеся положения государства, находящегося между более могущественными и противостоящими силами. Именно в подобном положении Украина оказывалась не единожды в своей истории, в таком же положении она оказывается и сегодня. Значительное ужесточение и обострение конкурентной геополитической и геоэкономической борьбы между ведущими мировыми державами в рамках глобальной экономической системы ведёт к неизбежному сужению так называемого «коридора возможностей» для эффективного обеспечения этими странами своей текущей жизнедеятельности, а также самой динамики развития в долгосрочной перспективе.

Современный Азово-Черноморский регион издавна представляет собой субъект геополитических размежеваний, является составным звеном сложного узла геополитических проблем. Здесь исторически предполагаются стратегические приоритеты России в связи с международным региональным и глобальным противостоянием. В условиях растущей геополитической напряжённости у юго-западных границ России субъектное позиционирование Донбасса связано с его военно-стратегической функцией.

Украинский кризис стал кульминацией нарастания противоречий между Россией и странами коллективного запада. То геополитическое противостояние, которое столь жёстко и драматически проявляется на Донбассе, обнажает суть антагонизма России и НАТО, которая продвигается все ближе к российским границам. Ещё более явными и различимыми становятся противоречия в концептуальных и прикладных подходах России и западного сообщества во главе с США по главным вопросам мировой и европейской безопасности. Украина ныне рассматривается как едва ли не самая безнадежная геополитическая «черная дыра» в современном мире. Тесная взаимосвязь внутренних противоречий и конфликтов, а также непрерывные усилия западного истеблишмента превратить ее в форпост борьбы с Россией, в конечном счёте, и создали базовые предпосылки для абсолютно конфронтационной модели Москвы в отношениях с Киевом и, соответственно, для усугубления дисбаланса безопасности на стратегически важном участке евразийского римланда.

Сегодня очевидно, что мы наблюдаем качественные трансформации геополитической конфигурации современного мира, что, в свою очередь, провоцирует затягивание всё новых государств и территорий в «воронку» турбулентности. Фундаментальным условием выхода является установление порядка вещей, который можно будет охарактеризовать как стабильная политическая картина мира. Нахождение действенного противовеса антироссийских действий коллективного Запада во главе с США требует глубокой аналитической работы по выработке упреждающей стратегии активного противодействия, системного, продуманного подхода в принятии нужных решений.

Ссылки и примечания:

1. Белов П.Г. Украина: некоторые особенности и перспективы геополитического конструирования. // Пространство и Время. 2014. № 2(16). С. 136–146.
2. Белянцев А.Е., Берендеев В.А., Шамин И.В. Современная геополитика: причины возникновения, ключевые приоритеты и технологии ведения «холодной войны 2» (2014 – 2019 гг.): учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. – 58 с.
3. "Большая игра" на Украине: геополитический анализ Александра Дугина [Электронный ресурс] // Первый русский. Царьград. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/bolshaja-igra-na-ukraine-geopoliticheskij-analiz-aleksandra-dugina_508534
4. Вишневская Е.Н., Вишневская А.В. Социокультурные и институциональные аспекты развития Донбасса // Вестник института экономических исследований 2021, № 3(23). – С. 111–121.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – СПб: Изд-во СПбГУ. 1995. – 552 с.
6. Дергачёв В. Научные труды в семи книгах. Кн. 6. Электронное издание на CD. / Издательский проект профессора Дергачева. 2008.
7. Ключевский В. Курс русской истории [Электронный ресурс] / Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch03.htm>
8. Мировой порядок / Генри Киссинджер; [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 512 с.
9. Масаев М.В. Глобальные и региональные геополитические и международно-правовые последствия Атлантического выбора Украины на фоне формирования парадигмального образа новой цивилизации (философско-исторический аспект) / М.В. Масаев. // Культура народов Причерноморья. 2004. №48. Т. 1. – С. 160–168.
10. Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. – С. 162 – 169.
11. Муза Д.Е. Донбасс как индикатор беловежской геополитической эпохи // Геополитика и безопасность. 2016. № 3-4 (35-36). – С. 49–57.
12. Панарин А.С. Политология: Учебник. – М.: Проспект, 1997. – 408 с.
13. Сергей Пантелеев: Донбасс в геополитике Русского мира // Россия и соотечественники. – Режим доступа: <https://russkie.org/articles/donbass-v->

geopolitike-russkogo-mira/?fbclid= IwAR3wBEOdR7JLuTFUFpJHP
TQ4xJtRgNmJ-3hey_XNriPcKSkRZSXFXYL58Vs

- 14.Рябцев В.Н. Украина как типичная «страна – лимитроф»: история и современность // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Междунар. науч.-практ. конфер. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 375 – 384.
- 15.Сальников В.И. Вооруженный конфликт на Донбассе в контексте «столкновения цивилизаций» // Постсоветские исследования. 2021. №4(5). С. 359 – 365.
- 16.Татаринов И.Е., Герасимов А.В. Южнорусская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Междунар. науч.-практ. конфер. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 537–544.
- 17.Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.

УДК 32.019.51: 323.23

А.Г. Титова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: jes-lex@ya.ru

СЛУХИ И ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ: ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация

В данной статье автор рассматривает деструктивное влияние недостоверных информационных сообщений на социально-политическую стабильность, а также опыт противодействия слухам в современных реалиях.

***Ключевые слова:** слухи, масс-медиа, фейковые новости, верификация информации.*

Summary

In this article, the author considers the destructive impact of false information messages on socio-political stability, as well as the experience of countering rumors in modern realities.

***Keywords:** rumors, mass media, fake news, verification of information.*

Ввиду стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, рост численности аудитории рунета неминуемо сопровождается снижением качества информации и увеличением доли недостоверных сообщений, в особенности анонимного характера, в Сети. Актуальность исследования обусловлена тем, что слухи – самотранслируемая информация – также переходят из поля вербального взаимодействия в пространство цифровой коммуникации, где приобретают ряд отличительных свойств возникновения, распространения и могут оказывать различное влияние: от снятия общественного напряжения по социально значимому поводу, до сеяния панических настроений, способных привести к дестабилизации политической или экономической ситуации (например, вызвать искусственный ажиотаж на какой-либо товар с последующим ростом цен).

Целью данной работы является рассмотрение проблемы распространения слухов в сети Интернет и способов противодействия.

Исследование слухов представляет интерес не только с точки зрения политологического знания, но и как объект социологического, психологического, философского и филологического анализа. Некоторые исследователи выделяют руморологию в отдельную дисциплину. Базис для

исследования слухов был заложен ещё в середине прошлого века, и мы не можем не отметить вклад таких западных авторов как Т. Шибутани, Г. Олпорт, Л. Постмэн, П. Лазарсефельд, Б. Берельсон, Н. Смелзер, и Р. Кнэпп. А также отечественных исследователей К.П. Дубинина, Л.С. Ахиезера, С.К. Рощина и А.П. Назаретяна.

Г. Олпорт и Л. Постмэн предложили классическую концепцию трансформации слухов – на основе идей гештальт-психологии они описали три тенденции изменения информационных сообщений: «сглаживание», сокращение всего избыточного материала, «заострение», выделение отдельных деталей из общего контекста, и «ассимиляцию», отражающую влияние интересов, чувств, мыслей, убеждений, привычек индивидов [1].

Американский социолог японского происхождения Т. Шибутани, описал неформальные массовые коммуникации как попытку совместного выстраивания субъективно рациональной и достоверной интерпретации проблемы посредством объединения интеллектуальных ресурсов [2]. А борьба с ложными слухами, согласно его концепции, предусматривает вмешательство в диалогические процессы посредством информационного воздействия на носителей определенных коммуникативных ролей, таких как «вестник», «интерпретатор», «скептик» и др.

Значения самих терминов «слух», «фейковые новости» и других, связанных с ними (постправда, дезинформация, фальсификация) могут быть синонимичны или варьироваться у различных авторов, в зависимости от контекста исследования. Отметим, на наш взгляд, наиболее релевантные определения. С.С. Распопова и Е.Н. Богдан дают такое толкование фейковых новостей: «это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение» [3]. По мнению С.В. Пацынко «слухи – это специфический феномен коммуникации, в котором происходит процесс возникновения и неформального распространения эмоционально окрашенного сюжета сообщения без официального подтверждения, направленного на удовлетворение актуальных информационных потребностей в ситуации дефицита информации, построенный на доверии, оказывающий влияние на поведение и формирование настроений в обществе» [4]. По замечанию А.Л. Журавлева, слухи не только удовлетворяют социальную потребность в познании окружающего мира, но и сами стимулируют эту потребность, способствуя созданию той проблемной ситуации, которая позже потребует объяснения [5].

Существует ряд работ, посвященных исследованию снижения доверия населения к институтам власти вследствие распространения слухов. Однако, более интересным нам кажется отметить мнение Ю.В. Колина заключившего, что замкнутость социальной системы, отсутствие в ней эффективных моделей обратной связи и механизмов вертикальной мобильности напрямую влияет на процесс активного развития неофициальных каналов передачи информации и

усиление циркуляции слухов, что в свою очередь приводит к делегитимизации государственной власти [6].

Порядок распространения фейковых новостей согласно Н.Ф. Пономареву выглядит следующим образом:

- 1) сообщения генерируются политтехнологами и пиарщиками;
- 2) озвученная журналистом или блоггером, фейковая новость приобретает статус «подлинности»;
- 3) эти «псевдоновости» становятся объектом деятельности медийных агентов в развлекательной сфере;
- 4) участники блогосферы (как сами блогеры, так и их аудитория) превращает уже прошедшие несколько этапов фейки в «меморативы» – нарративы из мемов;
- 5) заинтересованная сторона какого-либо процесса использует эти «меморативы» в качестве доводов и аргументов [7].

Порой СМИ намеренно понижают интеллектуальный уровень сообщения, сводя его к высказыванию одной главной мысли в утвердительной форме, отсекая тем самым возможность дальнейшего обсуждения. В этом и заключается особенность манипуляции посредством фейковых новостей – человек считает, что он сам выбрал так думать или делать. Но доказать преднамеренность такой манипуляции бывает крайне сложно, что и делает выявление фейков трудоемким процессом. А в случае слухов, манипуляция не всегда является намеренной.

Спонтанные слухи возникают, как правило, из-за привычки людей интерпретировать любую информацию так, как им заблагорассудится. Это может происходить из-за ряда факторов: невнимательное прочтение информационных сообщений, стереотипность мышления, эмоциональное восприятие (в т.ч. личная вовлеченность в возможные последствия значимого события), недостаточная компетентность в предмете обсуждения.

Проблема доверия той или иной информации также связана с тем, что борьба с недостоверной информацией начинается лишь после того, как она уже получила достаточно широкую огласку. Исследования распространения слухов, приходят к выводу, что большая часть населения после появления фейковых новостей, уже не обращает внимание на их опровержение [8]. Одной из самых актуальных в этой области остается проблема анонимности. Установление лица, распространяющего ложную информацию, может быть почти невозможно, так как на большинстве Интернет-ресурсов при регистрации не проверяется подлинность Ф.И.О., а номер телефона фейкового аккаунта может быть привязан к одноразовой сим-карточке. Г.О. Павловский сравнивает происходящий в Интернете процесс запуска в массовое сознание необходимых сюжетов с помощью распространения слухов «самым настоящим отмыванием черной информации», поскольку слухи, передающиеся в Сети, анонимны, но СМИ получают возможность ссылаться на Интернет («пользователи отмечают», «очевидцы сообщали», «поступает информация» и др.) [9].

Попытки борьбы со слухами и фейками принимаются не только социальными сетями [10], но и энтузиастами среди пользователей. Так в США журналист Крейг Сильверман запустил онлайн-проект «Emergent info», занимающийся проверкой неправдоподобных новостей и слухов. Их сайт в режиме реального времени отслеживает поступающую информацию, и присваивает ей статус «правда» или «фейк» [11].

Одной из первых стран, взявшихся за противодействие слухам на законодательном уровне, стала КНР. В середине 2013 г. китайское правительство приняло закон, предусматривающий уголовное наказание вплоть до лишения свободы за распространение слухов и клеветы в интернете. Автора ложного сообщения, получившего широкое распространение либо вызвавшего волнения на этнической почве, могут приговорить к трем годам лишения свободы.

Эпидемия COVID-19 обострила системную проблему общества, связанную с распространением тревожных слухов. Социальные страхи и фобии, возникшие вследствие реальной опасности коронавируса, значительно отразились на поведении людей, в том числе в сфере социальных коммуникаций. С начала 2020 года исследовательской группой «Мониторинг актуального фольклора» в рунете (русскоязычном сегменте Интернета) было обнаружено около двух миллионов репостов слухов, сплетен, псевдомедицинских советов, конспирологических теорий о происхождении вируса и методах борьбы с ним [12]. Основными мотивами сообщений было то «чем на самом деле является коронавирус» («это просто грипп», «это биологическое оружие Китая/США» и пр.), об «эффективных» методах защиты (есть имбирь с чесноком, пить водку и т.д.) и о последствиях вакцинации («нас хотят чипировать»).

Так, широкую распространенность получили слухи, отрицающие опасность вируса и трактующие меры по борьбе с новой болезнью как уловку властей для достижения собственных целей. Исследователи считают, что подобные нарративы имеют компенсаторную функцию, создавая иллюзию безопасности в ситуации неопределенности и хаоса. Интерес людей к подобным сюжетам зачастую связан с падением доверия к институтам власти и официальным источникам информации.

Инфодемия COVID-19, в связи со своей беспрецедентной социальной остротой, послужила толчком для установления с 1 апреля 2020 г. в России уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации, в том числе повлекшей тяжкие последствия (ст. 207.1-207.2). А с 4 марта 2022 года, в связи с проведением СВО, был принят закон устанавливающий уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, а также за публичные действия, направленные на дискредитацию российской армии и действия государственных органов за рубежом.

Помимо уголовной ответственности, существуют и другие способы борьбы со слухами в социально-политическом поле. Противодействие слухам предполагает осуществление ряда мероприятий, направленных на снижение их

заразительности, распространяемости и живучести. Здесь могут быть использованы следующие приёмы: игнорирование неправдоподобных слухов и демонстрация опровергающих фактов; официальное опровержение слуха авторитетным источником; ирония, высмеивание «нелепой» информации; создание контрслуха противоположного по сюжету; доведение слуха до абсурда; устранение причин, послуживших поводом для слуха; публичное разоблачение «сплетника».

Важнейшим элементом в процессе противодействия слухам является верификация информации, а их переход в виртуальную среду предоставил новые возможности для «факт-чекнга». Среди известных традиционных способов верификации можно отметить: нахождение первоисточника информации, разговор с очевидцем и поиск альтернативного источника. Исследователи отмечают четыре значимых аспекта для подтверждения информации в социальных медиа: оригинальность контента, кто загрузил (источник), где загрузил (локация) и дата публикации.

Суммируя вышесказанное, выделим следующие правила «факт-чекинга» актуальные для цифрового общества XXI века:

- внимательность - необходимо подмечать неточности в названиях, именах, датах;
- поиск нескольких независимых источников информации;
- важно проанализировать и понять цель публикации, кому она может быть выгодна;
- изучать мнения стороны с альтернативной точкой зрения;
- помнить, что информационное сообщение и комментарии пользователей к нему – это разные вещи;
- делать какие-либо выводы следует лишь полностью изучив материал и альтернативные точки зрения;
- не стоит доверять публикациям анонимных авторов и недостоверным, скомпрометированным источникам.

Распространенность слухов, а также отсутствие единой системы оценивания достоверности информации способно провоцировать тревожные настроения в обществе и негативно сказываться на уровне доверия к органам власти, что актуализирует разработку новых методов противодействия слухам и повышения информационной грамотности населения в целом.

Ссылки и примечания:

1. Allport G.W., Postman L. The psychology of rumor. – N.Y., Holt, 1947.
2. Shibutani T. Improvised news: A sociological study of rumor. – Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1966.
3. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 11. – С. 48 – 53.

4. Пацынко С.В. Влияние слухов на электоральное поведение избирателей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. С. 8–9.
5. Журавлев А.Л. Массовые явления в больших диффузных группах // Социальная психология. – М. : ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002. – С. 273–279.
6. Колин Ю.В. Виртуальная реальность как проблема в контексте формирования произвольного образа мира в массовом сознании / Ю.В. Колин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021, №7 (109), Июль. Часть 4. С. 198–207.
7. Пономарев Н.Ф. Фейковые новости в контексте постправды // E-Scio. – 2019. - № 6. – С. 126–133.
8. Осипов Г.В. Слухи в обществе, их источники и динамика [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2006/09/11/slukhi_v_obshhestve_ikh_istochniki_i_dinamika.html (дата обращения: 17.09.2022).
9. Кузин А.В., Юшук Е. Противодействие черному PR в Интернете/ – М.: Вершина, 2008. – С.175.
10. Как социальные сети борются с фейками [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://stopfake.kz/ru/archives/1191> (дата обращения: 17.09.2022).
11. Разработан сервис для разоблачения новостей «уток» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/10/06/emergent> (дата обращения: 17.09.2022).
12. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 231-265. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1778> (дата обращения: 13.09.2022).

УДК 94:342.1:316.32(470+571)

А.И. Минаев

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: aiminaev68@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ КАК ФАКТОРЕ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье актуализируется концептуальная проблема национальной идеи как фактора поступательного развития современного российского общества. Автор, с одной стороны, предпринимает попытку провести грань между понятиями «русская идея» и «национальная идея современной России», и, вместе с тем, показывает их диалектическую взаимосвязь.

Ключевые слова: *национальная идея, русская идея, современное российское общество, государство-цивилизация, реальный суверенитет*

Summary

The article actualizes the conceptual problem of the national idea as a factor of progressive development of modern Russian society. The author, on the one hand, attempts to draw a line between the concepts of "Russian idea" and "national idea of modern Russia", and, at the same time, shows their dialectical relationship.

Keywords: *national idea, Russian idea, modern Russian society, state-civilization, real sovereignty.*

Политики, общественные деятели, ученые, граждане много размышляют над национальной идеей, в которой заложена формула развития общества, своего рода, формула жизненного успеха всех и каждого. Активность такого рода возрастает в переломные сложные периоды общественного развития. Последние тридцать с небольшим лет нашей истории стали таким временем – временем рождения его новых смыслов.

В чем главное принципиальное отличие, исключая степень концентрации мысли, идеологии от национальной идеи? Идеология, по нашему мнению, идейно обрамляет публичную государственную жизнь. Что касается национальной идеи, то она призвана культивировать общественное согласие, обеспечивать единство общества, или, по крайней мере, возможность консенсуса в нем.

Прошлое страны знает попытки, более или менее успешные, направленные на создание национальной идеи. В конце 1523 – начале 1524 года старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем была сформулирована в двух посланиях концепция «Москва – третий Рим». Автором теории официальной народности, выраженной кратко «Православие, Самодержавие, Народность», стал С.С. Уваров. Эти основные принципы были изложены им при вступлении в должность министра народного просвещения в его докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» 19 ноября 1833 года. «Жить стало лучше, жить стало веселее!» – таков распространенный вариант ключевой фразы, произнесенной Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным в выступлении на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев. Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» был провозглашен Сталиным в ходе выступления по радио 3 июля 1941 года. Дополнительную популярность ленинские слова «Догнать и перегнать!» приобрели в виде лозунга в конце 1950-х в связи с выступлениями Н.С. Хрущева.

Как это не покажется странным, богатое на перемены время горбачевской «перестройки» не родило сколько-нибудь значимых для общественного развития лозунгов. Речь может идти, скорее, о расхожих, политически окрашенных клише, что свидетельствует о невостребованности обществом, его элитами осмысления процессов, происходивших в стране. Последнее, по нашему мнению, указывает на искусственный, навязанный сверху характер изменений.

Конечно, мы привели далеко не все попытки такого рода. Отметим, что в советский период они носили тактический характер, были ориентированы на ближайшую, обозримую перспективу. Более ранние носили долгосрочный характер, содержали в себе мощную православную компоненту и претендовали на фундаментальность.

В данной статье отнюдь не ставится задача сформулировать новую национальную идею. Мы прекрасно понимаем, что ядро национальной ментальности кристаллизуется из множества идей и воззрений, и в той или иной количественной и качественной совокупности транслируется на протяжении всей истории народа, нации, переходя из эпохи в эпоху и приобретая новые черты. Автор берет на себя смелость лишь прикоснуться к проблеме, актуализировать ее, высказав свою точку зрения.

По нашему мнению, для появления новой обновленной формулы общественного развития, принимаемой обществом, необходимо результативное взаимодействие нескольких важных факторов: точность и обоснованность формулировки, проявленный общественный интерес, который при распространенном достаточно широко идейном инфантилизме несколько сомнителен, внимание со стороны власти. В условиях современного интеллектуального и информационного разнообразия это представляет собой труднореализуемую на практике задачу. Нередко высказывается предположение о том, что наша национальная идея состоит в ее постоянном поиске. В этом тоже есть

свое рациональное начало, поскольку нам свойственна рефлексия, постоянная обращенность на самих себя и результаты нашей деятельности, их критика.

Автор предлагает следующее определение, ставшее результатом долгих размышлений и внимательного изучения современного состояния и истории проблемы. **Россия – расположенное в Европе и Азии государство- цивилизация исконного здравого смысла, солидарного созидательного труда, высокой духовности, эффективной государственности, обеспечивающей безопасность и развитие своих граждан и общества.**

На наш взгляд, данное определение имеет две важные позитивные характеристики: динамичность, в силу отнесения к обозримой перспективе достижения отдельных параметров, и сочетание универсального и национального.

Проанализируем предложенное определение. Констатируя географическое положение страны в Европе и Азии, мы акцентируем внимание на объективном географическом факторе ее развития. В определении не используется термин «евразийская страна». Мы отказываемся даже от словосочетания «евро-азиатская», понимая, что главная смысловая нагрузка лежит на второй части этого сложного прилагательного. Более того, понятие «евразийство» выражает собой целое философско-политическое направление, утверждающее особый путь исторического развития России. Для нас это оказалось неприемлемым в силу поставленной задачи дать определение идеологически нейтральным и обеспечить тем самым его максимальную востребованность.

Продолжим наш анализ. Цивилизационное государство (государство-цивилизация) – это страна, представляющая собой не просто историческую территорию, этнолингвистическую группу или орган управления, а уникальную цивилизацию, то есть локализованное во времени и пространстве общество, представляющее собой целостную систему, состоящую из уникальных экономической, политической, социальной и духовной подсистем.

«Национальное государство – это продукт европейского Нового времени, – подчеркивает А.Г. Дугин, – а в некоторых случаях постколониальная конструкция. Государство-Цивилизация имеет древние корни и неопределенно меняющиеся границы. Государство-Цивилизация подчас – пульсирует – то расширяясь, то сужаясь, но всегда оставаясь постоянным явлением. ... Может вступать во взаимодействие с внешним миром, но никогда не впадает от него в зависимость и всегда сохраняет самодостаточность, автономию и автаркию.

Государство-Цивилизация всегда больше, чем просто государство и в пространственном, и во временном (историческом) выражении» [3].

По нашему мнению, взаимодействие и взаимовлияние государства, как формы политической организации общества на определенной территории, и цивилизации, как общественной локализации во времени и пространстве, дает мощнейший синергетический эффект, обуславливающий во многом внешнее распределение силы, мощи и влияния. Вернемся к А.Г. Дугину. «Главным актором многополярного миропорядка, – пишет он, – является не национальное государство (как в теории реализма в Международных Отношениях), но и не единое Мировое

Правительство (как в теории либерализма в Международных Отношениях). Им является Государство-Цивилизация (Civilization State). Другие названия для этого – «большое пространство», «Империя», «Эйкумена» [3].

В мае 2022 года в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» президент Российской Федерации В.В. Путин сказал о России: «Это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий» [6].

Автор разделяет точку зрения на Россию, как на государство-цивилизацию, уверенно занимающую место одного из важнейших полюсов в рамках активно формирующейся многополярной системы международных отношений.

Российская цивилизация – понятие исключительно сложное и многомерное. А.Н. Каньшин пишет: «...Российскую цивилизацию можно определить, как исторически длительно и локально существующее сложное общество русского и других народов на евразийском пространстве, сформировавшее самобытную и духовную культуру, а также универсальные общечеловеческие ценности, материально-производственную, социальную, политико-правовую и духовную сферы жизни, имущественные, властно-управленческие, социально-культурные, духовно-мировоззренческие нормы и принципы социальной организации и практической деятельности его субъектов».

К ведущим признакам российской цивилизации относятся: наличие и сохранение титульной культуuroобразующей этнической общности – русского народа, государственность, письменность, историческая роль православия как в целом консолидирующего духовного фактора, евразийский характер социокультурного пространства, русский язык как средство многонационального общения и государственный язык, самостоятельность исторического самосовершенствования и приобретения признаков самобытности и универсализма» [5].

На наш взгляд, сегодня центр дихотомии формационного и цивилизационного подходов смещается в область последнего. Формационность при должном внимании к ней западной гуманитаристики могла бы стать хорошим подспорьем в научном обосновании глобализации. Это уже в прошлом. Что же касается магистральной тенденции трансформации современного мирового порядка, выражающейся в его фрагментации, то цивилизационный подход с его производной – государством-цивилизацией, могут стать важными компонентами сложного теоретического фундамента формирующейся многополярности.

Здравомыслие является признаком «здорового общества», за пониманием которого обратимся к Эриху Фромму, чьи взгляды на предмет во многом разделяем. «... Цель усилий современного человека, – пишет философ, – состояла в создании здорового общества, конкретнее, общества, члены которого развили бы свой разум до такой степени объективности, которая позволяет им видеть самих себя, других людей и природу в их истинной реальности, а не искаженным инфантильным всеведением или параноидной ненавистью. Это означало бы общество, члены которого достигли такой степени независимости, что они знают разницу между

добром и злом, могут сделать свой собственный выбор, обладают скорее убеждениями, нежели мнениями, скорее верой, нежели суевериями и смутными надеждами. Это означало бы общество, члены которого развили в себе способность любить своих детей, соседей, всех людей, самих себя и всю природу, чувствовать свое единство с ней, и в то же время сохранить чувство индивидуальности и целостности и превосходить природу в творчестве, а не в разрушении» [7]. Такое общество, по нашему мнению, способно выработать эффективные механизмы и методы властвования.

В отечественной политологии детально разработана проблема эффективности власти, поэтому в данной статье мы ограничимся констатацией самого общего характера. Эффективность власти – одна из наиболее важных интегральных характеристик власти, показывающая степень выполнения ею своих задач и функций. Практически это означает гарантированное проведение в жизнь компетентных властных распоряжений с наименьшими затратами и издержками в максимально короткие сроки.

В современной России в области властных взаимодействий мы определили бы два проблемных поля: последовательное неискаженное доведение по всей вертикали властных распоряжений, установок, импульсов и неформальное отношение к тому, что главной целью в этом контексте является не властное действие как таковое, а благополучие человека.

Несколько мыслей о других составляющих предложенного в статье определения. Говоря об исконности здравомыслия, мы подразумеваем его обращение к опыту предшествующих поколений. Упорство, жертвенность, мудрость, находчивость, как и многие другие качества, присущие россиянам, не раз приводили их к победам и успехам в прошлом. Только взяв все лучшее, можно быть уверенным в себе сегодня и строить достижимые планы на будущее.

Здравомыслие – способность мыслить, опираясь на жизненный практический опыт, на общепринятые моральные ценности. В приведенном определении сделаем акцент на его последней части. Россия сегодня предлагает позитивную повестку, которая может обеспечить сохранение и развитие человечества. Называемые часто традиционными ценности представляются нам, прежде всего, рациональными, прошедшими проверку временем и общественными потрясениями, способными сохранить главное – человека, одновременно объект и субъект поступательного развития.

Нами принимается и следующая констатация. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах.

Наконец, несколько слов о солидарном созидательном труде. Труд каждого должен быть нацелен на реализацию собственных способностей, удовлетворение потребностей и процветание страны. Россия должна стать главным благополучателем физических и интеллектуальных трудовых усилий ее граждан. Это не просто, но к этому следует стремиться. Пора не только вспомнить, но и на

деле реализовать основательно забытую формулу социализма «от каждого – по способности, каждому – по труду» и дополнить ее словами «во благо Родины».

В данной статье, с одной стороны, мы предпринимаем попытку провести грань между понятиями «русская идея» и «национальная идея современной России», и, вместе с тем, показать их диалектическую взаимосвязь. Понимание нами первой двояко. С одной стороны, это совокупность ментальных особенностей русских людей, которые в исторической ретроспективе оказывали влияние на процессы общественного и политического развития России. «У русских, – писал выдающийся русский политический и религиозный философ Н.А. Бердяев в своей работе «Русская идея», – моральное сознание очень отличается от морального сознания западных людей, это сознание более христианское. Русские моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлеченным началам собственности, государства, не к отвлеченному добру. У русских иное отношение к греху и преступлению, есть жалость к падшим, униженным, есть нелюбовь к величию. Русские менее семейственны, чем западные люди, но безмерно более коммюнитарны. Они ищут не столько организованного общества, сколько общности, общения... Русский парадокс заключается в том, что русский народ гораздо менее социализирован, чем народы Запада, но и гораздо более коммюнитарен, более открыт для общения» [1].

Для русского человека не столь важно общество, как совокупность всех подданных или граждан, сколь общность, в которую он непосредственно инкорпорирован, ценности и установки которой он разделяет, и готов им следовать, более того, в создании которой он принял непосредственное или опосредованное участие. Предположим, что в основе этого лежит русская община, которую русский человек называл обществом, но видел в ней именно общность – общую социальную группу. Именно в этом, по нашему мнению, основа высокой адаптивности русского человека к любым жизненным коллизиям, которые влекут в том числе и смену окружения индивида, условий его жизни и деятельности.

С другой стороны, это совокупность идей и представлений об особой, скорее универсальной и вненациональной роли русского человека. «...В русском характере, – писал Ф.М. Достоевский в своей публицистической работе «Ряд статей о русской литературе», – замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы... У него инстинкт общечеловечности»[2]. Важным обстоятельством является трансляция этих представлений вовне, другим народам, общностям, государствам.

Национальная идея представляется совокупностью установок, ориентиров, формирующих самосознание россиян и общественное сознание в современной России. Она направлена внутрь российского общества, способствует его

консолидации и формированию устойчивой способности решать задачи поступательного развития своей страны.

Оба этих понятия, «русская идея» и «национальная идея современного российского общества» находятся в тесной взаимосвязи, взаимопроникают и взаимодополняют друг друга. Если национальная идея, по нашему мнению, ориентирована на решение значимых для гражданина, общества и государства задач, то русская одухотворяет эту деятельность исконными нравственными и моральными ценностями, открытостью и склонностью к диалогу с теми, кто готов к нему.

Ход СВО вооруженных сил Российской Федерации на Украине в целях обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности нашей Родины не мог не оказать своего влияния на понимание автором проблемы, рассматриваемой в настоящей статье. Военно-политические события 2022 года дали мощнейший импульс общественно-политическому развитию, идейным и духовным исканиям.

Видный современный российский философ А.Г. Дугин прямо говорит о том, что в речи Президента Российской Федерации В.В. Путина, произнесенной при Акте подписания договора о вхождении в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей содержится «каркас полноценной идеологии». «В речи Президента, – акцентирует наше внимание философ, – прямо прозвучали ключевые кодовые понятия – «Большая Россия», «страна-цивилизация», Русская Весна, «освободительная миссия», многополярность, «подлинный стратегический суверенитет», «суверенный путь развития», антиколониальное движение, радикальное неприятие западной гегемонии и претензий на однополярное мироустройство. Путин обрушился на весь западоцентричный миропорядок, который он приравнял к неоколониальной расистской системе – к агонизирующему империализму и апартеиду» [4].

Разделяя подобную оценку исторического выступления Президента РФ В.В. Путина, мы полагаем, что в годину испытаний, связанных с защитой Отечества «автоматически» вступает в действие овеянная немеркнущим подвигом нашей армии и народа идеология «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами», произнесенная по радио в полдень 22 июня 1941 года наркомом иностранных дел В.М. Молотовым. При этом мобилизация должна быть многоаспектной – военной, экономической, духовной, идеологической, нравственной.

Мы понимаем и принимаем, что предложенное в статье определение национальной идеи для современной России далеко от едва ли достижимого оптимума. Это, скорее, совокупность предлагаемых автором характеристик и ориентиров национального общественного развития, которое, вне всякого сомнения, позитивно, успешно, направлено на укрепление статуса России, как государства-цивилизации, ее не декларативного, а действительного, реального суверенитета.

Ссылки и примечания:

1. Бердяев Н. А. Русская идея. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nnov.hse.ru/data/2018/02/20/1165426589/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2%20%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9.%20%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%8F%20-%20royallib.ru.pdf>. – Загл. с экрана.
2. Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/o-russkoj-literature/orl-i-vvedenie.htm>. – Загл. с экрана.
3. Дугин А.Г. Государство – Цивилизация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/gosudarstvo-tcivilizatciya>. – Загл. с экрана.
4. Дугин А.Г. Путин провозгласил русскую идею. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/putin_provozglasil_russkuyu_ideyu. – Загл. с экрана.
5. Каньшин А.Н. К вопросу о российской цивилизации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rossiyskoj-tsivilizatsii/viewer>. – Загл. с экрана.
6. Путин В.В. «Россия – это не просто страна, а отдельная цивилизация». Высказывания Владимира Путина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/15972421>. – Загл. с экрана.
7. Фромм Эрих. Здоровое общество. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/220203-zdorovoe-obschestvo/>. – Загл. с экрана.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 3 (82) 2022 год
под редакцией С.В. Беспаловой

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
07.10.2022 (протокол № 7)*

Редакция сборника

Главный редактор – кандидат исторических наук,
доц. **Разумный Виталий Витальевич**
Тел.: +38 (062) 302-07-25
e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Ответственный за выпуск – Бобровский А.С.

Компьютерная верстка:

Посредников Д.В.

Художественное оформление:

Грудева Е.Г.

Ответственный секретарь:

Посредников Д.В., к-т ист. наук

Адрес редакции научного журнала:

исторический факультет
ул. Университетская 22,
г. Донецк,
283001

Издательство Донецкого национального университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 22

Подписано к печати 07.10.2022 г. Формат 60x84/8. Бумага типографская.
Печать цифровая. Условн. печ. лист. 10,95. Тираж 300 экз. Заказ № октябрь311

Донецкий национальный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
Серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.